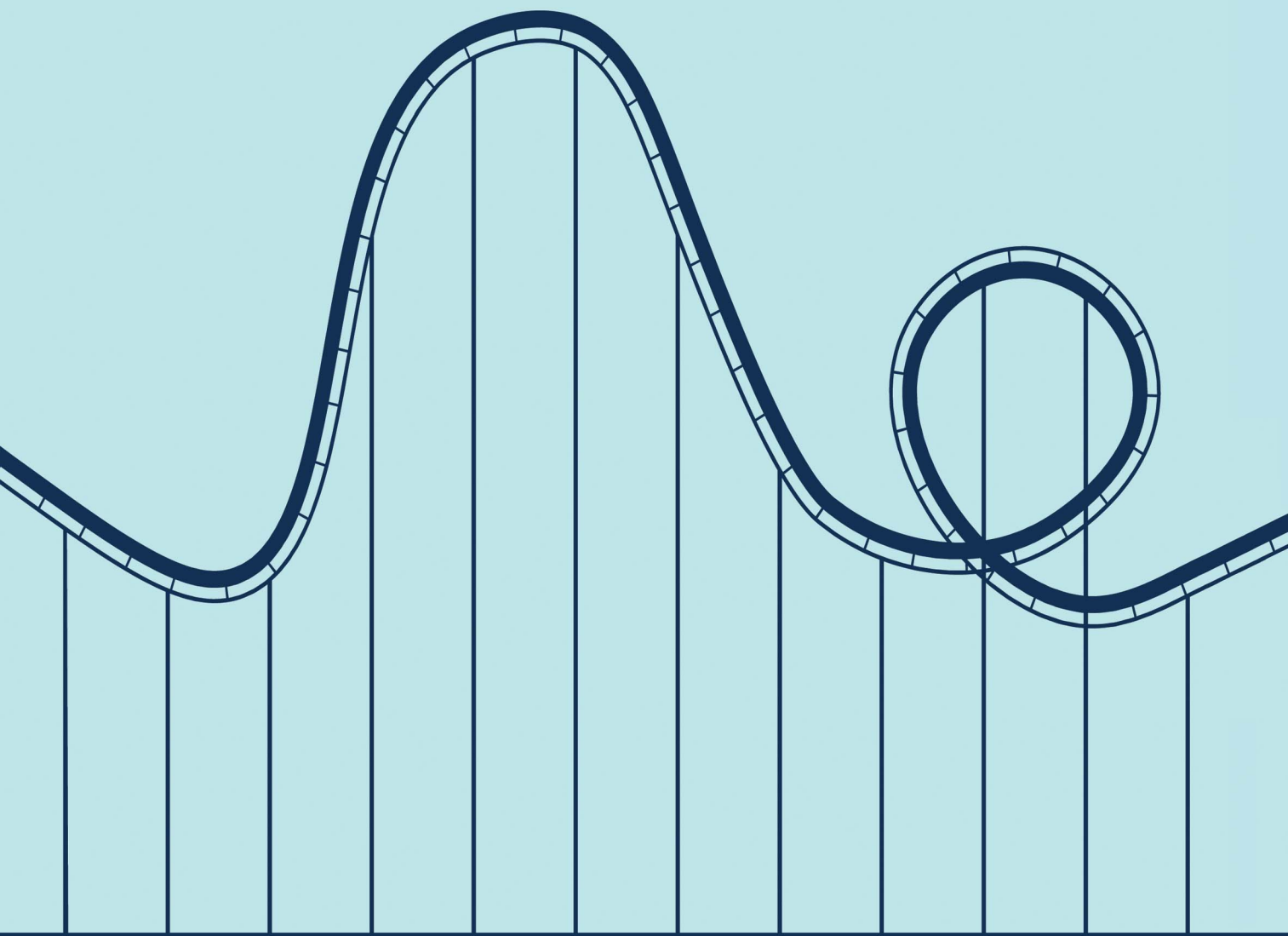

США ПРИ ВТОРОЙ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА:

анализ основных
тенденций развития

Федеральное
государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И КАНАДЫ
имени академика Г.А. АРБАТОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

США ПРИ ВТОРОЙ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА: анализ основных тенденций развития

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕСЬ МИР»
2025

Утверждено к печати Учёным советом ИСКРАН

Редакционный совет:

д.и.н. *Н.А. Цветкова* (председатель), чл.-корр. РАН *В.Н. Гарбузов*,
к.техн.н. *П.С. Золотарёв*, д.э.н. *Е.Г. Комкова*, д.полит.н. *А.Н. Панов*,
чл.-корр. РАН *В.Б. Супян*.

Рецензенты:

д.полит.н. *А.Л. Демчук* (ИСКРАН)
к.и.н. *С.К. Ознобищев* (ИМЭМО РАН)

Редакционная коллегия:

к.полит.н. *Н.С. Вяхирева*, к.полит.н. *А.С. Евсеенко*, к.полит.н. *С.В. Кислицын*,
к.э.н. *Н.А. Судакова*, д.и.н. *Н.А. Цветкова*

Над текстом работали:

Введение: к.полит.н. *С.В. Кислицын*

Раздел «Экономика США»: к.э.н. *М.Ю. Белецкая*, д.э.н. *В.С. Васильев*, к.э.н. *А.А. Коротких*,
д.э.н. *Л.Ф. Лебедева*, д.э.н. *О.Г. Овчинников*, к.э.н. *Н.Е. Петровская*, д.э.н. *А.А. Пороховский*,
к.э.н. *Н.А. Судакова*, д.э.н., чл.-корр. РАН *В.Б. Супян*, к.э.н. *Е.Е. Хорошилов*.

Раздел «Американское общество: идейно-политические процессы в США в 2025–2029 годах»:
Е.В. Антонов, к.и.н. *Д.Н. Воробьёв*, *А.А. Головки-Охременко*, *К.С. Ерёмкина*, д.и.н. *Н.П. Попов*,
к.и.н. *В.М. Халилов*, к.полит.н. *М.А. Черных*, д.полит.н. *Н.А. Шведова*, к.полит.н. *И.В. Шумилина*.

Раздел «Внешняя политика»: к.полит.н. *Н.А. Гегелашвили*, к.и.н. *А.С. Дербенёв*,
к.полит.н. *А.С. Евсеенко*, *Н.А. Констанчук*, к.полит.н. *Д.А. Кочегуров*, *М.М. Мотявин*,
д.полит.н. *А.Н. Панов*, к.и.н. *В.К. Пархоменко*, к.и.н. *О.В. Приходько*, д.и.н. *С.М. Самуйлов*,
к.и.н. *С.М. Труш*, к.и.н. *Г.И. Царегородцева*.

Раздел «Военная политика»: к.полит.н. *Т.Б. Аничкина*, д.и.н. *В.И. Батюк*, к.воен.н. *Н.Н. Бобкин*,
А.К. Викторова, к.и.н. *Д.М. Заманапулов*, к.техн.н. *П.С. Золотарёв*, к.полит.н. *О.О. Криволапов*,
к.филол.н. *Т.Р. Кузьмина*, *И.А. Петрова*, *П.Е. Смирнов*, к.полит.н. *А.С. Степанов*, *Н.В. Степанова*,
к.и.н. *О.В. Теремов*, к.и.н. *И.О. Шкробтак*.

Раздел «Канадо-американские отношения»: к.и.н. *Д.А. Володин*, к.полит.н. *Н.С. Вяхирева*,
к.и.н. *Е.В. Израелян*, д.э.н. *Е.Г. Комкова*, к.э.н. *Е.Е. Хорошилов*.

Заключение: к.полит.н. *Евсеенко А.С.*

Все права защищены. Полная или частичная перепечатка, хранение в компьютерной системе или передача настоящего издания по каналам связи в любой форме и любыми средствами – электронными, механическими, фотокопировальными, магнитными или иными – без предварительного разрешения правообладателя запрещается.

Отпечатано в России

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	7
1. ЭКОНОМИКА США	12
1.1. Долгосрочные тенденции развития и вызовы	12
1.2. Бюджетный дефицит и федеральный долг.	17
1.3. Динамика прямых иностранных инвестиций и внешней торговли США	19
1.4. Возрастной и расово-этнический состав населения	21
1.5. Пенсионное обеспечение	22
1.6. Продвижение к целям устойчивого развития.	24
1.7. Аграрный сектор	28
Выводы по разделу	30
2. АМЕРИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В США В 2025–2029 ГОДАХ.	33
2.1. Прогнозируемые изменения в партийно-политических предпочтениях американского электората.	34
2.2. Прогнозы по электоральным предпочтениям расово-этнических меньшинств в США.	36
2.2.1. Испаноязычное сообщество	36
2.2.2. Афроамериканское сообщество.	37
2.2.3. Мусульманское и арабское сообщества	39
2.3. Прогнозы относительно развития остросоциальных проблем в США.	41
2.4. Прогнозируемое направление социокультурного противостояния в США ...	43
2.5. Перспективы изменения американского общественного мнения по отношению к РФ.	44
Выводы по разделу	47
3. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА	49
3.1. Состояние внешнеполитического механизма США.	49
3.2. Ключевые направления политики США в Азиатско-Тихоокеанском регионе	51
3.3. Трансатлантические отношения	58

3.4. Политика США на постсоветском пространстве (Закавказье и Центральная Азия)	63
3.5. Ближневосточная политика США	66
3.6. Приоритеты политики США в Африке	67
Выводы по разделу	68
4. ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА	71
4.1. Стратегический курс	71
4.2. Военный бюджет	73
4.3. Военно-промышленный комплекс	75
4.4. Политика в сфере космоса	77
4.5. Ядерная политика	79
4.6. РСМД, гиперзвуковые вооружения, противоракетная оборона	81
4.7. Региональное измерение военной политики США	83
4.7.1. Азиатско-Тихоокеанский регион	85
4.7.2. Европа	85
4.7.3. Арктика	87
4.7.4. Ближний Восток	88
Выводы по разделу	90
5. КАНАДСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	92
5.1. США и Канада в международной повестке дня: контуры взаимодействия	92
5.2. Динамика американо-канадских экономических связей	94
5.3. ЮСМКА под прицелом Трампа	98
5.4. Взаимодействие Канады и США в рамках НАТО и военные расходы Канады	101
5.5. Командование воздушно-космической обороны Северной Америки (НОРАД)	102
5.6. Канадско-американские отношения в Арктике 2025–2029 годах	103
5.6.1. Соглашение США, Канады, Финляндии о сотрудничестве в производстве ледоколов	105
5.6.2. Экология, изменение климата, разработка природных ресурсов	106
5.6.3. Территориальные споры Канады и США	106
Выводы по разделу	107
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	109
ПРИЛОЖЕНИЕ	113

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современной системе международных отношений, где непредсказуемость в поведении государств становится нормой, а контуры глобального мироустройства регулярно меняются, возрастает значение прогнозирования.

Настоящий сценарий социально-экономического и политического развития США на 2025–2029 годы остаётся актуальным в условиях перераспределения баланса сил в мире.

Происходящая трансформация, вместе с изменениями ценностных ориентиров во внешней политике многих стран, порождает запрос на оценку дальнейших перспектив российско-американских отношений. Подготовленный специалистами Института США и Канады им. Г.А. Арбатова прогноз предлагает основу для обоснованного планирования и реализации политики России на американском направлении.

Мир уходит от эпохи однополярности, когда США воспринимали себя единственным глобальным лидером, и на смену ей приходит многополярное мироустройство. Однако США не утратят свою системообразующую роль в глобальной архитектуре международных отношений. Политика второй администрации Дональда Трампа подтверждает данный тезис. Экономическая и внешнеполитическая стратегия 47-го президента США отличается прагматизмом, акцентом на принципы реиндустриализации, экономическим национализмом и жёсткими подходами к отстаиванию суверенитета. Избирательный подход к выполнению международных обязательств, приоритет двусторонних соглашений, формирование ситуативных коалиций, демонстративное применение силы и дипломатия давления сохраняются в числе ключевых инструментов американской внешней политики. Они отражают стремление США отстоять статус державы номер один в мире.

Авторы данного прогноза указывают, что экономическая стратегия США подчиняется задаче сдерживания конкурентов. Если доктрина Демократической партии предполагала вовлечение Китая в общий рынок, то доктрина республиканцев исходит из того, что мир уже живет по «правилам Пекина» с протекционизмом, субсидиями и этатизмом, и США вынуждены давать симметричный ответ.

Настоящий прогноз также показывает, что внутри американского истеблишмента существуют непримиримые противоречия по очень многим вопросам – от прав граждан США до трактовки событий в зарубежных странах. Среди его представителей есть сторонники радикальных подходов к ведению политической борьбы. Наблюдаемая поляризация распространяется и на подходы к выстраиванию отношений с Россией. В течение 2025–2029 годов можно ожидать превалирования изоляционистских настроений среди части американского истеблишмента, отдельных заявлений о необходимости прагматичного диалога с Москвой. «Глобалистский» лагерь продолжит жёсткий курс на противостояние с державами, бросающими вызов американскому доминированию в мире. Данный раскол лишь увеличивает неопределённость для российской дипломатии. Внешняя политика Соединённых Штатов будет резко колебаться, вплоть до радикальной смены акцентов после каждых выборов. В этих условиях России важно учитывать сдвиги в американской общественной мысли и быть готовой к тому, что вопрос российско-американских отношений может стать предметом сделки внутри американского истеблишмента. Продолжение ценностного противостояния внутри США создает серьёзный вызов американской культуре компромисса, ослабляет преемственность внешнеполитического курса Соединённых Штатов, что важно учитывать в стратегическом планировании российской внешней политики.

Прогноз, подготовленный коллективом экспертов ИСКРАН, формирует объективное представление о текущем состоянии и будущих перспективах развития США. Такой подход особенно важен для современной России, где востребован научно выверенный взгляд на процессы в одном из ключевых мировых центров силы.

д.и.н. Н.А. Цветкова

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемое исследование посвящено раскрытию ключевых тенденций и проблем, с которыми столкнутся США во второй половине 2020-х годов. Его задача – предоставить читателю общее понимание тех процессов, которые будут определять развитие Северной Америки в период работы администрации Дональда Трампа.

В условиях формирования полицентричного миропорядка, сопровождающегося неизбежным ростом глобальной конфликтности, понимание мотивов американской политики представляется особенно важным. Для реализации поставленной задачи прогноз рассматривает пять основных направлений: процессы в экономике Соединённых Штатов, тенденции общественного развития США, американская внешняя политика в современном мире, приоритеты военной политики Соединённых Штатов, перспективы американо-канадских отношений.

США проходят через длительный и сложный период адаптации к вызовам современного мира. Изменения затрагивают их экономику, общественные отношения и ценностные ориентиры. Новые внешние условия уже не столь благоприятны для США, как обстановка рубежа XX–XXI веков.

Соединённые Штаты постепенно теряют свое прежнее влияние на основные тенденции мирового развития. Формирование полицентричной системы международных отношений приводит к усилению альтернативных лидеров, России, Китая, Индии, их партнёров по БРИКС. Понимая, что эпоха «однополярного момента» осталась в прошлом, а модель американского лидерства уже не столь эффективна, политическое руководство США стремится, несмотря ни на что, отстоять доминирование своей страны на международной арене. Соппротивление новых центров силы, вместе с непоследовательностью американских элит в принятии решений, значительно осложняют эту фундаментальную задачу.

Еще с середины 2010-х годов американское общество находится в состоянии острой политической поляризации, преодоление которой по-прежнему не прослеживается. Снижается доверие американских граждан к институтам государственной власти США. Практически половина электората не отождест-

влияет себя с двумя главными политическими партиями, идентифицируя себя как независимые избиратели. На этом фоне продолжается радикализация Демократической и Республиканской партий, все дальше уходящих от центристских позиций. Гипотетическим результатом этого процесса может стать появление влиятельных «третьих сил» в американской политике. Однако эти противоречия, как и ценностное противостояние, не способствуют преодолению фундаментальной проблемы устаревания самой модели американского развития и роста, снижения её конкурентоспособности, усиления зависимости от внешних игроков.

Обозримые четыре года для США будут крайне специфичным периодом. Дональд Трамп – президент-реваншист, проводящий в Белом доме свой второй, заключительный срок. Это значит, что перед ним не стоит задачи переизбрания. Вместе с тем очевидно его стремление изменить американскую политическую систему, повернуть вспять отдельные социально-экономические процессы.

Ощутимой поддержкой для Трампа в 2025 – начале 2027 годов станет доминирование Республиканской партии в Конгрессе. Под её контролем оказалось 53 из 100 мест в Сенате и 220 из 435 — в Палате представителей. Такая конфигурация в целом будет сохраняться как минимум до начала работы следующего Конгресса в январе 2027 года.

Вместе с тем, несмотря на всю конъюнктурность современного американского развития, реализация США своих национальных интересов в период 2025–2029 годов будет зависеть и от ряда существующих, объективных трендов в экономике, социальных отношениях, мировой политике. Вне зависимости от курса нынешней президентской администрации США сохраняют свое лидерство в глобальной экономике. Здесь ключевые преимущества обусловлены высокой производительностью труда, значительными инвестициями в науку (3,5% ВВП), развитым финансовым рынком и доступом к минеральным ресурсам.

Однако США будут сталкиваться с серьезными вызовами: замедлением роста численности рабочей силы, высоким уровнем неравенства, изношенной инфраструктурой и растущим государственным долгом. По нашим оценкам, он может достичь 38 трлн долл. к 2029 году (110,5% ВВП). При этом стоит ожидать замедления роста реального ВВП. В обозримом периоде он составит 1,5–2,2% в год, что будет ниже мировых показателей (3,1–3,2%). Несмотря на все перипетии и далеко не однозначную тарифную политику,

США сохраняют свои позиции в международной торговле. Они останутся крупнейшим в мире рынком и второй страной по совокупному объёму экспорта.

Социальные проблемы, такие как доступность здравоохранения, репродуктивные права и иммиграция, останутся в центре общественных дебатов. При этом «культурные войны» между консерваторами и прогрессистами могут обостриться: администрация Трампа, вероятно, продолжит наступление на либеральные инициативы в образовании и корпоративной сфере. Однако агрессивное продвижение консервативных ценностей рискует вызвать ответную реакцию, что может привести к новому витку поляризации и ослабить позиции республиканцев на промежуточных выборах 2026 года.

Во внешней политике, несмотря на ситуативность решений Д. Трампа и его склонность к декларированию миротворческих инициатив, отношение американцев к России останется преимущественно негативным. Большинство по-прежнему будет видеть в нашей стране скорее противника, чем партнёра. Вместе с тем общественный интерес к украинскому конфликту будет постепенно снижаться, в первую очередь – в консервативных кругах и среди молодого поколения американцев.

Д. Трамп будет настаивать на увеличении оборонных расходов европейских союзников и их более активном вовлечении в проблемы Азиатско-Тихоокеанского региона. Одновременно Вашингтон будет стремиться расколоть Европейский Союз, поддерживая правопопулистские силы и ослабляя позиции Германии и Франции. Однако приоритетом для американской внешней политики останется Азиатско-Тихоокеанский регион.

Противостояние США и КНР примет комплексный характер. Соединённые Штаты продолжат ужесточение санкций против Китая, их задачей будет сдерживание его научно-технологического и экономического развития, снижение числа внешних партнёров. Одновременно с этим продолжится наращивание американского военного присутствия в регионе. Тайваньский вопрос сохранит свою остроту, но тенденция, ведущая к открытому конфликту, не прослеживается. При этом Вашингтон продолжит укреплять альянсы с Японией, Южной Кореей и Австралией, хотя торговые споры могут и осложнить эти отношения. На ближневосточном, африканском и постсоветском пространствах Соединённые Штаты продолжат свою политику, направленную на воспрепятствование усилению КНР и России. Акценты будут делаться на торговле энергоресурсами, развитии транспортных коридоров, подконтрольных Вашингтону.

Внешнеполитический стиль Белого дома будет совмещать элементы жёсткого прагматизма, основанного на принципе «Америка прежде всего» с чертами непоследовательности, превалированием тактики над стратегией. Д. Трамп продолжит вести переговоры с позиции силы, сочетая свою жёсткую риторику с отдельными компромиссами. Санкции и тарифы останутся главным инструментом давления, а создание ситуативных альянсов — основным методом работы с партнёрами.

Военная политика администрации Трампа будет направлена на укрепление силового потенциала США при сокращении роли многосторонних институтов и дипломатии. Эти изменения создадут новые вызовы для международной безопасности, потребовав от других стран, включая Россию, адаптации к более жёстким и менее предсказуемым условиям глобального противостояния.

Американские военные расходы продолжают расти и к концу десятилетия могут приблизиться к триллиону долларов. Основные инвестиции будут направлены на модернизацию ядерного арсенала, развитие гиперзвуковых вооружений и совершенствование противоракетной обороны. При этом Белый дом сократит финансирование программ, связанных с продвижением разнообразия и инклюзивности в армии, а также пересмотрит объёмы помощи Украине, хотя и с учётом интересов американского военно-промышленного комплекса.

ВПК США сохранит свое влияние, несмотря на критику Д. Трампа в адрес его лоббистских практик. Ожидается, что компании отрасли будут всеми силами защищать свои интересы, особенно в условиях возможного перераспределения бюджетных средств. Однако прямое влияние ВПК на украинское направление военной политики останется ограниченным, поскольку контракты, связанные с Украиной, составляют лишь небольшую часть оборонных заказов.

Канадско-американские отношения в период второй администрации Дональда Трампа будут развиваться под влиянием ряда факторов, включая торговые противоречия, вопросы оборонных расходов и сотрудничество в Арктике. Оттава, стремясь сохранить суверенитет, будет вынуждена адаптироваться к жёсткой политике Белого дома.

В 2026 году должен состояться пересмотр соглашения между США, Мексикой и Канадой о создании зоны свободной торговли — ЮСМКА. Д. Трамп намерен ужесточить его условия, особенно в сфере автомобилестроения

и цифровой торговли. В свою очередь Канада и Мексика критически зависят от торговых отношений с Соединёнными Штатами и будут вынуждены сохранять сотрудничество даже в невыгодных для себя условиях.

В Арктике кооперация США и Канады будет развиваться в рамках модернизации Командования воздушно-космической обороны Северной Америки (НОРАД) и совместных проектов, в том числе, вероятно, – строительстве ледоколов. Однако сторонам придётся преодолевать и серьёзные разногласия. Среди них – территориальные споры вокруг Северо-Западного прохода и моря Бофорта, различные позиции по экологическим вопросам Арктики.

Украинский конфликт останется важной темой в канадско-американских отношениях. Канада, в отличие от США, будет стремиться к сохранению поддержки Киева, в том числе через участие в «Большой семёрке» (G7), где она председательствует в 2025 году. При этом усиление протекционизма и односторонних действий со стороны Вашингтона может подтолкнуть Оттаву к большей самостоятельности в международной политике.

Указанные проблемы – лишь часть вопросов, поднятых в данном исследовании. Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова продолжает изучение тенденций, обуславливающих перспективы развития Северной Америки. Понимание их фундаментальных предпосылок, а также соотнесение с текущими кратко- и среднесрочными процессами стали основой данного прогноза и будут отражены в последующих поисковых исследованиях Института.

1. ЭКОНОМИКА США

1.1. Долгосрочные тенденции развития и вызовы

В последние десятилетия немало говорят и пишут об уменьшении доминирования американской экономики в мире, о нарастающих внутриэкономических и социальных проблемах США. Однако на сегодняшний день Соединённые Штаты даже при появлении многих негативных тенденций уверенно сохраняют свое экономическое лидерство. Более того, по отношению к основным традиционным конкурентам американские позиции укрепляются. В 1990 году доля США составляла 40% ВВП стран – членов «Большой семёрки» (G7). А уже к 2022 году доля США по номинальному ВВП среди этих стран выросла до 58%.

Реальный ВВП Соединённых Штатов последние десять лет демонстрировал достаточно убедительные для развитой страны темпы прироста. Они находились в пределах от 1,8% до 3,0% за исключением «пандемического» 2020 года, когда американский ВВП в ценах 2017 года сократился на 2,2%, и 2021 года, когда наблюдался восстановительный прирост на 5,8%. Согласно оценкам Бюджетного управления Конгресса США, в 2024 году американский ВВП в реальных ценах увеличился на 2,6%, а в 2025 году экономика США вырастет на 2,1%. Ожидается, что в последующие годы темпы её роста упадут до 1,7–1,8% (см. табл. 1). Для сравнения, в 1947–2024 годах они составляли в среднем 3,2%¹.

Что касается доходов на душу населения, то и по этому показателю США улучшили свой результат. Если в 1990 году среднедушевые доходы были на 24% больше, чем в Западной Европе, то в 2022 году этот показатель был больше уже на 30%. Ещё более впечатляюще выглядит сравнение с Японией – в 1990 году среднегодовые доходы были в США на 17% выше, сейчас – на 54%. По данному показателю – среднедушевых доходов – США опережают только

¹ United States GDP Growth Rate. Trading Economics. Available at: <https://tradingeconomics.com/united-states/gdp-growth> (accessed 23.03.2025).

небольшие нефтедобывающие страны (например, Катар) и мировые финансовые центры (например, Люксембург)².

Главная причина достижений и благополучия американцев – в более высокой эффективности их экономики. Однако она сопряжена с гораздо большей индивидуальной свободой граждан, чем в других странах, и как следствие – и с большими рисками во всех сферах жизни.

Есть ещё два важных фактора, которые обуславливают экономическое развитие страны. Во-первых, это размеры рабочей силы и, во-вторых, уровень её производительности. Более высокий уровень рождаемости и более свободные правила иммиграции обусловили серьёзное демографическое преимущество США по сравнению с другими развитыми странами. Но самое главное – это не рост численности рабочей силы, а рост её производительности. По данным исследовательской организации «Конференс Борд» уровень производительности труда в США, рассчитанный как отношение ВВП к отработанному человеко-часу, с 1990 по 2022 годы вырос на 67%, в то время как в Европе – на 55%, а в Японии – на 51%.

По прогнозу Бюджетного управления Конгресса США, в 2025–2029 годах производительность труда в стране продолжит рост. К концу этого периода она будет на 8% выше, чем в 2024 году. Рост производительности труда будет сопровождаться увеличением количества отработанных часов на предприятиях несельскохозяйственного сектора. Ожидается, что за предстоящие пять лет этот показатель увеличится на 2,5% (см. табл. 2).

Причины таких результатов в США – долгосрочное влияние инноваций, произведённых в Кремниевой долине и других инновационных центрах и являющихся драйверами роста производительности.

Важным фактором успешности американской экономики является высокий уровень квалификации американской рабочей силы. По доле трудоспособного населения, имеющего высшее образование, США уверенно лидируют среди развитых стран с показателем в 34%, уступая лишь Сингапуру.

США, имея высококвалифицированную рабочую силу, тратят на научные исследования 3,5% своего ВВП, уступая в 2023 году только четырём небольшим странам, лидирующим по этому показателю (Израиль, Южная Корея,

² America's economic outperformance is a marvel to behold. The Economist. 13.04.2023. Available at: <https://www.economist.com/briefing/2023/04/13/from-strength-to-strength> (accessed 23.03.2023).

Япония, Швейцария). По данным Национального научного фонда в 2021 году США находились на 1-м месте в мире по абсолютным расходам на научные исследования. Их величина составила 806 млрд долл. Ещё четыре страны, превысившие расходы на эти цели в сумме более 100 млрд долл., заметно отставали от США. На 2-м месте находился Китай (667,6 млрд долл.), на 3-м – Япония (177,4 млрд долл.), на 4-м – Германия (153,7 млрд долл.), на 5-м – Южная Корея (119,6 млрд долл.)³. По итогам аппроксимации прогнозных трендов в 2029 году США по-прежнему будут лидировать по данному показателю (1 396,7 млрд долл.), на 2-м месте также останется Китай (1 310 млрд долл.), Япония (191,5 млрд долл.) и Германия (199,8 млрд долл.) поменяются местами, 5-ю позицию сохранит Южная Корея (173,6 млрд долл.) (см. табл. 3).

Важным преимуществом экономики США являются физико-географические размеры страны, масштабы численности её населения, позволяющие внедрять разнообразные технологии на унифицированном рынке без каких-либо языковых и правовых барьеров. Единственная страна, имеющая сегодня такого рода преимущества, позволяющие конкурировать с США, это Китай.

Другим преимуществом такого рода является наличие в США большого количества минеральных месторождений, доступ к которым ранее был ограничен по причине низкой рентабельности добычи. Так, в первое десятилетие XXI века США импортировали более 10 млн баррелей нефти ежедневно. В результате сланцевой революции и использования других новых революционных технологий в 2020 году страна стала нетто-экспортёром нефти. Ещё раньше она стала нетто-экспортёром газа.

Что усиливает два указанных преимущества американской экономики – её масштабы и квалификацию кадров – это динамизм экономических процессов. В частности, можно констатировать высокую мобильность американского населения.

Важной характеристикой, отличающей американскую экономику от других, является очень развитый финансовый рынок, дающий возможность эффективно финансировать компании, в том числе и начинающие.

³ The State of U.S. Science and Engineering 2024. National Science Foundation. Available at: <https://ncses.nsf.gov/pubs/nsb20243/discovery-u-s-and-global-r-d> (accessed 10.12.2024).

Ещё один источник динамичной экономики – это качество управления. С одной стороны, в Соединённых Штатах существует более высокая корпоративная культура, с другой – американское законодательство позволяет с относительной лёгкостью увольнять ненужных или плохо работающих сотрудников.

Вместе с тем уровень неравенства в доходах в США – самый высокий среди всех стран «Большой семёрки». По данным Всемирного банка, коэффициент Джини в Соединённых Штатах составляет 41,3%, в то время как в Италии – 34,8%, в Японии – 32,9%, в Великобритании и Германии – 32,4%, в Канаде – 31,7%, во Франции – 31,5%⁴.

Негативным проявлением в США выглядит то, что ожидаемая продолжительность жизни в стране, составляющая в начале третьего десятилетия 77 лет, на 5 лет меньше, чем в других развитых странах. Для малообеспеченных американцев, не имеющих доступа к качественному здравоохранению, сталкивающихся в повседневной жизни с насилием, безработицей, низкими доходами, жизнь отнюдь не выглядит процветающей.

Несмотря на текущее удерживание лидерских позиций по многим показателям, есть реальные угрозы тем успешным результатам, которых США достигли. Одна из них – демографическая. Длительное время уровень рождаемости был в США выше, чем в Европе, но в настоящее время он уже сближается с европейским. Рост рабочей силы заметно замедлился. По прогнозам, темпы прироста в США численности населения в возрасте 16 лет и старше через пять лет упадут до 0,6% в год (см. табл. 4). Для сравнения, в 2022–2024 годах этот показатель составлял 0,9–1,1%.

Темпы роста производительности труда в США остаются выше, чем у их зарубежных конкурентов. Однако в целом они имеют тенденцию к сокращению за последние десятилетия. Активное внедрение цифровых технологий в стране слабо влияет на повышение эффективности обрабатывающей промышленности, что сказывается на конкурентоспособности как отдельных компаний, так и экономики в целом.

Ещё одной угрозой устойчивому и единому рынку США может стать ограничительная политика по отношению к компаниям, зарегистрированным в одних штатах и ведущим бизнес в других.

⁴ World Bank Group. Data. Gini Index. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI> (accessed 23.03.2025).

Угрозой остаётся и вопрос об установлении нового потолка государственного долга США, что является предметом разногласий между республиканцами и демократами. Это может вновь привести к очередному «шатдауну», что несёт большие репутационные риски для американской финансовой системы и подрывает доверие иностранных и внутренних инвесторов.

Последствия экономической глобализации – ещё один предмет обсуждений и разногласий. Упор делается на вопросы национальной безопасности и промышленной политики. Необходимо, как считают многие политики и эксперты, вернуть приоритетные отрасли экономики на территорию США. Речь идёт, прежде всего, о микроэлектронике. То же самое касается электромобилей, турбин для ветро- и гидроэлектростанций и других критически важных отраслей промышленности.

Расширение общенационального внимания к обрабатывающей промышленности связано также с процессом реиндустриализации экономики США, активно начатой в первый срок администрации Д. Трампа. Очевидно, что вторая администрация Трампа активизирует с помощью управленческого и рыночного стимулирования возвращение американских промышленных компаний в страну. Это связано как с расширением возможностей для увеличения рабочих мест, так и с увеличением американского экспорта высокотехнологической продукции, поскольку неубывающий дефицит торгового баланса отрицательно влияет на динамику экономического роста страны.

Неотложной внутриэкономической проблемой США остаётся национальная инфраструктура страны, её поддержание и развитие в соответствии с современными требованиями возрастающей нагрузки из-за роста мобильности увеличивающегося населения, роста бизнес-перевозок и защиты окружающей среды. Наибольшим износом отличается федеральная и штатные дорожная сеть, её мостовые сооружения. Хотя уже не первый год на эти цели выделяются федеральные средства, тариф проезда по платным маршрутам растёт, продолжаются происшествия из-за изношенности как автомобильных, так и железнодорожных дорог.

Хотя по большинству макроэкономических и научно-технологических показателей США всё ещё остаются лидером среди основных стран-конкурентов, некоторые существующие прогнозные оценки свидетельствуют о тенденции к снижению удельного веса страны в мировой экономике.

Согласно прогнозу МВФ, в 2025–2029 годах ежегодные темпы прироста реального мирового ВВП будут составлять 3,1–3,2%, а американского – только 2,0–2,2%⁵.

1.2. Бюджетный дефицит и федеральный долг

Во второй половине третьего десятилетия XXI в. ситуация с долгом федерального правительства США будет иметь тенденцию к резкому ухудшению. По состоянию на 1 октября 2024 года, т.е. по итогам 2024 финансового года, государственный долг США, т.е. задолженность федерального правительства по отношению к внешним держателям казначейских бумаг министерства финансов, достигла 28,2 трлн долл. Ожидается, что к концу 2029 финансового года он может достигнуть почти 38,0 трлн долл., т.е. увеличится по отношению к 2024 финансовому году почти на 10,0 трлн долл. (см. табл. 5).

Государственный долг будет расти более высокими темпами, нежели ВВП, как в номинальном, так и реальном выражении. В период 2024–2029 финансовых годов среднегодовые темпы роста государственного долга США будут составлять не менее 6,9%, в то время как среднегодовые темпы роста номинального ВВП будут почти в два раза меньше – не более 3,8%. Как следствие опережающих темпов роста государственного долга по отношению к номинальному ВВП соотношение государственного долга и ВВП увеличится с 99,0% в 2024 финансовом году до 110,5% к концу 2029 финансового года (см. табл. 6).

Среднегодовые темпы роста реального ВВП США в период с 2025 по 2029 год будут составлять всего 1,5%, и поэтому макротенденция к резкому увеличению долговой нагрузки на американскую экономику будет проявлять себя все отчётливее.

Фундаментальная причина стремительного роста пирамиды государственного долга состоит в синдроме хронических дефицитов федерального бюджета, которые, начиная с кризисного 2020 года, стали устойчиво превышать 2,0 трлн. долл. Так, в период с 2020 по 2023 финансовый годы

⁵ IMF. World Economic Outlook (October 2024). Real GDP growth. Available at: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD/USA (accessed 23.03.2025).

среднегодовой размер бюджетных дефицитов составил 2,2 трлн долл., а в 2024 финансовом году – немногим более 1,8 трлн долл., что составило 27% от совокупных бюджетных расходов (см. табл. 5) или 6,3% ВВП⁶. Прогностические оценки показывают, что бюджетные дефициты федерального правительства в предстоящие 5 лет будут устойчиво составлять порядка 2,0 трлн долл. ежегодно. В относительном измерении по отношению к номинальному ВВП, среднегодовой размер бюджетных дефицитов будет составлять порядка 6,0%, т.е. они не опустятся до показателя бюджетного дефицита в 3,0%, который считается «первичным дефицитом», т. е. «нормализованной» величиной бюджетного дефицита, которую сравнительно безболезненно может позволить иметь федеральная система государственных финансов таблица (см. табл. 5 и 6).

Фактически во второй половине 2020-х годов система федеральных финансов будет выведена на принципиально иную траекторию развития, поскольку в период с 1975 по 2024 финансовых годов среднегодовой размер бюджетных дефицитов не превышал 3,8% ВВП.

В сочетании с рекордно высокими темпами инфляции в экономике США, которые, начиная с 2021 года, стали хронически превышать установленный ФРС предел годового повышения индекса потребительских цен в 2,0%, составив в период 2021–2024 годов в среднем 5,0% (см. табл. 7 показателей для базовой концепции), в 2024 финансовом году выплачиваемые нетто-проценты по государственному долгу вплотную приблизились к психологически знаковой отметке в 1,0 трлн. долл. (см. табл. 5 показателей для базовой концепции). Следует иметь в виду, что ещё в 2020 финансовом году выплачиваемые нетто-проценты по государственному долгу составляли «всего» 345 млрд долл., т.е. были примерно в три раза меньше.

Прогностические оценки показывают, что в период 2024–2029 финансовых годов среднегодовой размер выплачиваемых нетто-процентов будет хронически превышать 1,0 трлн. долл., т.е. размер выплачиваемых нетто-процентов будет устойчиво превышать величину прямых военных расходов США.

⁶ U.S. Office of Management and Budget and Federal Reserve Bank of St. Louis. Federal Surplus or Deficit [-] as Percent of Gross Domestic Product. Retrieved from FRED, Federal Reserve Bank of St. Louis. Available at <https://fred.stlouisfed.org/series/FYFSGDA188S> (accessed 23.03.2025).

На основании этих данных можно сделать вполне обоснованный прогноз о том, что **во второй половине 2020-х годов в системе федеральных финансов США может разразиться масштабный долговой кризис, который в свою очередь может повлечь за собой достаточно глубокую рецессию.**

1.3. Динамика прямых иностранных инвестиций и внешней торговли США

США являются мировым лидером – причём с огромным отрывом – и по исходящим, и по входящим накопленным прямым иностранным инвестициям (ПИИ). По данным ЮНКТАД⁷, в 2023 году накопленные ПИИ Соединённых Штатов за рубежом оценивались в 9,4 трлн долл. За США далеко позади следовали Нидерланды (3,4 трлн долл.), Китай (2,9 трлн долл.), Канада (2,7 трлн долл.) и Германия (2,2 трлн долл.)⁸. За последние 10 лет американская доля в совокупных исходящих мировых ПИИ уменьшилась с 24,9% до 21,3% и, по базовому прогнозу (при отсутствии внешних и внутренних шоков), продолжит снижение (см. табл. 8). Однако огромный накопленный США отрыв позволяет с уверенностью утверждать, что к 2029 году ни одной стране мира не удастся вытеснить их с первого места среди стран – экспортёров прямых инвестиций.

В части входящих накопленных ПИИ доминирование в мире США ещё более заметно. По состоянию на 2023 год привлечённые Соединёнными Штатами капиталовложения из-за рубежа оценивались ЮНКТАД

⁷ Из-за разных методик подсчета данные по накопленным прямым иностранным инвестициям ЮНКТАД и Бюро экономического анализа США отличаются. Так, ЮНКТАД оценивает американские исходящие накопленные прямые инвестиции в 6,3 трлн долл. в 2013 году и в 9,4 трлн долл. в 2023 году, а Бюро экономического анализа США – в 4,6 трлн долл. и 6,7 трлн долл. соответственно. Более того, по данным ЮНКТАД, США являются нетто-импортёром накопленных прямых иностранных инвестиций (сальдо -3,4 трлн долл. в 2023 году), в то время как по данным Бюро – нетто-экспортёром (сальдо +1,3 трлн долл. в 2023 году).

⁸ UN Trade and Development. World Investment Report 2024. Annex table 4. FDI outstock, by region and economy, 1990–2023. Available at: <https://unctad.org/topic/investment/world-investment-report> (accessed 17.12.2024)

в 12,8 трлн долл.⁹. Соответствующий показатель для Китая был в 3,5 раза меньше – 3,7 трлн долл.¹⁰, для Великобритании – 3,0 трлн долл., Нидерландов – 2,7 трлн долл., Сингапура – 2,6 трлн долл. Более того, все страны Европейского союза вместе взятые привлекли только 12,5 трлн долл., т.е. меньше, чем США. Характерно, что американская доля в мировых входящих накопленных ПИИ за последние 10 лет увеличилась с 19,8% до 26,1%. Согласно базовому прогнозу, в ближайшие пять лет она продолжит расти и достигнет 26,9% в 2029 году (см. табл. 9).

Среди стран-экспортёров товаров США в последнее десятилетие занимали 2-е место, уступая заметно вырвавшемуся вперед Китаю и опережая находившуюся на 3-м месте Германию. По данным МВФ, в 2023 году американский экспорт, составивший 2,02 трлн долл., был в 1,7 раза меньше китайского, но в 1,2 раза больше немецкого. При этом доля Соединённых Штатов в мировом экспорте за последние 10 лет не изменилась. Сначала она выросла с 8,1% до 8,8% в 2013–2015 годах, затем плавно снизилась до 7,7% к 2021 году, после чего вернулась на 8,1% в 2022–2023 годах¹¹. Согласно базовому прогнозу, в 2025–2029 годах на США будет приходиться 7,7–7,8% мирового экспорта, при наличии слабо выраженной тенденции к снижению этого показателя (см. табл. 10).

Что касается импорта, то здесь США традиционно являются мировым лидером. В 2023 году они ввезли товаров из-за рубежа на 3,1 трлн долл., в то время как занявший 2-е место Китай – на 2,6 трлн долл., а находившаяся на 3-м месте Германия – на 1,5 трлн долларов. Доля Соединённых Штатов в мировом импорте демонстрирует тенденцию к росту. С 2013 по 2023 год она увеличилась с 11,5% до 13,2% и, согласно базовому прогнозу, может достигнуть 13,5% к 2029 году (см. табл. 11).

В 2013–2023 годах темпы роста американского импорта были выше, чем экспорта. В результате за этот период дефицит торгового баланса США вырос почти в 1,7 раза, с 640 млрд долл. до 1,09 трлн долл. в год. В соответствии с базовым прогнозом, в предстоящие пять лет отрицательное сальдо

⁹ UN Trade and Development. World Investment Report 2024. Annex table 3. FDI instock, by region and economy, 1990–2023. Available at: <https://unctad.org/topic/investment/world-investment-report> (accessed 17.12.2024)

¹⁰ Не считая Гонконга.

¹¹ Рассчитано по: IMF Data Portal. Exports and Imports by Area and Countries. Available at: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=61013712> (accessed 17.12.2024).

американской внешней торговли продолжит увеличиваться и достигнет 1,55 трлн долл. в 2029 году.

Важным фактором, влияющим на динамику американского импорта, экспорта и торгового баланса, будет тарифная политика Д. Трампа и ответные меры стран – торговых партнёров США. В 2024 году средняя тарифная ставка на весь американский импорт составляла 2,5%. По некоторым оценкам, в результате тарифной политики администрации Трампа она может вырасти до 8,4%, что станет самым высоким показателем с 1946 года¹².

К концу I квартала 2025 года США под разными предлогами ввели пошлины на импорт из Китая (по ставке 20%), Канады (10–25%, с исключениями) и Мексики (25%, с исключениями), а также на сталь и алюминий (25%). Ответные тарифные меры были уже приняты Китаем, Канадой и ЕС. Соединённые Штаты также анонсировали возможность введения в ближайшей перспективе дополнительных тарифов: на товары из стран – членов ЕС (25%), полупроводники (25% и выше), фармацевтические товары (25% и выше), древесину, медь.

Гибкий подход Д. Трампа к использованию импортных пошлин и угрозы их введения в качестве инструмента экономического и политического давления на контрагентов выливается в постоянные изменения ставок тарифов, сроков их введения, списков исключений, а также ответных мер других государств. В связи с этим на данный момент представляется затруднительным оценить фактическое влияние тарифной политики Д. Трампа на показатели внешней торговли США в ближайшие годы.

1.4. Возрастной и расово-этнический состав населения

Структура населения США представляет собой сложную картину, которая формируется под влиянием множества факторов, включая естественный прирост, миграцию и смерть. По состоянию на декабрь 2024 года население США составляет 337,5 миллионов человек. Уровень рождаемости снижается и составляет 1,6 ребёнка на одну женщину. Уровень смертности остаётся ста-

¹² Tax Foundation. Trump Tariffs: Tracking the Economic Impact of the Trump Trade War. 21.03.2025. Available at: <https://taxfoundation.org/research/all/federal/trump-tariffs-trade-war/> (accessed 23.03.2025).

бильным, но старение населения увеличивает долю пожилых людей. Медианный возраст в США – 39 лет. Около 22% – это дети до 18 лет, почти 18% населения – люди в возрасте 65 лет и старше. Ожидается, что к 2030 году доля людей старше 65 лет составит 21%, или более 73 млн человек.

Около 22% населения страны не говорят дома на английском языке. Ожидается, что эта доля будет увеличиваться. Вторым по популярности языком является испанский.

Сокращается белое население, при этом растёт доля людей, относящих себя к двум и более расам. Результаты переписи населения 2020 года показали, что более половины детей (младше 18 лет) отнесли себя не к белым. Особенно это заметно в больших городах. Если в 2000 году 29% детей считали себя белыми, то в 2020 году их доля снизилась до 25%. То же касается и взрослого населения. В начале XXI века 47% населения 50 крупнейших городов США составляли белые, но всего два десятилетия спустя их доля составила только 39%¹³. Прогнозируется дальнейший рост небелого населения, особенно за счет увеличения числа испаноязычных и азиатских групп. К 2030 году расово-этнический портрет США будет выглядеть следующим образом: 56% составит белое (не испаноязычное) население, 20,8% – испаноязычные американцы, 13,8% – афроамериканцы, 7% – американцы азиатского происхождения. Испаноязычное население даёт наибольший прирост населения, как за счет естественного прироста, так и за счет мигрантов. В результате этих тенденций испаноязычные стали второй по численности этнической группой страны. Роль испаноязычных в формировании будущего поколения американцев будет усиливаться. Глубинные изменения в расово-этническом составе США имеют долгосрочные последствия для экономики и политики США.

1.5. Пенсионное обеспечение

Оценка перспектив состояния федеральной программы пенсионного обеспечения в США и проблемы её стабильности как одной из важнейших внутриполитических задач представляется важным элементом общего прогноза

¹³ 2020 Census: Big cities grew and became more diverse, especially among their youth. William H. Frey. The Brookings Institution. October 28, 2021. Available at: <https://www.brookings.edu/articles/2020-census-big-cities-grew-and-became-more-diverse-especially-among-their-youth/> (accessed 01.03.2025).

2025–2029 годов как с точки зрения уровня доходов получателей выплат по этой программе, их доверия к федеральной программе, так и в плане её места в бюджете страны. Несмотря на ежегодное увеличение разрыва доходов и расходов по данной программе в пользу последних, в рассматриваемый период (2025–2029) накопленные резервы позволят выполнять обязательства по выплате пенсий.

Финансирование данной программы осуществляется за счет так называемого налога на заработную плату (payroll tax), составляющего в настоящее время 12,4% (взимается поровну с работников и работодателей). В течение рассматриваемого периода доля поступлений от налога на заработную плату относительно ВВП ожидается в размере около 5,9% ВВП; при том, что прогнозируемые расходы на выплаты по данной программе составят к 2030 году 6,0% ВВП, с увеличением данного показателя в последующие годы.

Расходы по рассматриваемой государственной программе (пенсионные, на случай потери кормильца, по инвалидности) ожидаются в размере от 1 549 млрд долл. в 2025 году, при дальнейшем ежегодном росте до 1 938 млрд долл. в 2029 году (см. табл. 12).

Динамика финансирования данной программы прогнозируется в рассматриваемый период с превышением расходов над доходами. Несмотря на то, что резервы трастовых фондов, по прогнозу Администрации социального обеспечения США, остаются на уровне около 1 608,3 млрд долл. (2029), устойчивое снижение их уровня (с 2 829,9 млрд долл. в 2022 году) актуализирует рассмотрение вопроса повышения ставки налога на заработную плату.

Учитывая, что в планах администрации Трампа отсутствуют инициативы по повышению налога на заработную плату (как основного источника финансирования пенсионного обеспечения), можно ожидать усиления внимания трудоспособного населения к диверсификации будущих пенсионных доходов, в частности, к накопительным счетам. В августе 2018 года Д. Трампом был подписан исполнительный указ «Об усилении гарантий пенсионного обеспечения в Америке» (Executive Order on Strengthening Retirement Security in America. The White House. Issued on 2018. – August 31), который предполагал улучшение доступности добровольных накопительных пенсионных планов.

По данным Института изучения выплат пособий наёмным работникам результаты опроса американцев в возрасте 25 лет и старше в начале 2024 года показали, что пенсионеры считают выплаты по государственной программе пенсионного обеспечения важным источником доходов (91%

пенсионеров), а для 62% это – основной источник доходов; трудящиеся американцы предполагают в перспективе расширить диапазон источников доходов, в том числе за счет накопительных пенсионных планов¹⁴.

1.6. Продвижение к Целям устойчивого развития

Цели устойчивого развития (ЦУР) ООН, принятые в 2015 году, представляют собой глобальную повестку по решению актуальных социальных, экономических и природоохранных задач к 2030 году, что требует согласованных усилий всех стран мира. США, обладая одной из наиболее развитых и крупных экономик, а также проявляя значительную активность на международной арене, играют важную роль в достижении этих целей как для самих США, так и для глобальных процессов развития.

Однако собственно формирование политики и целенаправленной деятельности в сфере продвижения к ЦУР не было чувствительным вопросом и реальным приоритетом политики. США являются одной из немногих стран, не подготовивших ни одного рекомендованного ООН Добровольного национального обзора, содержащего планы реализации ЦУР и итоги работы¹⁵. Было представлено лишь 9 инициативных обзоров на уровне штатов и городов¹⁶. Кроме того, неправительственная организация «Комиссия по волонтерской службе и деятельности»¹⁷ готовит отчёты по отдельным ЦУР, выступая с критических позиций.

¹⁴ 2024 Retirement Confidence Survey. Employee Benefit Research Institute. Available at: <https://www.ebri.org/docs/default-source/rcs/2024-rcs/2024-rcs-release-report.pdf> (accessed 23.03.2025).

¹⁵ *Pendrak K., Pryce O., Rasmussen K.* What do Americans Really Think About the SDGs? United Nations Foundations. September 8, 2022. Available at: <https://unfoundation.org/blog/post/what-do-americans-really-think-about-the-sdgs/> Grund S. CSO Report on US Implementation of SDGs Identifies Gaps and Opportunities. 26 June 2024. SDG Knowledge Hub. Available at: <https://sdg.iisd.org/commentary/generation-2030/cso-report-on-us-implementation-of-sdgs-identifies-gaps-and-opportunities/>

¹⁶ United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Sustainable Development. SDG Localization and the Voluntary Local Reviews. Available at: <https://sdgs.un.org/ru/topics/voluntary-local-reviews>

¹⁷ Commission on Voluntary Service & Action (CVSA). Available at: <https://www.cvsa-investyourself.org/>

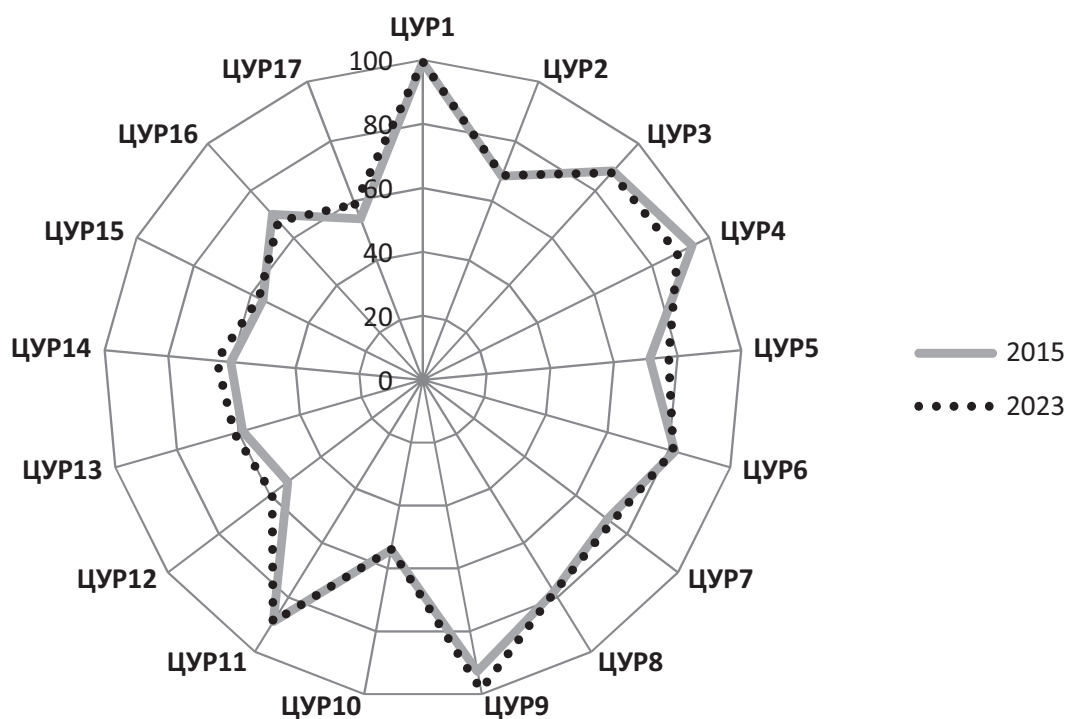

Рисунок 1. Прогресс США к достижению ЦУР

Сокращённые обозначения: 1. Ликвидация нищеты. 2. Ликвидация голода. 3. Хорошее здоровье и благополучие. 4. Качественное образование. 5. Гендерное равенство. 6. Чистая вода и санитария. 7. Недорогостоящая и чистая энергия. 8. Достойная работа и экономический рост. 9. Индустриализация, инновации и инфраструктура. 10. Уменьшение неравенства. 11. Устойчивые города и населённые пункты. 12. Ответственное потребление и производство. 13. Борьба с изменением климата. 14. Сохранение морских экосистем. 15. Сохранение экосистем суши. 16. Мир, правосудие и эффективные институты. 17. Партнёрство в интересах устойчивого развития.

Источник: Sachs, J.D., Lafortune, G., Fuller, G. The SDGs and the UN Summit of the Future. Sustainable Development Report 2024. Paris: SDSN; Dublin: Dublin University Press, 2024. DOI: 10.25546/108572

Для оценки 17 ЦУР статистиками ООН был выбран 231 уникальный показатель и их обобщающая оценка представляет собой непростую задачу. В рамках работы структуры «Сеть ООН по решениям в области устойчивого развития»¹⁸, президентом которой является Дж. Сакс, в Докладе об устойчивом развитии представлены актуальные сводные данные для отслеживания и ранжирования результатов всех государств-членов ООН

¹⁸ UN Sustainable Development Solutions Network (SDSN). Available at: <https://www.unsdsn.org/>

по ЦУР¹⁹. Итоги продвижения США по отдельным ЦУР на основе базы данных указанного доклада приведены на рисунке 1.

На рисунке видно, что продвижение к ЦУР за рассматриваемый период незначительно, а по ряду из них даже произошёл откат (ЦУР 3, 4, 6, 16). Здесь складывается действие двух факторов. Во-первых, достаточно высокий уже достигнутый уровень оценки многих показателей ЦУР, поскольку США обладают развитой экономикой и высокими средними доходами на душу населения. Как правило, чем выше уровень достигнутого развития, тем труднее даётся продвижение вперёд. Во-вторых, существует, уже отмеченное, отсутствие каких-либо специальных программ федерального уровня, по существу, игнорирование вопросов ЦУР политическим истеблишментом. Как отмечается, иногда трудно даже определить отношение США к ЦУР, поскольку эти вопросы не являются темой для обсуждения среди американских политиков²⁰.

Второе президентство Дональда Трампа может иметь далеко идущие последствия для реализации ЦУР ООН. Оценка предполагает, что его политика будет продолжать приоритеты и направления первого срока, фокусируясь на дерегулировании, протекционизме, предпочтении двусторонних торговых соглашений, скептицизме по отношению к многосторонним инициативам в области климата и устойчивого развития, а также приоритете национальной экономики по отношению к глобальному сотрудничеству. Для комплексного охвата ЦУР часто используется их группировка в 5 «столпов» или направлений действий, по которым далее приведена качественная оценка позитивного (+) и негативного (-) влияния ожидаемой политики, которое в целом неоднозначно.

1. *Люди (People)*: Ликвидация бедности, продовольственная безопасность, здравоохранение, образование и гендерное равенство.
(-) Возможное сокращение социальных программ и реформ могут ухудшить доступ малообеспеченных слоёв населения к меди-

¹⁹ Sachs, J.D., Lafortune, G., Fuller, G. The SDGs and the UN Summit of the Future. Sustainable Development Report 2024. Paris: SDSN; Dublin: Dublin University Press. 2024. DOI: 10.25546/108572

²⁰ Grund, S. CSO Report on US Implementation of SDGs Identifies Gaps and Opportunities. 26 June 2024. SDG Knowledge Hub. Available at: <https://sdg.iisd.org/commentary/generation-2030/cso-report-on-us-implementation-of-sdgs-identifies-gaps-and-opportunities/>

- цинским услугам и образованию (ЦУР 1, 3, 4). Гендерное равенство (ЦУР 5) может пострадать из-за ограничения поддержки прав и уменьшения финансирования программ содействия женщинам.
- (+) Экономический рост может снизить уровень безработицы и бедности, особенно среди рабочих профессий (ЦУР 1, 8).
2. *Планета (Planet)*: Борьба с изменением климата, сохранение экосистем суши и океанов, устойчивое потребление.
- (-) Ожидаемое возрождение угольной и нефтегазовой отраслей, дерегулирование экологических стандартов и возможный выход из международных природоохранных инициатив негативно повлияют на достижение ЦУР 13, ЦУР 14 и ЦУР 15 (климат и экосистемы).
- (+) Инвестиции в инфраструктуру могут включать проекты по устойчивому развитию, но их доля, вероятно, будет небольшой.
3. *Процветание (Prosperity)*: Экономический рост, занятость, инновации, инфраструктура и сокращение неравенства.
- (-) Политика, ориентированная на традиционные отрасли, может усилить экономическое неравенство (ЦУР 10). Инновации в зелёных технологиях могут остаться без поддержки.
- (+) Фокус на экономическом росте через снижение налогов и дерегулирование может улучшить занятость (ЦУР 8) и инвестиции в промышленность и инфраструктуру (ЦУР 9).
4. *Мир (Peace)*: Справедливость, правопорядок, эффективные институты, права человека.
- (-) Возможные ограничения свобод и ужесточение иммиграционной политики могут вызвать социальную напряжённость и ограничить права меньшинств.
- (+) Укрепление внутреннего правопорядка, фокус на безопасности и реформы государственного управления могут повысить эффективность некоторых институтов (ЦУР 16).
5. *Партнёрство (Partnerships)*: Укрепление глобального сотрудничества для достижения всех ЦУР.
- (-) Сокращение международной помощи и участия в международных организациях могут ослабить глобальное партнёрство (ЦУР 17).
- (+) Возможно укрепление экономических связей с отдельными странами на основе двусторонних соглашений.

Второй срок Трампа может усилить экономический рост и инфраструктурное развитие в США, что позитивно повлияет на некоторые экономические и институциональные ЦУР. Одновременно возможно торможение прогресса по социальным, климатическим и природоохранным целям, сокращение международного сотрудничества. Баланс между экономическим ростом и социально-экологической устойчивостью останется ключевым вызовом.

1.7. Аграрный сектор

США по совокупности показателей являются в настоящее время крупнейшей аграрной державой мира и участником мирового рынка. Аграрный сектор страны характеризуется высоким уровнем эффективности, как, собственно, сельскохозяйственного производства, так и целого ряда механизмов, этому способствующих, в частности, инструментов госрегулирования, сферы науки, и т.д. В то же время в последние десятилетия, особенно в XXI веке, со значительным ростом эффективности и объёмов производства в других странах, позиции АПК США в мире заметно ослабли.

В XXI веке на мировом сельскохозяйственном рынке резко обострилась конкурентная борьба в связи с выходом на него новых экспортёров – Бразилии, Аргентины, ЕС, Украины и России. Конкурентоспособные цены, предлагаемые ими, достаточно высокое качество продукции для многих импортёров стали весомыми факторами, определившими выбор в пользу этих стран. В результате позиции США на мировом рынке заметно ухудшились: во-первых, они утратили лидерство в экспорте ряда основных сельскохозяйственных продуктов, а во-вторых, в результате торговой войны, начатой Трампом в 2018 году, страна потеряла часть рынка крупнейшего мирового импортёра – Китая и стала нетто-импортёром продукции сельского хозяйства²¹.

Основными статьями экспорта аграрного сектора США являются кукуруза, соевые бобы и шрот, пшеница, мясо птицы, которые обеспечивают более 40% стоимости. США поставляют на мировой рынок более 40% произведённых в стране пшеницы и соевых бобов, более 30% соевого шрота

²¹ Why Has U.S. Agricultural Trade Reached a Net Import Position in Recent Years. Farm Journal. 19.09.2024. Available at: <https://www.agweb.com/opinion/why-has-u-s-agricultural-trade-reached-net-import-position-recent-years> (accessed 23.03.2025).

и 15% кукурузы и мяса птицы. Что касается кукурузы и мяса птицы, невысокая доля экспорта в производстве объясняется соответственно огромными масштабами переработки зерна кукурузы в биоэтанол (на эти цели идет более 30% урожая). При таких условиях проблема расширения экспортных рынков и увеличения объёма поставок является краеугольным камнем американской внешнеторговой политики.

Ориентация на внешние рынки делает аграрный сектор США чувствительным к колебаниям экспорта, и даже незначительное сокращение поставок негативно отражается на положении фермеров. Экспорт сельскохозяйственной продукции обеспечивают 20% фермерских доходов, создают более миллиона рабочих мест в сельском хозяйстве и промышленности. При этом США утратили лидирующие позиции в экспорте четырёх из пяти основных сельскохозяйственных товаров, сохранив контроль лишь над экспортом кукурузы (см. табл. 13). Судя по остроте конкурентной борьбы на мировом экспортном рынке и прогнозам динамики посевных площадей и производству этой продукции в стране, данная расстановка сил в ближайшие 5 лет не изменится.

По прогнозу министерства сельского хозяйства (МСХ) США, в ближайшие пять лет в стране ожидается дальнейшее сокращение производства пшеницы. За 2025–2029 годы этот показатель уменьшится на 3,8%, или до 47,3 млн т (см. табл. 14). Среди основных причин указывают на снижение доходности в связи с ростом издержек производства на фоне низких рыночных цен, нестабильность производства из-за изменения климата и участвовавших засух в основных районах производства, утрату рынков сбыта и дальнейшее снижение экспорта. Многие фермеры начали диверсифицировать производство, переходя на выращивание более прибыльных культур, включая кукурузу и сою.

Однако негативная динамика экономических показателей сельского хозяйства США последних лет сохранится на протяжении всего периода 2025–2029 годов. Так, фермерский доход от реализации сельхозпродукции, который по предварительным расчётам МСХ США в 2024 году составит 490,1 млрд долл., в 2025 году снизится до 483,5 млрд долл. и продолжит падать из-за снижения цен на внутреннем рынке. К 2029 году его уровень не превысит 267 млрд долл., что на 45% ниже, чем в 2024 году.

Кроме того, согласно прогнозу МСХ США, государство после 2024 года прекратит выплаты на преодоление последствий Covid-19 и объём прямых государственных платежей существенно снизится – с 13,5 млрд долл.

в 2025 году до 9,5 млрд в 2029 году. В результате валовой фермерский доход за период с 2025–2029 годов уменьшится с 543,6 млрд долл. до 522,8, или почти на 4%.

Ожидается, что общие издержки производства вырастут незначительно, всего на 0,5%, чему будет способствовать снижение цен на удобрения, пестициды и топливо. В результате чистый фермерский доход будет снижаться, сохраняя динамику двух предыдущих лет. В 2025 году его уровень составит 137,3 млрд долл., в 2029 – 116,6 млрд долл.

Очевидно, что новая администрации Трампа будет вынуждена вмешаться и выделить средства для поддержки фермеров, в первую очередь – производителей зерна, хлопка, соевых бобов, свинины и молочных продуктов. Часть средств будет направлена на закупку нереализованной продукции и освоение новых экспортных рынков.

Что касается экспорта, то после 2024 года можно ожидать его увеличения за счет роста поставок кукурузы и соевых бобов в страны ЕС, Канаду и Мексику. Всего к 2029 году, согласно прогнозу МСХ США, объёмы поставок этой продукции на мировой рынок вырастут на 7%. Более того, в структуре экспорта доля дорогостоящей мясомолочной продукции вырастет с 62% в 2022 году до 66 % в 2030 году.

Таким образом, доминирование США в мировой торговле продуктами сельского хозяйства, которое было одной из основ послевоенной политики США, подходит к концу. Несмотря на принятое в США утверждение, что американское сельское хозяйство обладает уникальными преимуществами за счёт масштаба и эффективности производства, передовых технологий и инвестиций, которые делали их лидером в мировом экспорте на протяжении десятилетий, страна теряет свое привилегированное положение.

Выводы по разделу

На сегодняшний день Соединённые Штаты даже при появлении многих негативных тенденций уверенно сохраняют свое экономическое лидерство благодаря более высокой эффективности своей экономики. К числу преимуществ США относятся рост численности и производительности рабочей силы, высокий уровень её квалификации, значительные затраты на научные исследования, способность внедрять инновации, географические масштабы

страны, наличие обширных минеральных ресурсов, динамизм экономических процессов, качество управления.

Вместе с тем есть реальные угрозы достигнутым ранее результатам: замедление роста рабочей силы, сокращение темпов роста производительности труда, чрезвычайно высокая степень социального неравенства, ухудшающееся состояние инфраструктуры, высокие показатели бюджетного дефицита и государственного долга.

В предстоящие годы продолжится изменение демографической структуры США. Испаноязычное население даёт наибольший прирост, как посредством рождаемости, так и за счет мигрантов. В результате этих тенденций испаноязычные стали второй по численности этнической группой страны. Их роль в формировании будущего поколения американцев будет усиливаться.

Хотя по большинству макроэкономических и научно-технологических показателей США всё ещё остаются лидером среди основных стран-конкурентов, некоторые существующие прогнозные оценки свидетельствуют о тенденции к снижению удельного веса страны в мировой экономике.

Прогноз роста американского ВВП в 2025 году составляет 2,1%. Ожидается, что в последующие годы темпы роста экономики США упадут до 1,5–1,8%. Во второй половине 2020-х годов в системе федеральных финансов США может разразиться масштабный долговой кризис, который в свою очередь может повлечь за собой достаточно глубокую рецессию.

Существенной проблемой для США останется финансирование федеральной программы пенсионного обеспечения, в которой в рассматриваемый период прогнозируется превышение расходов над доходами. В связи с этим актуализируется рассмотрение вопроса повышения ставки налога на заработную плату.

Во внешней торговле США сохраняют свое 2-е место среди стран – экспортёров товаров, уступая только Китаю. В 2025–2029 годах на США будет приходиться 7,7–7,8% мирового экспорта при наличии слабо выраженной тенденции к снижению этого показателя. Что касается импорта, то здесь США традиционно являются мировым лидером, причём их доля в мировом показателе демонстрирует тенденцию к росту и может достигнуть 13,5% к 2029 году.

Важным фактором, влияющим на динамику американского импорта, экспорта и торгового баланса, будет тарифная политика Д. Трампа и ответные меры стран – торговых партнёров США. В 2024 году средняя тарифная

ставка на весь американский импорт составляла 2,5%. В результате тарифной политики новой администрации Соединённых Штатов она может вырасти до 8,4%, что станет самым высоким показателем с 1946 года.

В сфере прямых иностранных инвестиций можно ожидать, что доля США в совокупных исходящих мировых ПИИ продолжит снижение вплоть до 19,8% в 2029 году. При этом американская доля в мировых входящих накопленных ПИИ останется на траектории роста и достигнет к этому моменту 26,9%. Огромный накопленный США отрыв позволяет с уверенностью утверждать, что к 2029 году ни одной стране мира не удастся вытеснить их с первого места ни среди стран – экспортёров, ни среди стран-импортёров прямых иностранных инвестиций.

Второе президентство Дональда Трампа может иметь далеко идущие последствия для реализации ЦУР ООН. Его политика будет продолжать приоритеты и направления первого срока, фокусируясь на дерегулировании, протекционизме, предпочтении двусторонних торговых соглашений, скептицизме по отношению к многосторонним инициативам в области климата и устойчивого развития, а также приоритете национальной экономики по отношению к глобальному сотрудничеству. В связи с этим возможно торможение прогресса по социальным, климатическим и природоохранным целям, сокращение международного сотрудничества.

В аграрной сфере США по совокупности показателей являются крупнейшей державой мира и участником мирового рынка. В настоящее время аграрный сектор США продолжает свое поступательное развитие темпами, характерными для последних 30 лет. Важными факторами такого развития являются растущий внутренний спрос, постоянное совершенствование производства на основе научно-технических достижений, увеличивающаяся востребованность ряд видов продукции на мировом рынке. Однако негативная динамика ряда экономических показателей сельского хозяйства США последних лет сохранится на протяжении всего периода 2025–2029 годов. Она служит отражением наблюдаемой тенденции постепенной потери страной своего привилегированного положения в мировой торговле продуктами сельского хозяйства.

2. АМЕРИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В США В 2025–2029 ГОДАХ

Президентские выборы в США 2024 года закончились уверенной победой кандидата от Республиканской партии Дональда Трампа. Его успех стал следствием серьёзных проблем, назревших в американском обществе в период президентства демократа Джозефа Байдена (2021–2025). Среди них в первую очередь можно выделить такие внутренние вызовы как инфляция, иммиграционный кризис, проблемы здравоохранения и рост преступности.

Вместе с тем итоги выборов 2024 года ясно сигнализируют о снижении поддержки демократов среди важных групп избирателей, включая молодёжь, испаноязычных, мусульман, а также чернокожих мужчин. Все это демонстрирует усталость американского общества от доминирования леволиберальной повестки Демократической партии, в то время как возвращение Трампа в Белый дом свидетельствует об усилении поддержки американцами более консервативных тенденций, в том числе и в социокультурной сфере.

Перед командой Трампа стоит сложнейшая задача преодоления идейного раскола в американском обществе, который ярко проявился ещё в его первый президентский срок в 2017–2021 годах. От способности новой администрации Белого дома решить назревшие общенациональные проблемы зависит сохранение Трампом поддержки электорального супербольшинства, образовавшегося в результате выборов 2024 года, а следовательно, и возможность для Республиканской партии доминировать в политической жизни США в предстоящие годы.

2.1 Прогнозируемые изменения в партийно-политических предпочтениях американского электората

Характер избирательной кампании и итоги выборов 2024 года дают основания для оценки возможных изменений в политических и партийных ориентациях американцев на следующий президентский цикл.

Победа Дональда Трампа на выборах оценивается республиканскими политиками как «обвальная», дающая ему возможность проводить радикальные изменения в структуре управления, внутренней и внешней политике Белого дома. В свою очередь, демократы рассматривают преимущество Трампа над К. Харрис в 2,3% голосов избирателей как весьма скромное несмотря на то, что республиканец победил во всех 7 колеблющихся штатах. В условиях, когда партия, чей кандидат победил на президентских выборах, традиционно теряет большинство в Конгрессе США, это вселяет в демократов надежду победить на следующих промежуточных выборах в Конгресс в 2026 году.

Вместе с тем обе партии продолжают терять своих стойких сторонников. Несмотря на то, что представители третьих сил не стали серьезным вызовом на выборах 2024 года, количество американцев, называющих себя «независимыми», неуклонно увеличивается. Если в конце 1980-х годов прошлого века численность демократов, республиканцев и независимых избирателей была примерно равной, колеблясь около 33%, то начиная с президентства Б. Обамы количество сторонников Демократической и Республиканской партий стало сокращаться, достигнув к 2024 году 28% у каждой, в то время как число «независимых» избирателей достигло 43%. Это связано с тем, что республиканцы и демократы, находясь в серьезном идейном конфликте друг с другом, все сильнее расходятся «вправо» и «влево» от центристских позиций, удовлетворяющих «умеренных» избирателей. Сохраняющаяся поляризация в американском обществе вряд ли приведет к созданию влиятельной третьей партии уже в новый срок Трампа, но появление сильного независимого кандидата на следующих президентских выборах 2028 года, способного отобрать важные голоса у выдвиженцев главных партий, исключать нельзя.

Недопущение подобного рода сценария зависит от способностей республиканцев и демократов выработать политическую повестку, способствующую преодолению раскола в американском обществе. Как следствие,

особый интерес представляет дальнейшая перегруппировка коалиций избирателей в рядах двух партий. Традиционно демократы позиционировали себя как партия рабочего класса, небелого населения и беднейших слоёв американцев. С 1970-х годов акцент в партийной идеологии стал смещаться к «социальным» проблемам, с ростом поддержки партии более образованными слоями и молодёжью, тяготеющих к либеральным ценностям. Опору избирательной коалиции демократов в последнее десятилетие составляли женщины с высшим образованием, расово-этнические меньшинства, а также молодые избиратели.

Прошедшие президентские выборы продемонстрировали заметные сдвиги в ориентациях многих групп избирателей, традиционно поддерживавших демократов. Аборты и межрасовые отношения перестали быть в числе самых главных забот избирателей, в то время как на первые места вышли проблемы незаконной иммиграции и экономические трудности, в частности инфляция. Как следствие, Трамп сумел значительно увеличить поддержку среди молодёжи, испаноязычных и чернокожих мужчин. Безусловно, данные категории населения не перешли в разряд твёрдой опоры Республиканской партии, но в то же время их можно охарактеризовать как «колеблющихся избирателей». При этом начало президентства Трампа, интенсивно взявшего за реализацию своих предвыборных обещаний, показывает, что республиканец постарается не растерять поддержку данных категорий своих сторонников.

Важно отметить, что проблема угрозы для демократии со стороны новой администрации Трампа в опросах общественного мнения отодвинулась на последние места по важности для избирателей, так же как и международные кризисы, доставшиеся новой администрации Белого дома по наследству от предыдущей. По мнению американских избирателей, внешняя политика занимает второстепенное значение, по сравнению с внутренними делами США, на которых и планирует сфокусировать свое внимание Трамп, что положительно сказывается на оценке деятельности президента его сторонниками.

Если в рядах республиканцев произошла по большей части консолидация вокруг идей трампизма, в свою очередь Демократической партии предстоит непростой путь переосмысления неудачи, постигшей её на последних выборах. В ближайшие четыре года внутри партии развернётся интенсивная идейная борьба с целью выработки новой стратегии её развития. Опросы

общественного мнения показывают, что лишь отход к умеренной центристской платформе в том числе и в вопросах социокультурного развития, позволит демократам рассчитывать на возвращение утраченной поддержки среди таких важнейших категорий избирателей, как мужчины, молодёжь или латиноамериканцы.

2.2. Прогнозы по электоральным предпочтениям расово-этнических меньшинств в США

2.2.1. Испаноязычное сообщество

В первой четверти XXI века Соединённые Штаты Америки столкнулись с кардинальными изменениями в расово-этническом составе общества. В 2000 году испаноязычные стали самой многочисленной расово-этнической группой США после белых американцев, обогнав традиционное главное меньшинство (афроамериканцев). В начале третьего десятилетия XXI в. численность испаноязычных американцев превысила 65 млн, т.е. на них приходится почти 20% от всего населения страны. Согласно прогнозам Бюро переписи населения, к 2060 году испаноязычные будут составлять около 30% населения США, а белые американцы – менее 45%.

Испаноязычные избиратели сыграли одну из ключевых ролей в победе Трампа на президентских выборах 2024 года: их поддержка республиканца выросла на 14% по сравнению с 2020 годом, при этом среди испаноязычных мужчин этот показатель увеличился на рекордные 19%. Ключевыми факторами, предопределившими политический выбор испаноязычных американцев, стали экономическая ситуация и кризис, вызванный многомиллионным наплывом нелегальных иммигрантов.

Согласно отчёту Комитета Палаты представителей США по бюджету, в период президентства Байдена американская семья из четырёх человек ежегодно платит на 15,1 тыс. долл. больше, чтобы приобрести те же товары и услуги, которыми они пользовались в первый срок Трампа. Учитывая, что социально-экономическое положение испаноязычных американцев традиционно хуже по сравнению с белыми и американцами азиатского происхождения, вполне понятно, почему инфляция стала проблемой №1 для них накануне президентских выборов.

Вместе с тем, только за президентский срок Дж. Байдена в страну прибыло около 11 млн нелегальных иммигрантов преимущественно из Латинской Америки. Они не только усиливают конкуренцию за рабочие места, где требуются низкоквалифицированные кадры, но и представляют собой большую нагрузку на социальную систему США. Данные события сильно влияют на испаноязычных американцев, значительные доли которых проживают в приграничных с Мексикой штатах как Техас, Аризона и Калифорния.

Важно отметить, что т.н. «красная волна» испаноязычных избирателей 2024 года не была неожиданностью или каким-то «сбоем». Сдвиг испаноязычных американцев в сторону поддержки Республиканской партии прослеживается на протяжении последнего десятилетия, а в его основе лежит целый ряд факторов, ключевыми из которых являются:

- углубление степени ассимиляции испаноязычных в американском обществе и повышение их социально-экономического положения;
- рост численности американцев кубинского и венесуэльского происхождения, склонных поддерживать республиканцев;
- традиционные ценностные ориентиры большинства испаноязычных;
- их стремительный отход от католичества и постепенный переход в протестантство;
- массовый переезд испаноязычных в пригороды и сельскую Америку;
- перенасыщение ультралиберальной повесткой демократов.

Тенденция сдвига испаноязычных американцев в сторону Республиканской партии сохранится, если не продолжит набирать обороты, даже после ухода Трампа из политической жизни. Она отражает глубинные трансформации в американском обществе, которые будут играть ключевую роль в формировании политического ландшафта США в ближайшие десятилетия.

2.2.2. Афроамериканское сообщество

Афроамериканские избиратели по праву считаются одним из главных оплотов Демократической партии, которую они массово поддерживают с 1960-х годов. Демократы традиционно привлекали чернокожих избирателей расширением системы вспомоществования, политическим патернализмом по отношению к расово-этническим меньшинствам, а также усилением вмешательства федерального центра в социально-экономические вопросы. Среди чернокожих избирателей нет ни одной категории (социальной, гендерной,

возрастной, региональной), где сторонники республиканцев составляли бы большинство. Однако политика Трампа сумела изменить негативный для консерваторов тренд в отношении афроамериканского сообщества, вследствие чего «Великая старая партия» смогла заметно увеличить поддержку среди чернокожих избирателей с 2016 года.

Призывы Трампа к радикальным переменам в системе образования, уголовного правосудия, а также к облегчению налогового бремени позволили республиканцу увеличить свою избирательную базу среди афроамериканцев на 50% на президентских выборах 2020 года по сравнению с предыдущими выборами (8% в 2016 году, 12% – в 2020 году). Подобная тенденция сохранилась и на выборах 2024 года, в результате которых Трамп получил от 16% до 17%, что стало лучшим результатом для кандидата республиканцев за последние 44 года. Основной рост поддержки пришёлся на молодых мужчин до 45 лет: трое из каждых десяти чернокожих мужчин до 45 лет поддержали Трампа. Всего по данным «Ассошиэйтед пресс» за Трампа проголосовало 25% чернокожих мужчин и только 10% чернокожих женщин. Несмотря на то, что Трампу в 2024 году противостояла Харрис, позиционировавшая себя, в первую очередь, как «цветная» женщина, республиканец улучшил свой результат среди афроамериканок на 1% по сравнению с 2020 годом и на 4% по сравнению с 2016 годом.

Увеличение количества республиканских политиков, придерживающихся политической философии трампизма, также положительно влияет на прирост поддержки среди афроамериканцев. На промежуточных выборах в Конгресс в 2018 году республиканцы взяли 9% голосов чернокожих избирателей, в то время как в 2022 году данный показатель вырос до 13–14%, в условиях, когда было вовсе неочевидно, что Трамп станет следующим кандидатом партии в президенты.

Существует несколько причин, почему Трамп и Республиканская партия добились положительного тренда в отношении афроамериканского электората и в первую очередь чернокожих мужчин:

- всё больше чернокожих мужчин теряют веру в способность Демократической партии проводить политику, которая может принести им пользу, как в сфере экономики, так и миграции;
- движение BLM, которое пользуется поддержкой демократов, имеет ярко выраженный феминистский характер, в результате чего чернокожие мужчины оказываются вне центра его внимания;

- накапливается усталость среди афроамериканцев от ощущения себя электоратом, гарантированным для демократов, в результате растёт доля тех, кто причисляет себя к группе «независимых» избирателей (доля чернокожих, идентифицирующих себя как «демократов», драматически упала с 77% в 2020 году до 66% сейчас);
- молодые афроамериканцы не имеют исторической привязки к демократам, в отличие от старшего поколения, которое прочно ассоциирует демократов с движением за гражданские права.

На основании происходящих политических изменений в США представляется возможным сделать следующие прогнозы в отношении поведения афроамериканского электората на ближайшие 4 года:

- администрация Трампа не оставит в стороне проблемы традиционно важные для афроамериканского сообщества, такие как реформа школьного образования, рост рабочих мест, борьба с преступностью, что позволит его рейтингу одобрения среди чернокожего населения преодолеть уровень 20%;
- по мере того, как трамписты будут занимать все более важное место среди республиканцев, в том числе на локальном уровне, Республиканская партия продолжит увеличивать число своих чернокожих избирателей, однако не стоит ожидать, что их доля превысит уровень 15–20% от общей численности афроамериканцев в ближайшие 4 года;
- демократическая партия, в рядах которой развернётся острая борьба, связанная с выработкой новой политической стратегии, продолжит терять поддержку среди чернокожего населения, вследствие чего всё меньше афроамериканцев будут ассоциировать себя с твёрдыми сторонниками демократов, доля которых упадёт до уровня около 50% взрослого чернокожего населения США.

2.2.3. Мусульманское и арабское сообщества

Анализируя перспективы вовлеченности мусульманского и арабского сегмента населения США в идейно-политические процессы каденции Трампа, представляется полезным рассмотреть итоги голосования на президентских выборах-2024 в этой группе населения. Особый интерес представляют арабоамериканские избиратели – как наиболее активная часть этно-религиозного сообщества.

Важно отметить, что за два последних десятилетия наблюдался заметный рост численности сообщества в целом (в силу устойчивого фактора высокой рождаемости и роста потока иммигрантов из региона Ближнего Востока). В последнее же десятилетие отмечалось нарастание гражданской активности арабо-американской группы и рост их представительства на всех уровнях общественных и политических институций. В настоящее время арабский электорат играет важную роль в ряде «колеблющихся» штатах, в первую очередь в Мичигане.

Вместе с тем арабо-американцы считают, что власти недооценивают их способность влиять на внутривнутриполитические процессы в США. Как результат, впервые за последние 30 лет большая часть арабо-американцев «сдвинулась вправо» от Демократической партии, отдав свои голоса республиканцам (или «третьей партии», как в Мичигане).

Социально-экономические проблемы привлекают наибольшее внимание этой группы избирателей. Однако на выборах 2024 года решающим стал вопрос политический – отношение к кризису в секторе Газа. От кандидата Демократической партии ждали «новых предложений», направленных на прекращение военной и финансовой поддержки Израиля. Харрис, хотя и гуманно высказывалась о тяжёлом положении жителей Газы, но, по мнению сообщества, не дистанцировалась от проводимой Байденом политической линии по палестино-израильскому противостоянию.

В свою очередь, личный пиар Трампа был намного эффективнее. Республиканец легко преодолел наследие своего «отторжения мусульманами», прибыл с визитом в два самых «арабских» города штата Мичиган Дирборн и Хамтрамк, где был встречен с энтузиазмом. В результате протестного голосования против политики демократов Трамп сумел победить в Дирборне с 42% голосов против 36% за Харрис.

Важно отметить, что выбор и расчёт американских мусульман и арабов объясним: несмотря на осознаваемые риски, им импонирует решительность Трампа, от которого можно ожидать любой разворот, включая ослабление финансовой поддержки «военной машины» Израиля. Одновременно с этим просматриваются и его крепкие связи с монархиями Персидского залива, что может позволить покончить с нестабильной ситуацией в Йемене. Представители арабского сообщества, имеющие прочную ментальную связь с регионом исхода, возлагают надежды на Трампа.

Наряду с этим мусульманское и арабское сообщество намеревается наращивать свое влияние внутри США путём дальнейшего продвижения активистов на местном и федеральном уровнях. Преодоление распространения негативного восприятия мусульманской иммиграции является важнейшим элементом повестки данного сообщества в США. Перспективы взаимодействия мусульманского и особенно «ближневосточного» сообществ США с администрацией Трампа будет всецело зависеть от того, на сколько президент станет принимать в расчёт хотя бы минимальные базовые установки данных групп населения в идейно-политическом плане. Определённые основания для этого есть в виде устоявшегося и реализующегося со времени первой каденции Трампа плана сближения арабов и израильтян в виде «Соглашений Авраама».

2.3. Прогнозы относительно развития остросоциальных проблем в США

Результаты президентского избирательного цикла 2024 года продемонстрировали остроту и нерешённость актуальных проблем, влияющих на состояние общественно-политической обстановки в США в целом, и, в частности, на статус традиционно сильного и активного американского общества как политического института. Значимость и нерешённость проблем, связанных с медицинской помощью, гендерным равенством, соблюдением права на охрану здоровья, включая репродуктивное право, проблемы иммиграции, конкретные проблемы, такие как судьба закона «Обамакэр» (Obamacare) и стоимость рецептурных лекарств, вызывают особую озабоченность.

Проблема здравоохранения США продолжит оставаться одной из острейших в стране. Среди наиболее слабых звеньев американской системы можно выделить следующие:

1. США – единственная развитая страна, не гарантирующая всеобщего медицинского страхования.
2. Противоречия вокруг репродуктивных прав становятся серьёзным вызовом для социальных отношений и внутренней политики.
3. Пандемия COVID-19 вылилась в «пандемию одиночества», став серьёзной социальной проблемой.

Как следствие, вопросы здравоохранения окажутся в центре общественно-политической жизни и борьбы в избирательных гонках за голоса электората уже на промежуточных выборах 2026 года.

Вместе с тем, вероятен спад политической остроты миграционной проблемы: 90% избирателей Харрис и 59% сторонников Трампа считают, что иммигранты без документов в основном заняты в работе, которую не готовы выполнять американцы. Подобные результаты опросов свидетельствуют о вероятном снятии жестких требований о массовых депортациях нелегалов, которые стимулировали поддержку Трампа из рядов в том числе и латиноамериканских избирателей.

Среди молодых мужчин с уровнем образования ниже диплома бакалавра сохранится предрасположенность к поддержке правопопулистских лозунгов. В то же время получение высшего образования останется важным фактором формирования мировоззрения молодых американцев, однако с учётом наметившейся тенденции к сокращению численности молодёжи, обучающейся по программам высшего образования, оно не сможет обеспечить увеличение численности сторонников той или иной партии.

Студенты, для которых все серьёзнее встаёт проблема образовательных кредитов, останутся наиболее политически активной категорией молодого населения. Нельзя не учитывать и тенденцию к росту их уровня избирательной явки и случаев участия в общественных волнениях. Однако их политический активизм без выдвижения ярких лидеров или поддержки со стороны более опытных общественных деятелей, скорее всего, не выйдет за территорию университетских кампусов. Основным способом распространения политической рекламы, направленной на молодёжь, останутся социальные сети, что непосредственно скажется на её формате (сверхкороткий хронометраж) из-за преобладающего использования молодыми людьми смартфонов и ежедневного потребления контента в популярных социальных сетях.

Важно отметить, что, несмотря на имеющиеся остросоциальные проблемы, модель американской демократии будет демонстрировать черты «живучести», выживаемости и самовоспроизводства. В ходе данного процесса американское общество реализует функцию стабилизатора межпартийной борьбы в интересах обеих партий, смягчая поляризацию и создавая предпосылки к укреплению различных институтов в обществе, чтобы сохранять существующий в нём социальный баланс.

2.4. Прогнозируемое направление социокультурного противостояния в США

Дискуссии об «американской идее» характеризуются крайней степенью социальной и политической поляризации, острыми конфликтами идей и ценностей. Текущий правый разворот стал закономерной (контр)реакцией на массированный леволиберальный натиск, начавшийся во времена президентства Барака Обамы, и достигший пика с принудительным насаждением, через органы власти, корпорации, университеты и СМИ, прогрессивной по замыслу, но антилиберальной по реализации, политики «Разнообразия, равенства и инклюзивности» (DEI). Авторитарные методы адептов данной концепции вызвали отторжение у значительной части социума, оттолкнув немалую долю центристов, независимых и колеблющихся в США.

На первый взгляд победа Трампа на выборах 2024 года создала серьёзный перевес в пользу ортодоксального альянса, как определяет его введший в широкое обращение концепцию «культурных войн» относительно США социолог Дж. Д. Хантер. Вероятно, американская интеллектуальная элита правого толка будет добиваться от Трампа реализации идей, изложенных в 900-страничном манифесте «Проект 2025», составленном консервативным исследовательским центром «Фонд Наследие» (Heritage Foundation). В его основе лежат призывы к массивной реорганизации федерального правительства и к возвращению общества к иудейско-христианской традиции, чтобы дать отпор «тоталитарным культурным марксистам и пробуждённым культурным воинам».

Последние успехи правых на культурном фронте безусловно впечатляют, преимущественно благодаря таким знаковым решениям Верховного суда, как отмена позитивной дискриминации в университетах (дело «Студенты за честный приём против Гарварда») и решения по делу об абортах «Роу против Уэйда», позволив ортодоксальным кругам приобрести по крайней мере временно моральный перевес в противостоянии. Символичным в этом контексте является и «падение» социального сервиса «Твиттер»*, некогда либерального «бастиона», который после приобретения его влившимся в ряды

* Социальная сеть заблокирована Роскомнадзором в России 4 марта 2022 г. по решению Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. на основании ст. 15.3 закона об информации.

«альт-райтов» Илоном Маском превратился в сервис «X» с отчётливо правым уклоном.

Не менее показательным является пример из области высшего образования. Основанный во времена борьбы за гражданские права Новый колледж Флориды (New College of Florida) был «захвачен» правыми в 2023 году. Избиравшийся на «анти-воук» платформе губернатор Флориды Р. Десантис «упаковал» совет попечителей своими назначениями из числа известных консервативных фигур, которые уволили президента, расформировали отдел многообразия и равенства, отменили мероприятия пропагандировавшие программу «Разнообразия, равенства и инклюзивности» (DEI), а затем приступили к полному пересмотру преподавательского состава и процесса преподавания. Наблюдатели увидели в этом локальном событии предвестие попыток изменить систему высшего образования на национальном уровне, используя данный колледж в качестве модели в глобальной битве за публичное сознание в системе, которая, по мнению правых, находится под властью учреждений и лидеров с левым уклоном. С возвращением Трампа в Белый дом, столкнувшись с перспективой урезания бюджетов, юридических исков и репрессий, многие учреждения, в том числе университеты, стали массово заменять разного рода DEI-программы на мероприятия по празднованию предстоящего 250-летия независимости США (4 июля 2026 года).

Можно предположить, что «война за душу Америки», как некогда охарактеризовал конфликт консервативный политик и публицист П. Бьюкенен, не закончится в сколь-нибудь обозримом будущем, а будет идти с переменными успехами и поражениями для каждой из сторон. В данный момент наблюдаются «времена правой реакции», но агрессивные попытки насаждения любого вида ценностей способны привести умеренного по своим воззрениям среднего американца, центрального элемента системы «сдержек и противовесов», к корректировке курса во время следующего похода к избирательным участкам, и в таком случае маятник снова качнётся в другую сторону.

2.5. Перспективы изменения американского общественного мнения по отношению к РФ

Динамика изменения общественных настроений в США по отношению к России на протяжении XXI века принимала различные волнообразные формы, сущность которых определялась не только внешне-, но и внутривнутриполитической

конъюнктурой, однако пришедшее на смену с 2013 года преобладающее восприятие Москвы в качестве врага, нежели партнёра, стало постоянной тенденцией последнего десятилетия. Значительный сдвиг в сторону враждебности был отмечен после присоединения Крыма к РФ, достигнув кульминации в начале 2022 года в связи с проведением Специальной военной операции на Украине.

К окончанию президентского срока Байдена, согласно опросу Исследовательского центра Пью (Pew Research Center), видение России американским обществом свелось к показателям периода холодной войны: около 6 из 10 американцев (61%) считают Москву врагом Вашингтона, 32% – соперником и лишь 4% – партнёром. Более 8 из 10 (86%) американцев признают, что относятся к РФ неблагоприятно, и лишь 14% опрошенных оценивают Россию положительно. Подобная антагонистическая риторика имеет двухпартийный консенсус, однако демократы склонны говорить об этом чаще²². При этом результаты, полученные социологической службой Гэллапа, несколько контрастируют с указанными выше данными: большинство республиканцев и независимых считают Китай главным врагом США, тогда как демократы на первое место ставят Россию. Однако подобный результат нивелируется в рейтинге неодобрения стран, где Москва занимает лидирующие позиции²³. Важно также отметить, что около половины американцев (48%) считают, что влияние России в мире усиливается, что на 10 процентных пунктов больше, чем в марте 2022 года. Доля тех, кто считает, что влияние России ослабевает, снизилась на 13 пунктов и составила 24%²⁴.

Как представляется, после смены администрации США в 2025 году американское общественное мнение в отношении России будет определяться динамикой глобальных процессов, зачастую имеющих, как и во времена холодной войны, идеологическую подоплёку, но главное – набором постоянно меняющихся внутривнутриполитических переменных.

²² Wike, R., Fagan, M., Gubbala, S., Austin, S. Views of Russia and Putin // Pew Research Center, May 8, 2024. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2024/05/08/views-of-russia-and-putin/#attitudes-toward-russia> (accessed: 10.12.2024).

²³ Saad, L. Americans Still See China as Nation's Top Foe, Russia Second // Gallup, March 18, 2024. Available at: <https://news.gallup.com/poll/612170/americans-china-nation-top-foe-russia-second.aspx> (accessed: 10.12.2024).

²⁴ Wike, R., Fagan, M., Gubbala, S., Austin, S. Views of Russia and Putin // Pew Research Center, May 8, 2024. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2024/05/08/views-of-russia-and-putin/#attitudes-toward-russia> (accessed: 10.12.2024).

Трансформация взглядов в отношении определяющих уровень враждебности по отношению к России факторов, в том числе и по партийному признаку, как видится, будет углубляться. За последние два года уже произошли качественные изменения: так, 3 из 10 опрошенных (30%) считают, что конфликт на Украине представляет серьёзную угрозу национальным интересам США, тогда как в 2022 году этот показатель достигал 50%. Доля американцев консервативных взглядов, рассматривающих украинский кризис в качестве экзистенциальной опасности, сократилась на 32%, достигнув в конце 2024 года 19%. Позиции демократов в целом соответствуют описанной тенденции, однако в гораздо меньшем объёме: 42% против 50% в феврале 2022 года. Подобный партийный раскол отражает не только широкие разногласия о месте и роли США на мировой арене, но и говорит о том, что влияние на отношение американского общества к России, особенно его консервативно настроенной части, могут оказывать как внутривнутриполитические соображения, например, с состоянием экономики, так и эволюционирующий характер конфликта.

Обращает на себя внимание и демографическая составляющая общественного восприятия России. Американцы в возрасте 65 лет и старше, представляющие поколение бэби-бумеров, чаще воспринимают Россию в качестве врага и положительно относятся к членству США в НАТО: 79% против 48% молодёжи в возрасте до 30 лет. Кроме того, люди с более высоким уровнем образования, например, имеющие степень магистра, как правило, более благоприятно воспринимают участие США в международных альянсах. С учётом наметившейся смены поколений на политической арене США можно предположить, что враждебное видение России в долгосрочной перспективе будет ослабевать. Однако не стоит переоценивать этот фактор, так как различные подходы к разрешению международных конфликтов, выливающиеся в идеологическое противостояние, зачастую с использованием стереотипов холодной войны, создают препятствия для снижения уровня взаимного недоверия. Возвращение Трампа в Белый дом вовсе не означает полную перестройку внешнеполитической линии на изоляционистских началах.

СМИ также играют важную роль в формировании общественного мнения, поскольку в них Россия зачастую представляется как противник, что усиливает негативные настроения и влияет на общественный дискурс. Такое представление усугубляется ростом дезинформации и манипуляций в социальных сетях. Кроме того, в политической риторике по-прежнему

на первый план выносятся разногласия, обусловленные наследием холодной войны, которые продолжают препятствовать попыткам сформировать более благоприятное отношение к России среди американского населения, в лучшем случае способствуя поляризации общественного мнения по данному вопросу.

Как представляется, основы конфронтационного отношения к России глубоко укоренились в американском общественном мнении на протяжении последнего десятилетия. Однако постоянная динамика глобальных вызовов и внутривнутриполитического дискурса, который в ближайшие годы республиканской администрации будет сосредоточен на решении внутренних проблем США, создаёт определённые возможности для перемен. Масштаб этих изменений будет зависеть и от разрешения украинского кризиса, и от состояния американского общества в 2025–2028 годах. Однако до тех пор, пока политическая элита США будет использовать медийный образ России в качестве идеологического инструмента для решения внутривнутриполитических задач, тенденция антагонистического недоверия и враждебности будет закреплять в общественном мнении положение Москвы как главного противника.

Выводы по разделу

Победа Трампа на президентских выборах 2024 года обозначает новый период в американской истории. В условиях необходимости начать непростой процесс внутренней трансформации Демократической партии их соперники республиканцы имеют возможность упрочить свое политическое положение. Долгосрочность положительной динамики для Республиканской партии и второй администрации Трампа, в частности, будет зависеть от их способности проводить притягательную для «умеренных» избирателей и расово-этнических меньшинств политику.

Как следствие, команда президента безусловно постарается сфокусироваться на решении волнующих большинство американцев проблемах экономики, массовой нелегальной иммиграции, охраны границ, преступности, засилья леволиберальной повестки в социокультурной сфере. Вместе с тем усиление консервативных тенденций в политике республиканцев, путём ограничения репродуктивных прав и легальной миграции в США или активного вмешательства в образовательную сферу может привести к потере

Республиканской партией поддержки со стороны заметной доли американских избирателей уже к промежуточным выборам 2026 года.

Но даже в условиях потенциального потепления российско-американских отношений не стоит ожидать резких изменений в оценке большинством американцев Российской Федерации как противника в ближайшие четыре года. С учётом того, что мировоззрение старших поколений жителей США было сформировано в период холодной войны, изменение динамики отношения американцев к России в положительную сторону займёт весьма продолжительный период времени.

3. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

3.1. Состояние внешнеполитического механизма США

В послевоенный период в США сложились две основные модели по руководству формированием и осуществлением внешней политики. Первая – руководство осуществляет лично президент, являющийся сильной личностью и квалифицированным специалистом по международным делам и опирающийся, в первую очередь, на помощника по национальной безопасности (не утверждается Сенатом) и его надведомственный аппарат. Вторая – президент малокомпетентен во внешней политике, и тогда её главным архитектором и руководителем становится государственный секретарь, опирающийся на Государственный департамент, по Конституции являющийся главным внешнеполитическим ведомством страны. Естественно, реальная жизнь вносит немалые коррективы в эти теоретические схемы.

В ближайшие четыре года внешнеполитический механизм США будет функционировать в рамках первой модели. Дональд Трамп остаётся сильной, харизматичной личностью, получив большой внешнеполитический опыт во время первого президентского срока. Государственный секретарь США Марко Рубио, выступавший ранее с глобалистских, неоконсервативных позиций, в последние два года полностью поддерживает Д. Трампа и его принцип «Америка прежде всего». Эти назначения свидетельствуют, в том числе, о том, что будет уделяться повышенное внимание Латинской Америке, борьбе с проникновением в регион Китая, России, Ирана. Также стоит ожидать усиления санкционного давления на Венесуэлу, Никарагуа, Кубу. Кроме того, Рубио будет призван дипломатическими методами облегчить массовую депортацию незаконных мигрантов в Мексику.

В практике функционирования внешнеполитического механизма в послевоенный период выделяются два подхода к управлению ведомством. Первая, наиболее часто практикуемая – государственный секретарь и его окружение (политические назначенцы) воспринимают себя лояльными членами находящейся у власти администрации. В этом случае они реализуют её внешнеполитическую стратегию, действуя нередко вопреки интересам и взглядам

де-юре подчиненного им профессионального дипломатического корпуса – Заграничной службы (Foreign Service), насчитывающей сегодня порядка 18 тысяч сотрудников.

В её составе карьерные дипломаты Государственного департамента, которые годами медленно поднимаются по служебной лестнице до ряда высших постов на конкурсной основе. Так было до прихода демократической администрации Джо Байдена. Энтони Блинкен на основе принципа «разнообразие и инклюзивности» демократов при продвижении кадров нередко стал отдавать предпочтение представителям различных национальных и сексуальных меньшинств.

При такой модели многотысячный корпус профессиональных дипломатов воспринимает немногочисленное политическое руководство Государственного департамента, сменяемое с приходом новой администрации, враждебно. Со своей стороны, руководство воспринимает этих чиновников как сообщество никем не избранных бюрократов, не ориентирующихся во внутренней политике США и нередко выступающих лоббистами тех регионов и стран, которые они курируют.

Вторая администрация Д. Трампа в течение четырёх лет своей работы будет ориентироваться на первую альтернативу. Приоритет будет отдаваться именно приверженности сотрудников Государственного департамента внешнеполитическому курсу президента, а не уровню их профессионализма или опыту дипломатической службы. Отказ от прежних систем квотирования и требования большей лояльности курсу администрации будут дополнительно усиливать антагонизм между ветвями американской власти, укреплять конфликтность между политическими назначенцами и кадровыми чиновниками федеральных ведомств.

Вторая альтернатива, реализуемая гораздо реже, означает, что государственный секретарь становится подлинным руководителем, «патриотом» своего ведомства и начинает отстаивать интересы дипломатического корпуса перед верхами находящейся у власти администрации. Такие фигуры пользуются заметно большей поддержкой в Конгрессе, и при них нередко происходит серьёзное реформирование Государственного департамента.

Овладение республиканцами обеими палатами Конгресса по результатам ноябрьских выборов 2024 года, бесспорное лидерство Д. Трампа в Республиканской партии существенно облегчают ему взаимодействие с законодателями и в сфере внешней политики. Не следует ожидать

ожесточённого сопротивления законодателей инициативам избранного президента, которое наблюдалось во время его первого срока.

Вероятнее всего, новый республиканский ***Конгресс поддержит и значительное сокращение военной и финансовой помощи Украине, и возобновление строительства стены на границе с Мексикой, и новые законопроекты, направленные на конкуренцию с КНР***, противостояние с Ираном и поддержку Израиля. ***Наиболее острое противостояние между законодательной и исполнительной ветвями американской власти ожидается скорее в сфере внутренней политики, а не внешней.***

3.2. Ключевые направления политики США в Азиатско-Тихоокеанском регионе

В настоящее время в американских официальных документах и аналитических разработках политологов Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) устойчиво определяется как «Индо-Тихоокеанский». В ближайшие годы он останется лидером по объёмам торгового оборота, промышленного производства и, возможно, станет ключевым центром инноваций. Здесь же локализован главный «стратегический соперник» США – Китай.

Политика первой администрации Д. Трампа в отношении АТР в период 2017–2021 годов характеризовалась хаотичностью, сменой направлений, отсутствием комплексного подхода. Только в конце 2018 года был подготовлен документ «Стратегические основы политики Соединённых Штатов для Индо-Тихоокеанского региона», который, однако, не был утверждён президентом. Тем не менее каких-либо выгодных для США результатов эта стратегия не принесла.

В целом администрация Трампа и лично президент уделяли мало внимания общерегиональным процессам. Было продемонстрировано пренебрежительное отношение к региональным многосторонним институтам. США вышли из уже согласованного соглашения о Транстихоокеанском партнёрстве. Непосредственно президент США воздерживался от участия в саммитах АТЭС и АСЕАН. Единственное достижение – возобновление с 2019 года встреч в составе «четвёрки» США, Японии, Индии, Австралии.

Отношения с ними выстраивались в рамках характерной для Д. Трампа логики перекладывания бремени военных расходов с США в компетенцию

региональных союзников. Он потребовал от Республики Корея и Японии значительно увеличить вклад в совместную региональную безопасность. Эти требования были частично удовлетворены. Сеул и Токио увеличили расходы на содержание американских войск на своих территориях. Япония приняла решение об увеличении расходов на оборону с 1% до 2% ВВП к 2027 году уже «после Трампа» – в 2023 году.

Американо-китайские отношения значительно ухудшились на фоне торговой войны США с КНР, нацеленной на снижение американского торгового дефицита. Следует заметить, что политика Соединённых Штатов в отношении Китая, определяемая глубинными факторами и противоречиями военно-стратегического, экономического и идеологического характера, набрала достаточно прочную инерцию, которую весьма трудно преодолеть при любых переменах в Белом доме. В целом опыт взаимодействия с Китаем в первый срок Трампа был суммарно негативным, а инициатива обострения отношений с Пекином регулярно исходила от американской стороны. Здесь важно учесть и негативное, чрезвычайно недоверчивое отношение китайского руководства к американской стратегии на китайском направлении в целом, что значительно сужает степень гибкости Китая в диалоге с США.

Помимо сдерживания Китая, Трамп предпринял немало силовых и дипломатических усилий для реализации объявленного им намерения «разом решить северокорейскую ракетно-ядерную проблему». На этом пути он лишь обозначил для руководства КНДР позицию, что добиться от американских властей учёта жизненно важных интересов Пхеньяна невозможно. В результате КНДР отказалась вести какой-либо диалог как с администрацией Д. Трампа, так и со сменившей её администрацией Дж. Байдена.

Переходя к политике США в АТР в ближайшие четыре года, важно учесть, что в американском истеблишменте прочно утвердился консенсус относительно необходимости мобилизовать все доступные ресурсы для системной борьбы с китайским противником, в том числе за доминирование в Азиатско-Тихоокеанском регионе. **Поэтому Д. Трамп будет осуществлять на китайском направлении комплексную стратегию, направленную на сдерживание и ослабление КНР.** Этим обусловлен его выбор кандидатов на ключевые посты по выработке и реализации данной стратегии. Глава Государственного департамента Марко Рубио, министр обороны США Пит Хегсет, его заместитель Элбридж Колби, посланник президента

по особым поручениям Ричард Гренелл, а также директор ЦРУ Джон Рэтклифф известны как сторонники ужесточения политики США в отношении Китая.

Однако в заявлениях этих и других представителей администрации будет содержаться определённая двойственность. С одной стороны, признание Китая достойным соперником, с которым Белый дом готов вести диалог. С другой – будут фигурировать «претензии» к китайскому руководству по довольно широкому спектру проблем: от агрессивности поведения в отношении Тайваня и в региональных морях до нечестности в торгово-экономических делах и нарушениях прав человека.

Китайское руководство, со своей стороны, считает, что КНР ещё недостаточно сильна, чтобы бросить открытый вызов США. Это тоже будет провоцировать двойственность позиции. С одной стороны, последуют заверения, что Китай готов поддерживать с новой американской администрацией конструктивные контакты, расширять сотрудничество и управлять расхождениями. С другой – не исчезнет напоминание о наличии «красных линий», пересечение которых неизбежно повлечёт решительный китайский отпор.

В экономическом соперничестве руководство США будет уделять наибольшее внимание не просто устранению значительного американского дефицита в торговле с Китаем, а принятию мер, затрудняющих антикризисную политику китайского руководства. Весь доступный США инструментарий будет направлен на недопущение китайских технологических прорывов. В итоге эта политика нацелена на осложнение внутренней обстановки в Китае, замедление темпов развития КНР.

Готовность Д. Трампа уже в первый день пребывания в Белом доме ввести 10% пошлины на все китайские товары за невыполнение со стороны КНР требования пресечь поставки фентанила в США не противоречит его заявлению о намерении ввести на все китайские товары тарифы в размере 60%. Среди последствий может быть 50-процентное сокращение ежегодного роста китайской экономики.

Вместе с тем, вероятно, что угроза 60-процентных тарифов будет скорректирована, поскольку может негативно сказаться на американских экономических интересах. Рискам будет подвержена и экономическая устойчивость союзников США – Великобритании, Японии, Республики Корея, Австралии, многих европейских стран-членов ЕС. Можно ожидать, что эта угроза будет применена лишь в отношении отдельных категорий товаров.

В военной сфере США беспокоят быстрые темпы наращивания Китаем ядерных и ракетных вооружений, возможностей широкого использования космоса, в том числе в военных целях. Однако у США нет серьёзных инструментов, чтобы воспрепятствовать нынешнему курсу военной политики КНР. Пекин будет по-прежнему отказываться от переговоров по данному вопросу с Соединёнными Штатами. Последние продолжают курс на размещение ракет средней дальности не только морского базирования в АТР, но и на территориях союзников. Китай, со своей стороны, будет весьма жёстко реагировать на подобные инициативы.

Таким образом, **ожидается значительное увеличение финансирования военных программ Министерства обороны США по модернизации и наращиванию вооружений, в первую очередь в ракетно-ядерной, космической и военно-морской сферах.**

Высокая степень преемственности между администрациями Д. Трампа и Дж. Байдена проявится в широком санкционном давлении на Китай с целью отсечь китайцев от доступа к технологиям XXI века. К таковым относятся, в частности, производство полупроводников, искусственный интеллект. Ограничения на доступ к ним Трамп начал вводить ещё в первый президентский срок.

Дальнейшие ограничения США на доступ Китая к высоким технологиям, отслеживание китайских инвестиций в научно-технические проекты в американских компаниях и университетах, а также давление на союзников США с целью снизить и торговые связи и технологическую кооперацию с КНР будут продолжены. Поэтому сторонам будет проблематично найти компромисс в технологическом противостоянии. Так, Китай уже ответил на американские действия своим запретом на экспорт в США многих критически важных для изготовления полупроводников материалов, как как галлий, германий, сурьма, графит.

Помимо экономического соперничества, **особое внимание администрация Д. Трампа уделит идеологическому аспекту противостояния с КНР.** Еще в первую каденцию были предприняты незначительные, но показательные меры для дискредитации среди китайского населения, особенно интеллигенции, «диктаторской политики» КПК, проведена широкая пропагандистская кампания с обвинениями в адрес китайских властей в нарушениях прав человека.

При этом самым острым вопросом американо-китайских отношений, особенно с точки зрения рисков для региональной безопасности, останется Тайвань. Визит в Тайбэй председателя палаты представителей Конгресса Н. Пелоси в 2022 году, вызвавший острый кризис в китайско-американских отношениях, стал возможен в том числе благодаря указу Д. Трампа о разрешении подобных контактов. Китайские вооружённые силы начали отрабатывать сценарии морской и воздушной блокады острова. **При второй администрации Д. Трампа ситуация вокруг Тайваня не перейдет в «горячую фазу». КНР не заинтересована и не готова к силовому присоединению острова к материку.** США, при неурегулированных украинском и ближневосточном конфликтах, **не имеют интереса** в открытии «нового фронта» в АТР. **Тем не менее администрация Д. Трампа, как и её предшественники, будут продолжать усилия по укреплению проамериканского баланса сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе.**

В целом нынешний статус-кво в отношении тайваньской проблемы никак не противоречит интересам президента Трампа в сдерживании КНР. В то же время для него остаётся важным придерживаться позиции известной «неопределённости» для торга с Пекином и ведения переговоров с позиции силы. Тем не менее можно ожидать проявления вспышек конфликтности, провокаций и военной напряженности в зоне Тайваньского пролива.

В то же время Трамп, согласно его заявлениям, будет требовать от Тайбэя больше тратить на свою оборону и должен больше платить США за американскую защиту, а также рассчитываться за «воровство» американских технологий, которые позволили Тайваню выйти на первое место в мире по производству полупроводников. В противном случае будут введены пошлины на экспорт в США в размере 150–200%.

Отдельное внимание заслуживают возможные подходы второй администрации Д. Трампа к вопросу о ракетно-ядерной программе КНДР. В публичном поле избранный президент США сожалеет, что ему не удалось довести до завершения намечавшиеся договорённости между ним и руководителем КНДР. Тогда, в 2019 году, этому воспротивились его внешнеполитические советники американского лидера.

Однако даже если Трамп проявит интерес к возобновлению переговоров с Ким Чен Ыном, ему придется учитывать, что за прошедшее время КНДР серьёзно упрочила свои международные позиции, прежде всего за счет заключения союзного договора с Россией, а также

нарастила свой собственный ракетно-ядерный потенциал. С учётом этих обстоятельств требования Пхеньяна к Вашингтону будут носить более радикальный, чем прежде, характер. По мнению руководства КНДР, переговоры должны вестись между двумя ядерными державами «на равных». США должны будут признать ядерный статус КНДР, установить дипломатические отношения с Северной Кореей, предоставить гарантии безопасности, вывести свои войска из Республики Корея, отменить санкции. Со своей стороны, Пхеньян, возможно, будет готов заморозить разработку межконтинентальной ракеты и ядерные испытания, дать гарантии не применять силу против Республики Корея при отсутствии «провокаций» со стороны Сеула.

Подобные уступки Д. Трампа Пхеньяну вызовут остро негативную реакцию в американских кругах, настроенных против КНДР, но особенно резко будут встречены в Сеуле. Это может привести к очередному витку политической нестабильности в Республике Корея, обострить дискуссию в пользу создания южнокорейского ядерного оружия.

Даже в случае начала переговоров (подобные инициативы Трампа на северокорейском направлении не ожидаются в краткосрочной перспективе) они будут весьма сложными и могут просто не уложиться в четыре года. Возможные попытки Д. Трампа обратиться к руководству России с просьбой о содействии в переговорах с Ким Чен Ыном не вырастут в полноценный взаимовыгодный диалог между Вашингтоном и Пхеньяном. Для северокорейской стороны диалог о денуклеаризации не актуален. Ядерный потенциал КНДР, равно как и возможности её ракетной программы, существенно возросли с 2017–2018 годов. Новая администрация Д. Трампа, со своей стороны, не в силах предложить новой формулы урегулирования американо-северокорейских отношений из-за неспособности пойти на крупные уступки в адрес Северной Кореи. Устойчивое недоверие КНДР к США, возросший уровень российско-северокорейских отношений и продолжение СВО делают маловероятным продуктивный диалог между администрацией Д. Трампа и Северной Кореей.

Также стоит отметить, что администрация Д. Трампа нацелена на укрепление проамериканских альянсов. Японское правительство уже подтвердило необходимость сохранения и упрочения союзнических отношений с США. Токио, как и ранее, будет ориентироваться на американские установки. Единственное пожелание – давать больше поручений по сотрудничеству с другими союзниками США и им «сочувствующим».

Таким образом, Япония готова продолжать процесс оформления коалиции США – Южная Корея – Япония в более прочную структуру. Однако этому есть несколько препятствий. Во-первых, политическая нестабильность в Республике Корея. Во-вторых, неуверенность американских властей в последовательном курсе Сеула на нормализацию отношений с Токио. В-третьих, весьма критичный подход Д. Трампа к Республике Корея. Он включает в себя не только обвинения в недостаточных расходах на оборону и содержание американских войск на своей территории, но также «угрозы» вывода этих войск с Корейского полуострова. Поэтому сохраняются сомнения относительно долгосрочности планов по институционализации трояких отношений.

Помимо готовности идти на развитие отношений с Южной Кореей, в Токио демонстрируют намерения поддержать США в случае начала конфликта в Тайваньском проливе. Речь не только о предоставлении логистических мощностей, но и задействовании японских вооружений в случае начала конфликта.

Японские власти усиленно вкладываются в формирующийся альянс США – Япония – Филиппины. В Токио предполагают, что новая американская администрация поддержит данное объединение. При этом Япония может лишь частично присоединиться к партнёрству США – Великобритания – Австралия, без присоединения к разработкам атомных подводных лодок.

Проблемным элементом в американо-японских отношениях будет, прежде всего, введение Д. Трампом новых торговых тарифов. «Компенсацию» Япония рассчитывает получить в рамках начавшегося в ноябре 2024 года процесса формирования структуры «Трёхсторонних оборонных консультаций» (США – Япония – Австралия) с целью координации политики в области безопасности и проведения регулярных военно-морских десантных учений.

При всем скептицизме Трампа по поводу многосторонних соглашений и союзов можно исходить из того, что начатая при администрации Дж. Байдена стратегия окружения Китая кольцом американских союзов и альянсов с «верными» региональными партнёрами сохранится.

Это же относится и к форуму QUAD (США – Индия – Япония – Австралия). Вместе с тем не следует ожидать, что он может пойти по пути формирования полноценного военно-политического союза. Благодаря позиции Индии, которая не заинтересована в том, чтобы форум носил открыто антикитайскую направленность, его решения и действия будут сохранять в значительной

степени декларативный характер. Исключение составляют периодически проводимые совместные военно-морские учения. При этом Пекин уже рассматривает деятельность этого объединения как антикитайскую.

Также ожидается, что Трамп учтёт критику в свой адрес за фактическое игнорирование форумов АСЕАН и теперь будет на них присутствовать. Однако акцент будет делаться на развитии двусторонних отношений с теми членами Ассоциации, которые хотят видеть США в качестве противовеса «доминированию» в регионе Китая и противодействия его экспансионистской стратегии в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

Начав свой первый президентский срок с выхода из соглашения о Транс-Тихоокеанском партнёрстве, Д. Трамп в свой второй срок пойдёт на с закрытие инициативы администрации Дж. Байдена «Индо-Тихоокеанская структура для процветания». Слабо проработанная инициатива, к реализации которой США пригласили 13 региональных стран, без Китая, серьёзного интереса не вызвала и ограничилась к концу 2024 года проведением формальных встреч без заключения серьёзных договорённостей.

В целом, поскольку в команде Трампа преобладают сторонники того, чтобы снизить внимание и затраты на европейское направление внешней политики США и переориентировать их на Азиатско-Тихоокеанский регион, ***можно ожидать нового витка конкуренции между Соединёнными Штатами Америки и Китаем на азиатско-тихоокеанском направлении. Он с высокой долей вероятности приведёт к расширению участников противостояния, милитаризации региона, адаптации торговых взаимосвязей и технологического сотрудничества к новым параметрам международной конкуренции.***

3.3. Трансатлантические отношения

Д. Трамп, являясь выразителем взглядов традиционного американского консерватизма, выступает политико-идеологическим антагонистом по отношению к неолиберальным элитам Европы и к той глобалистской повестке, которую они продвигают. Избранному президенту США на руку заметное ослабление внутривнутриполитических позиций правительств в Германии, Франции и Великобритании, которые пользуются все меньшей общественной поддержкой в своих странах. Перспектива налаживания взаимодействия между

правопопулистскими силами Европы и «трампистскими» кругами в США беспокоит правящие элиты ЕС. Победа Д. Трампа на президентских выборах 2024 года будет усиливать европейских политиков, которые отстаивают национальные интересы в противостоянии с центральными европейскими властями.

Подход Д. Трампа к отношениям с ЕС и НАТО в соответствии с принципом «Америка прежде всего» разрушает существовавший в США долгое время двухпартийный консенсус, основывающийся на трактовке сотрудничества с этими структурами как преимущества США над соперниками и как ценного стратегического актива Соединённых Штатов в международных делах.

Д. Трамп ставит под сомнение роль НАТО как важной составной части системы национальной безопасности США и двусмысленно трактует американские обязательства по обороне союзников. Он считает, что НАТО в её нынешнем виде является слишком обременительной ношей для США, поглощая неоправданно много военных и финансовых ресурсов американского государства. Весьма вероятно, что Д. Трамп будет добиваться увеличения оборонных бюджетов европейских союзников как минимум до 3% ВВП. Можно предположить, что ***Д. Трамп потребует от европейских союзников большего участия в вопросах безопасности Индо-Тихоокеанского региона. Масштаб американского военного присутствия в Европе скорее всего будет увязан с тем, как страны НАТО/ЕС отреагируют на это требование. От новой администрации можно ожидать сокращения военного присутствия США в Европе.***

В то же время Д. Трамп не будет ставить вопрос о полном свёртывании американского участия в НАТО. Выход США из Североатлантического альянса не может быть осуществлён одним лишь решением президента. Для этого требуется одобрение обеих палат Конгресса, согласно недавно одобренному законодательству. Тем не менее президент может своим указом приостановить исполнение тех или иных американских обязательств по договору о Североатлантическом альянсе и заморозить финансирование соответствующих статей расходов.

Однако подобный образ действий может повлечь конституционную тяжбу с Конгрессом, который воспротивится такому решению Белого дома и будет его блокировать, голосуя против президентской директивы. Тогда дело будет передано на рассмотрение Верховного суда, который должен провести разграничение пересекающихся полномочий исполнительной и законодательной

ветвей власти в этом вопросе. Таким образом, попытка Д. Трампа вывести США из НАТО откроет ещё одно поле противостояния между ним и системным политическим истеблишментом.

Ревизия отношений НАТО предполагает перераспределение нагрузки между США и Европой в соответствии с американскими интересами: уменьшение финансового и военного бремени американского военного присутствия в европейском регионе. Можно ожидать роста продаж американской техники и вооружений в Европу в связи с сокращением их запасов в европейских странах НАТО. Возникший дефицит некоторых видов материальных военных ресурсов у европейских членов альянса в результате поставок на Украину вооружений и боеприпасов подталкивает их к закупкам этой продукции в США.

Ещё одним объективным стимулом к наращиванию трансатлантической кооперации в производстве военной техники является текущая нехватка необходимых промышленных мощностей американских компаний на территории самих США.

Оценивая перспективы взаимоотношений США и ЕС в ходе второго президентства Д. Трампа, необходимо учитывать базовые установки вновь избранного президента в отношении объединённой Европы. Для Д. Трампа Европейский Союз – это:

- союзник антитрамповской оппозиции в США и его идейно-политический противник, который продвигает «лживую идею глобализации»;
- обременение в сфере безопасности, которое экономит на собственных военных расходах за счёт США;
- политико-экономический инструмент, который крупные европейские державы, прежде всего Германия и Франция, используют, чтобы взять верх над США, прибегая к нечестной торговой конкуренции.

С высокой степенью вероятности можно предположить, что ***Д. Трамп будет проводить линию на раскол Евросоюза. Во всяком случае, в его понимании американским интересам отвечает политическое размежевание в ЕС, разжигание конфликта между либеральными и национально-ориентированными кругами правящих элит в Европе.***

Новая администрация США будет на стороне правопопулистских сил в Европе в их противостоянии с ультралиберальными кругами ЕС. Игра на межъевропейских противоречиях, поощрение дезинтеграционных процессов

в Европе отвечает представлениям Д. Трампа об американских интересах, ведь ослабленный ЕС будет более уступчив в вопросах, вызывающих разногласия с Вашингтоном. **Можно ожидать расхождений политики будущей администрации Д. Трампа с ЕС по таким проблемам, как ситуация вокруг Украины, отношения с Китаем и Ираном, ближневосточный кризис, глобальное изменение климата, реформа ВТО.** Белый дом пойдёт на провоцирование разногласий между европейскими странами в этих вопросах, препятствуя формированию единой позиции ЕС.

Вместе с тем новая администрация Д. Трампа скорее всего будет поощрять максимальное наращивание военного потенциала союзников в Европе, даже если это будет происходить под эгидой ЕС. **США продолжают поддерживать тенденцию к милитаризации Европейского союза и предпринимать усилия, чтобы закрепить антироссийскую направленность интеграционных усилий в оборонном строительстве ЕС.**

После начала российской специальной военной операции «украинская тема» стала одной из главных в трансатлантической повестке дня. Политика Д. Трампа создаст вызовы для американо-европейских отношений в вопросах безопасности. Американская поддержка Украины в её военном противостоянии с Россией будет зависеть от конъюнктурных колебаний внешнеполитического курса официального Вашингтона. Президент США намерен вести линию на сокращение объёмов американской помощи киевскому режиму, пересмотр её номенклатуры и темпов поставок. Однако полного прекращения американской военной помощи Украине не произойдёт. При этом основные расходы на обеспечение безопасности в Европе администрация Д. Трампа будет максимально перекладывать на европейских союзников.

Ещё одной темой, приобретающей всё большее значение в трансатлантических отношениях, стал Китай. Д. Трамп будет наращивать санкционное давление на Пекин и требовать от Евросоюза присоединения к этой политике. Будущая администрация будет склонять ЕС к ужесточению экспортного контроля, ограничений на обмен технологиями с Китаем, угрожая применением новых, более чувствительных санкций против нарушителей антикитайского санкционного режима. **Американская стратегия сдерживания Китая предусматривает привлечение ЕС к осуществлению совместных мер, направленных на противодействие растущему международному влиянию КНР, на сковывание её экономического развития и формирование в Европе антикитайского консенсуса.**

Помимо военно-политических аспектов, в трансатлантических отношениях существенное место занимают торгово-экономические вопросы. Администрация Д. Трампа будет поощрять продолжение политики ЕС по свёртыванию торгово-экономических связей с Россией, которая привела к деградации ряда отраслей промышленности в Европе, оттоку инвестиций в США из энергоёмких секторов европейской экономики. Эта политика объективно усиливает американские позиции в конкуренции с Евросоюзом на мировых рынках товаров, в производстве которых высока доля потреблённых энергоресурсов. Американская экономика демонстрирует большую динамику роста в сравнении с Европой (см. табл. 15).

Растущий торговый дисбаланс в отношениях с ЕС является, по мнению Д. Трампа, крайне неблагоприятной тенденцией, которая является отражением нечестной конкуренции и вредит экономике США (см. табл. 16).

В период своего второго президентства Д. Трамп проводит политику жёсткого протекционизма, задача которой – сокращение отрицательного сальдо в торговле с Европой. Он нацелен на решительные меры, включая резкое повышение пошлин на европейские товары, чтобы остановить рост торгового дефицита. Подобные шаги приведут к напряжённости в трансатлантических отношениях. Однако Вашингтон исходит из того, что после свёртывания торгово-экономических связей с Россией для стран Евросоюза ещё больше возрастает значимость американского рынка, и они будут вынуждены принять условия Вашингтона.

Обещание поддержки нефтегазового сектора американской экономики является одним из пунктов программы Д. Трампа, с которой он шёл на выборы 2024 года. ***Новая администрация будет проводить курс на энергетическую экспансию США в Европу и принимать меры, направленные на дальнейшее выдавливание поставок российских энергоресурсов с европейского энергетического рынка*** (см. табл. 17).

Д. Трамп ставит целью закрепить за США статус промышленной сверхдержавы мира и сделать страну доминирующей силой в мировой энергетике. Он будет проводить линию на снятие ограничений на производство углеводородного сырья в США, которые были введены по экологическим соображениям, и аннулирование обязательств по климатической повестке дня, которые соблюдала администрация Дж. Байдена. Это, свою очередь, создаёт почву для серьёзных трений с ЕС, учитывая приверженность объединённой Европы идее скорейшего перехода к «зелёной экономике».

3.4. Политика США на постсоветском пространстве (Закавказье и Центральная Азия)

Отношение второй администрации Д. Трампа к странам постсоветского пространства будет определяться не только динамикой российско-американских отношений, но и готовностью России принять условия урегулирования украинского конфликта. Не менее важным вопросом является готовность Вашингтона признать постсоветское пространство сферой особых интересов России. Это тесным образом коррелируется с готовностью самих стран постсоветского пространства признать подобный расклад сил в регионе. Как минимум на риторическом уровне, новая президентская администрация демонстрирует готовность урегулировать украинский конфликт. Его финансирование требует жёсткого контроля расходов в рамках помощи Киеву.

Тем не менее, **постсоветское пространство не будет иметь такого же значения для новой администрации, как это было при администрации президента Дж. Байдена. Однако и на периферию американской политики оно не уйдёт. Её основой в данном регионе станут экономические проекты**, а отношения между Вашингтоном и каждой страной в отдельности – все более взаимовыгодными. Интерес США к государствам постсоветского пространства будет в значительной степени обуславливаться и готовностью самих стран выстраивать двустороннее сотрудничество с Соединёнными Штатами. Это объясняется стремлением постсоветских стран к проведению своей национальной политики и суверенному развитию в условиях многополярного мира.

Соединённые Штаты, со своей стороны, будут реализовывать более дифференцированную политику в отношении государств, представляющих интерес для американского бизнеса.

В этом отношении Закавказье и Центральная Азия представляют интерес для США. Их близость к Черноморско-Каспийскому региону и Ближнему Востоку придаёт им не только военно-стратегическую, но и экономическую значимость. Последняя дополняется доступом к энергоносителям, возможностями по созданию транспортных коридоров, позволяющих обойти Россию и переформатировать региональное и глобальное экономическое пространство с учётом интересов Запада. Наконец, китайская инициатива «Один

пояс – один путь» продолжает рассматриваться Вашингтоном как конкурентный проект в Евразии и будет стимулировать США давать посильный ответ на инициативы КНР в регионе.

В Закавказье фокусной страной для Вашингтона останется Грузия, несмотря на ряд серьёзных разногласий, возникших между обеими странами за последние два года. Это важный международный хаб и неотъемлемая часть коридора Восток-Запад. С точки зрения энергобезопасности Европы значение Грузии колоссально. Поэтому Вашингтон не сможет игнорировать тот факт, что безопасность Черноморского региона, равно как и его экономические интересы в этой стране, являются для Соединённых Штатов вопросом стратегической важности.

Представляется, что новая администрация США, руководствуясь прагматическими соображениями, не станет сбрасывать со счетов существенные финансовые затраты, которые на протяжении более двух последних десятилетий, начиная с «революции роз», направлялись Тбилиси. Однако в этой ситуации интересна и позиция самой Грузии. Её руководство не пришло к единому мнению о подходе к решению проблем с обороной и безопасностью. Одна фракция истеблишмента готова делегировать эти вопросы более сильному партнёру в лице США и принять, таким образом, политические условия последних. Другая выступает за максимальную самостоятельность Грузии в данных вопросах. Общая позиция грузинской элиты пока не выработана.

Вашингтон продолжит рассматривать богатый энергоресурсами Каспия Азербайджан как противовес исламскому Ирану. В этом же контексте можно говорить и об увеличении стратегического интереса Соединённых Штатов к этой стране в силу все более растущей самостоятельности Турции на мировой арене, что позволяет ей зачастую не соглашаться с «рекомендациями» США. Однако сегодня Баку стал проводить более самостоятельную политику, позволяющую выбирать своего ключевого партнёра.

Армения, со своей стороны, не имеет ценного военно-стратегического положения, аналогичного Грузии, и не располагает богатыми энергоресурсами, подобно Азербайджану. Поэтому интерес со стороны США к этой стране будет минимальным. Её возможная переориентация на Запад скорее нанесёт значительный ущерб армянским национальным интересам, чем принесёт значимые дивиденды.

В итоге ключевыми направлениями политики США в Закавказье станут наращивание связей с Грузией без формального её членства в НАТО, «сдерживание» России, Ирана и Китая, возведение системы коммуникаций для транзита энергоресурсов, оптимизация отношений с проблемным союзником в лице Турции.

Главной же задачей при реализации политики США на центрально-азиатском направлении станет комплексное укрепление позиций во всех пяти странах региона. Цель – сдерживание Китая и РФ. Наиболее перспективным партнёром США выглядит Казахстан в силу роста его экономического потенциала и роли транзитного центра в торговле между ЕС и Китаем. Астана будет способствовать формированию новой логистической карты Евразии, резко повышающей значимость Казахстана для американских корпораций.

Точно такой же подход будет применён США и к остальным странам Центральной Азии. Американский инструментарий будет включать в себя расширение альтернативных России и Китаю торговых маршрутов, способствующих эффективности работы ключевых морских и железнодорожных логистических коридоров в регионе, развитие инфраструктуры транскаспийских торговых путей, поддержку частного сектора экономики, призван обеспечивать беспрепятственную миграцию западных транснациональных компаний в Центральную Азию.

Однако самым перспективным и многообещающим проектом новой администрации может стать экономическая помощь, нацеленная на внедрение программ обучения и образования, способных обеспечить максимальное сближение региона с Западом.

При этом Вашингтон может столкнуться с рядом проблем на пути её реализации. Прежде всего – из-за постоянно меняющейся системы приоритетов США на постсоветском пространстве. Вложения США в развитие региона значительно уступают китайским. Наконец, урегулирование двухуровневых вопросов, касающихся как отдельных государств, так и всего региона, станет самым большим испытанием для Соединённых Штатов.

Сами страны Центральной Азии будут осуществлять своё взаимодействие с Вашингтоном с целью балансирования между интересами конкурирующих держав и достижения взаимовыгодного сотрудничества.

3.5. Ближневосточная политика США

Цель ближневосточной политики США на 2025–2029 годы остаётся вполне традиционной – поддержание проамериканского баланса сил в регионе. Для её достижения Соединённые Штаты будут сдерживать влияние Китая, России и Ирана в этой части мира, оказывать всемерную поддержку региональным партнёрам в укреплении их вооружённых сил и перекладывать решение вопросов безопасности на их плечи. **Традиционным партнёром США здесь остаётся Израиль, ревизия отношений с которым не предвидится в обозримой перспективе.** При этом поддержка Израиля в его противостоянии с палестинскими боевиками по-прежнему пользуется популярностью в американском общественном мнении.

Именно с Израилем связан наиболее успешный миротворческий проект Д. Трампа – «соглашения Авраама». Присоединение к ним новых государств (особенно Королевства Саудовская Аравия) затруднено из-за продолжающегося конфликта в секторе Газа и общей остроты палестинского вопроса. Новая администрация Д. Трампа не будет тратить свой политический капитал на его разрешение. Скорее наоборот, **с целью получения поддержки от произраильского лобби в США Д. Трамп будет поощрять политику Израиля по строительству еврейских поселений на Западном берегу реки Иордан.**

При этом, несмотря на всю антииранскую риторику, Д. Трамп не заинтересован в развязывании новой войны на Ближнем Востоке. Подобное развитие событий не найдёт положительного отклика среди американских избирателей. США вновь будут вынуждены оттягивать свои силы в этот регион, вместо их концентрации на приоритетном для них Азиатско-Тихоокеанском направлении. Поэтому **американцы ограничатся налаживанием военно-политического и военно-технического сотрудничества со своими союзниками, будут работать над дальнейшей интеграцией их оборонительных потенциалов. Санкционное давление на Исламскую республику Иран, отдельные военные операции против ИРИ и её союзников будут оставаться частью инструментария США по сдерживанию своего регионального противника.**

Для своих союзников США имеют не так много положительных стимулов, чтобы претендовать на полное вытеснение КНР или РФ из региона.

Их репутация надёжного партнёра и военной державы серьёзно пострадала за последнее десятилетие. Однако для некоторых ближневосточных стран Соединённые Штаты остаются гарантом выживания. Для отдельных – источником получения финансовой помощи и технологий. Тем не менее этого оказывается достаточно, чтобы претендовать на сохранение позиций на Ближнем Востоке, несмотря на некомпетентность многих членов команды Д. Трампа, высокую степень персонификации ближневосточной политики США в ближайшие четыре года и её общую непоследовательность.

3.6. Приоритеты политики США в Африке

Д. Трамп и его окружение нацелены на радикальные изменения в политике США в Африке. При этом данное направление, как и вся внешняя политика администрации Д. Трампа, будет характеризоваться противоречивостью. К примеру, ***на антитеррористическом треке и противостоянии влиянию КНР и РФ в регионе ключевым партнёром США позиционируется Франция***. С учётом тяжелейшего кризиса, который переживает политика «Франсафрик», и дискредитировавших себя методов США и Франции по борьбе с терроризмом подобная попытка переложить бремя противостояния с глобальными державами и джихадистами на чрезвычайно непопулярного в регионе союзника приведёт к сильнейшим материальным и репутационным издержкам.

В то же время Соединённые Штаты, как и на других внешнеполитических направлениях, нацеливаются на наращивание силового потенциала местных партнёров, предоставляя их вооружённым силам возможности для получения военного образования и подготовки личного состава. Эти меры нацелены на борьбу с локальными террористическими угрозами, и защиту американских активов в Африке.

Ещё одно возможное преобразование – упразднение всех программ зарубежной помощи в целях развития в пользу наращивания финансирования проектов, выступающих альтернативой китайскому проекту «Один пояс – один путь». Таким образом, в африканских проектах задействуется частный сектор США и обеспечивается переход на американские технологические стандарты.

При этом вторая администрация Трампа, с высокой долей вероятности, откажется от продвижения ценностей, вызывающих отторжение у африканских партнёров. Это безусловно облегчит доступ последних к получению американской и международной помощи. Однако США по-прежнему обуславливают её политическими уступками, а объёмы значительно уступают вложениям в проекты китайской программы «Один пояс – один путь».

Однако **наиболее ярким шагом второй администрации Д. Трампа на африканском направлении может стать признание независимости Сомалиленда**. Этот шаг позволит американским спецслужбам отслеживать потоки контрабандного оружия в нестабильном регионе, а также следить за деятельностью Китая, у которого есть постоянная военная база в соседнем Джибути.

Выводы по разделу

Противостояние между президентской администрацией, с одной стороны, и кадровыми чиновниками, и системными представителями американского истеблишмента – с другой будут неизбежно отражаться на внешнеполитическом курсе второй администрации Д. Трампа. Подобный антагонизм, тем не менее, не исключает компромиссов между ними. В таких внешнеполитических сюжетах, как сдерживание военного и экономического развития Китая, поддержка Израиля, противостояние с Ираном, обеспечение лидерства США в мировой политике и глобальной экономике эти два политических лагеря способны найти компромисс. Реакционность Д. Трампа, его популистская риторика и стремление к сиюминутным политическим выгодам снижают предсказуемость внешней политики США и договороспособность американского руководства. Однако они не отменяют перманентного игнорирования Соединёнными Штатами интересов своих союзников, готовности использовать институты глобального управления для достижения собственных интересов и приоритетности национального права над международным.

Не менее важными характеристиками второй администрации Д. Трампа на всех ключевых направлениях внешней политики США будут непоследовательность, персонифицированность и транзакционность. Отсутствие стратегического подхода во внешней политике США дополнительно усугубляется увеличением роли политических назначенцев в работе профильных ведомств.

Результативность того или иного диалога с участием США во многом будет зависеть от персонального взаимопонимания между американским лидером и его иностранным контрагентом.

Подобный подход вызван стремлением 47-го президента США избегать глубокого вовлечения страны в международные кризисы и его нацеленностью на быстрые дипломатические успехи. В целом вторая администрация Д. Трампа будет настроена на прекращение «горячей фазы» того или иного вооружённого конфликта, без устранения его первопричин. Подобный подход не устраняет, тем не менее, риски новых материальных, людских и репутационных издержек для Соединённых Штатов.

Статус США как надёжного союзника и медиатора в урегулировании конфликтов будет также подрываться тактикой ведения дипломатического процесса. Публичные максимальные угрозы для последующих переговоров с позиции силы как для союзников, так и для противников Соединённых Штатов, останутся характерной чертой второй администрации Д. Трампа.

При этом её внешнеполитический инструментарий останется вполне традиционным: санкционное давление, ограниченные, показательные силовые акции, экономическая и военная помощь союзникам США. Ревизионистская риторика Д. Трампа приведёт лишь к передаче компетенций от одних ведомств к другим, а не к отказу Белого дома от характерных для Соединённых Штатов подходов к отстаиванию своих национальных интересов.

Одним из них останется расширение и укрепление проамериканской сети альянсов в Азиатско-Тихоокеанском и ближневосточном регионах с упором на интеграцию оборонных потенциалов стран-участниц. Ключевым стимулом для Соединённых Штатов остаётся необходимость проецирования силы, а для их локальных партнёров – наличие объективных вызовов безопасности и безальтернативность США как гаранта их территориальной целостности.

При этом, борьба с противниками США в лице Китая, России, Ирана и Северной Кореи будет строиться не столько вокруг наращивания мощи самих Соединённых Штатов, сколько вокруг попыток замедления развития конкурирующих держав. Санкционный инструментарий сохраняет своё значение, поскольку не требует согласования с региональными союзниками США, в большинстве случаев находит одобрение у всех ветвей американской власти и открывает широкий диапазон для манипуляции результатами его применения даже в случае отсутствия объективного ущерба Соединённым Штатам.

Таким образом, попытки США сократить влияние КНР и РФ в том или ином регионе мира будут сталкиваться с ограниченным набором положительных стимулов у самих Соединённых Штатов. Открытие доступа на американский рынок входит в противоречие с необходимостью бороться с торговым дефицитом, вовлеченность в решение глобальных проблем – с разночтениями в методах их урегулирования и ограниченностью ресурсной базы. Также сказывается неготовность большинства стран современного мира выстраивать отношения на односторонней основе и общая незаинтересованность США выстраивать отношения с тем или иным контрагентом на равноправных основаниях.

4. ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА

4.1. Стратегический курс

Как и в годы первой администрации Д. Трампа, доктринальные документы, касающиеся обеспечения национальной безопасности США, частично сохраняют свою преемственность с документами предыдущей администрации.

Несмотря на кажущуюся эксцентричность 47-го президента, выработка и концептуализация американских национальных интересов подчинена чёткой логике и представляет собой кропотливый и трудоёмкий процесс, который затрагивает целый ряд ведомств, включая Белый дом, Министерство обороны, Государственный департамент, Министерство внутренней безопасности, Министерство энергетики и разведывательное сообщество. При этом задачей Совета по национальной безопасности (СНБ) является учёт и координация широкого спектра предложений, поступающих из государственных органов. Основной временной отметкой в оценке первых шагов администрации Д. Трампа станет конец 2025 – начало 2026 года, когда может быть опубликована Стратегия национальной безопасности.

Доктрина «Америка прежде всего» и её внешнеполитическая составляющая, выражающаяся в концепции «Мир посредством силы», будут определять весь дискурс политики Д. Трампа. Неизменными вероятнее всего останутся положения, касающиеся стратегического противостояния с Китаем и Россией. При этом политика в отношении этих стран будет строиться на «интуитивных» решениях, которые будет сложно интегрировать в процесс стратегического планирования.

Отличительными чертами внешней и военной политики Д. Трампа могут стать:

- ***сокращение роли дипломатии как основного инструмента достижения внешнеполитических целей;***
- ***отказ от восприятия союзнических отношений как фундамента глобального лидерства США;***

- **снижение акцента на невоенные аспекты обеспечения национальной безопасности (продвижение демократических ценностей, проблема изменения климата);**
- **отход от представления о контроле над вооружениями как инструменте поддержания стратегической стабильности.**

Стоит ожидать **акцента на двусторонних договорённостях, причём как в экономической, так и в военно-политической сферах, а также рост критики в отношении ООН и других международных институтов, дальнейший прессинг союзников по НАТО о повышении их военных расходов** вплоть до 3% ВВП. Формулировки по уже упомянутому климатическому фактору в стратегии национальной безопасности будут максимально подчинены логике приоритетов энергетической политики.

Огромную роль в реализации стратегического курса сыграет расклад сил в Конгрессе США. Республиканцы контролируют обе палаты, как минимум, до конца 2026 года. Соответственно, в этот период какие-либо договорённости по контролю над вооружениями вряд ли получат поддержку Конгресса. Объём военных расходов к концу нынешнего десятилетия приблизится к триллиону долларов.

По озвученным Д. Трампом первым кандидатурам на ключевые посты в сфере обеспечения национальной безопасности можно было сделать вывод, что он вряд ли планирует возвращать на новый срок представителей своей предыдущей администрации. У П. Хегсета, назначенного на должность министра обороны, нет опыта работы в политической сфере. Основным требованием Трампа к его кабинету станет лояльность, чем не смогли похвастаться многие политики из его первой администрации (М. Пэнс, Дж. Болтон, Дж. Мэттис, М. Эспер и др.).

Можно прогнозировать, что кадровый аспект реализации СНБ будет определяться следующими явлениями: **отток представителей истеблишмента, резко критикующих Д. Трампа и неготовых работать в его администрации; сложности с утверждением кандидатов на ключевые посты из-за проблем с обоснованием их профессиональной пригодности; а также личное недоверие 47-го президента в отношении чиновников.**

Ключевой чертой новой администрации США станет способность адаптироваться к текущей трансформации системы международных отношений, к чему оказалась не готова демократическая администрация Дж. Байдена.

Ригидность подхода демократов к процессу принятия решений, например, в отношении России и европейской безопасности, оценивается Трампом как политическая слабость, от которой он попытается как можно скорее отмежеваться.

В этой связи российская стратегия национальной безопасности должна быть направлена на снижение возможных издержек от действий новой американской администрации, которая, с одной стороны, может проявить большую готовность к ведению диалога, с другой будет гораздо менее предсказуемой, чем уходящая администрация Дж. Байдена.

4.2. Военный бюджет

Контроль республиканцев над обеими палатами Конгресса до конца 2026 года должен упростить администрации Д. Трампа реализацию её оборонных приоритетов. О последних можно судить по соответствующим установкам Платформы Республиканской партии 2024 года²⁵ и экспертного «Проекта 2025»²⁶, ориентированным на политические позиции нового президента. Особое внимание в документах предлагается уделить модернизации и наращиванию ядерного арсенала, развитию перспективных технологий, совершенствованию противоракетной обороны, расширению антитеррористических усилий, укреплению производственной базы ВПК, усилению кибербезопасности и потенциала радиоэлектронной борьбы.

Сокращено финансирование программ по продвижению разнообразия, равенства и инклюзивности²⁷ в ВС, а также финансовая помощь в области

²⁵ The 2024 Republican Platform: Make America Great Again! July 8, 2024. Available at: <https://prod-static.gop.com/media/RNC2024-Platform.pdf>.

²⁶ Mandate for Leadership: The Conservative Promise. Presidential Transition Project. April 21, 2023. Available at: https://static.project2025.org/2025_MandateForLeadership_FULL.pdf. Документ представляет собой набор рекомендаций президенту-республиканцу по реформированию федерального правительства США, подготовленный консервативным аналитическим центром «Фонд Наследие».

²⁷ Программы министерства обороны по продвижению разнообразия, равенства и инклюзивности (diversity, equity and inclusion, DEI) – активно насаждаемые администрацией Дж. Байдена комплексные усилия по привлечению в ряды военнослужащих и резервистов, принадлежащих к «недопредставленным» в ВС полам, расам и этносам, религиям, культурам, возрастам, гендерной и сексуальной ориентациям.

безопасности, предоставляемая Украине (администрация Дж. Байдена выделила на последнюю цель порядка 98,6 млрд долл.²⁸). Однако резкое прекращение выплат чревато потерей доходов для американских военно-промышленных компаний, которые расширили линейки своей продукции, чтобы удовлетворить потребности европейских партнёров. **Вероятно, корректировка бюджета на данном направлении, если она будет, то будет проведена так, чтобы ВПК успел к ней приспособиться. Хотя сам ВПК США, расширяющий производство, не выглядит готовым к сокращениям. Вероятно усиление лоббирования интересов ВПК.**

Указанные шаги потребуют от администрации Д. Трампа сохранить или ускорить нынешние темпы годового прироста военного бюджета. В первом случае потенциальным предиктором динамики оборонных расходов могут служить соответствующие показатели за период первого срока Д. Трампа и президентства Дж. Байдена (см. табл. 18, 19, 20). В 2017–2020 годах указанные затраты выросли на 135,1 млрд долл., а в 2021–2024 годах – на 183,2 млрд долл.

Прогнозирование динамики бюджетных расходов осложняется тем, что в отличие от предыдущего срока Д. Трампа, когда республиканцы в Конгрессе почти единодушно поддерживали рост военных затрат, сегодня правые разделились на три основных лагеря. Первый – традиционные «внешнеполитические ястребы», которые выступают за усиление роли вооружённых сил в решении международных проблем, повышение их боеготовности и финансирования. Второй – «бюджетные ястребы», такие как т.н. фракция свободы Палаты представителей (House Freedom Caucus), которые больше всего обеспокоены раздутыми государственными расходами и по ряду статей выступают за их сокращение. Третий – члены МАГА-крыла²⁹ Республиканской партии, которые скептически относятся к необходимости поддержания нынешних масштабов американского военного присутствия за рубежом и могут поддержать сокращение оборонного бюджета. **На то, какая из групп в Конгрессе – «внешнеполитические ястребы», «бюджетные ястребы», трамписты – получит наибольшее влияние в Конгрессе, повлияет состав**

²⁸ Данные на 27 ноября 2024 года. По сообщениям СМИ, администрация Дж. Байдена планирует запросить у Конгресса дополнительные 25 млрд долл. на помощь Украине.

²⁹ МАГА (MAGA, Make America Great Again) – политическое движение в США, сложившееся вокруг Д.Трампа и получившее название от сокращённого варианта лозунга первой президентской кампании республиканца «Сделаем Америку вновь великой».

«силового» блока новой администрации. Назначенные на посты министра обороны и директора национальной разведки (П. Хегсет и, Т. Габбард) критиковали Пентагон за расточительство и призвали перекладывать больше расходов на союзников.

При этом нынешний расклад сил в Конгрессе предоставляет больше возможностей для республиканцев – сторонников повышения военных ассигнований. В результате получения правыми контроля над верхней палатой, пост председателя сенатского комитета по делам вооружённых сил получит Р. Уикер – автор опубликованного в мае 2024 года 47-страничного меморандума³⁰, обосновывающего потребность в увеличении оборонных ассигнований: к запрошенным министерством обороны на 2025 финансовый год почти 850 млрд долл. предлагалось добавить еще 55 млрд долл.

Даже в случае замедления динамики роста военного бюджета США останутся страной с крупнейшими расходами на оборону, достигающими 40% мирового уровня. ***Сохранится первостепенный фокус на долгосрочное противостояние с Китаем при увеличении инвестиций в развитие инфраструктуры, расширение передового базирования и укрепление союзов на тихоокеанском направлении. Республиканцы не пойдут на ограничение финансирования ключевых в контексте «соперничества великих держав» программ (например, модернизация ядерных сил на фоне существенного превышения её расчётной стоимости и отставание от графика). При этом Пентагону, вероятно, придётся демонстрировать большую избирательность в разработке и закупке новых дорогостоящих технологий – гиперзвуковых вооружений, истребителя шестого поколения, надводных кораблей, многоцелевых подводных лодок.***

4.3. Военно-промышленный комплекс

Новая администрация США не будет пересматривать или отменять текущие оборонные контракты. Пока кабинет Д. Трампа не представит свою оборонную стратегию, исполняться будет предыдущая программа. Следовательно,

³⁰ 21st Century Peace Through Strength: A Generational Investment in the U.S. Military. By Senator Roger Wicker. May 29, 2024. Available at: <https://www.wicker.senate.gov/services/files/BC957888-0A93-432F-A49E-6202768A9CE0>.

на первый год оборонный бюджет и, вероятно, программы по закупкам в этой сфере останутся от администрации Дж. Байдена с возможными незначительными изменениями.

Серьёзные изменения возможны после формирования самой администрации и её указанной стратегии, в которой будут сформулированы основные вызовы и методы ответа на них. Оборонные программы сами обладают инертностью. Даже заведомо нежизнеспособные проекты могут существовать на государственном финансировании достаточно долго.

С определённой долей уверенности можно утверждать, что республиканская администрация проведёт соответствующие проверки оборонных проектов, остаётся открытым вопрос их глубины и тщательности. Конкретные меры по принятию новых программ будут зависеть от двух фундаментальных условий: видения администрацией устройства американской экономики и стратегии безопасности. В обоих вопросах существуют объективные проблемы, которые от новой администрации потребуют должного рассмотрения. В частности, ***речь идет об отсутствии гражданских резервов для реконструкции ВПК США как основополагающего фактора его развития. Решение данной проблемы во многом будет определять будущее всей американской военной экономики.***

Военно-разведывательное лобби не является отраслевым лидером по объёму затрат на продвижение своих корпоративных интересов, но оно по-прежнему остаётся одним из самых влиятельных субъектов, участвующих в формировании решений по внешней и военной политике США. ***Усиливающаяся в последнее время критика Д. Трампа в отношении лоббистской деятельности ВПК не грозит ухудшением отношений новой администрации с военными конгломератами.***

Для американских производителей военной продукции смена администрации в первую очередь служит хорошей возможностью для сокращения их затрат на покупку политического влияния и продвижение выгодных решений на уровне Белого дома и Конгресса. В данном случае ***прогнозируемое снижение расходов на прямое лоббирование обусловлено прежде всего хорошими перспективами для отрасли в связи с вероятным увеличением военного бюджета при Д. Трампе*** и поддержкой, которую министерство обороны США стабильно оказывает программам их крупных подрядчиков.

Американские производители военной продукции все ещё обеспечены крупными долгосрочными федеральными контрактами. В случае начала

изменений во внешней и военной политике США при Д. Трампе оборонным компаниям, скорее всего, будет гарантирован спрос на продукцию со стороны военно-политического руководства как США, так и других стран.

Увеличение расходов ВПК на лоббирование можно ожидать при условии начала борьбы за федеральные контракты, если из-за присущей Д. Трампу непредсказуемости его администрация займётся перераспределением бюджетных средств между отраслями военной промышленности или сделает больший уклон в области космической сферы.

Государственные заказы на поставку вооружений на Украину и на пополнение арсеналов американских военных составляют малую часть от всех контрактов, которые министерство обороны США заключает с оборонными компаниями. ***В этой связи усиление политического влияния американского ВПК на украинском направлении военной политики США представляется маловероятным.***

4.4. Политика в сфере космоса

Оценивая деятельность прошлого президентства Д. Трампа и его потенциальную заинтересованность в ведении интенсивной космической деятельности, можно предположить, что следующая ***его администрация в будущие четыре года будет демонстрировать активность в этой сфере и предпринимать меры по утверждению американского лидерства в космосе.***

Контроль Республиканской партии над обеими палатами конгресса может обеспечить увеличение расходов на оборону. ***Вполне вероятно увеличение финансирования программ по противоракетной обороне через Агентство по ПРО и космическим программам через Космические силы США и американское разведывательное сообщество.***

Особое значение приобретёт направление развёртывания мега-спутниковых группировок в рамках глобальной системы «Расширенной военной космической архитектуры» (Proliferated Warfighter Space Architecture, PWSA). В первую очередь, таких группировок, как «Транспортный уровень» (Transport Layer) и «Уровень слежения» (Tracking Layer). Под последним имеются в виду сенсоры обнаружения и сопровождения гиперзвуковых и баллистических ракет. «Транспортный уровень» – бесперебойная передача данных по всей PWSA на системы ПВО/ПРО и на наступательные вооружения.

Кроме этих мегагруппировок, на низкой околоземной орбите будут развёрнуты и получат начальную оперативную готовность **мегаспутниковые группировки, позволяющие вести наблюдения за передвижениями сил и средств противника в режиме реального времени.** Таким образом, к 2029 году у США могут появиться дополнительные инструменты для осведомлённости о ситуации на ТВД.

Во время своей предвыборной кампании Д. Трамп выразил намерение создать Космическую национальную гвардию, которая будет предоставлять временный персонал для Космических сил. Этот шаг воспринимается неоднозначно из-за опасений по поводу затрат и бюрократических проблем. Но, скорее всего, это подразделение будет создано в составе вооружённых сил США.

Возможно, Д. Трамп переместит Космическое командование США из Колорадо в Алабаму. Это намерение у него было во время первого срока его президентства, но в тот период оно не воплотилось в жизнь.

Военное международное сотрудничество в космической сфере будет поддерживаться в текущих рамках. Вероятно усиление такого сотрудничества с Австралией.

Особого внимания заслуживает вовлечение гражданского космического сектора в военные разработки. Начав эту тенденцию в 2018 году, Д. Трамп продолжит её усиливать. Возможно, значительные инвестиции Илона Маска в предвыборную кампанию Д. Трампа обеспечат ему основную роль в формулировании космической политики новой администрации, по крайней мере на период, пока он в числе приближенных к Д. Трампу. Это может привести к формированию иного отношения к организации государственных контрактов в военной и гражданской космонавтике.

Шансы на то, что Д. Трамп войдет в историю как президент США, при котором американцы осуществят высадку на Луну, достаточно велики. Темпы реализации международной программы «Артемида», где НАСА играет ведущую роль, могут ускориться. Вторая миссия по программе планируется к запуску в 2025 году, а третья, с осуществлением высадки, – в 2026 году.

Сведение с орбиты Международной космической станции запланировано на 2030 год. Это дорогостоящее мероприятие начнёт финансироваться администрацией Д. Трампа.

В будущие пять лет США, проводя интенсивную космическую политику, продолжая соперничество с Китаем в этой сфере, вероятно,

будут стараться сохранить лидирующие позиции в космической сфере по численному составу спутниковой группировки и военных и гражданских спутниковых систем, а также будут принимать меры по сохранению лидерства в космической экономике. Последнее предполагает содействие инновациям, создание преференций для коммерческих фирм, занимающихся космической деятельностью, а также дальнейшее вовлечение коммерческого сектора в выполнение государственных заказов.

4.5. Ядерная политика

Политика Вашингтона в отношении национального ядерного арсенала в 2025–2029 годах будет определяться несколькими ключевыми факторами.

В контексте доминирующей внешнеполитической установки на «соперничество великих держав» сохранится курс на «многостороннее сдерживание», подразумевающий расширение соперничества в военно-ядерной сфере. К числу «практически равных по силе ядерных противников» помимо России отнесён Китай, признаётся наличие ядерных угроз со стороны КНДР (а в перспективе – и Ирана). По этому поводу в Вашингтоне сложился двухпартийный консенсус, закреплённый в доктринальных документах как республиканской (Обзор ядерной политики США 2018 года), так и демократической (Национальная оборонная стратегия 2022 года) администраций.

Указанная концепция обуславливает потребность в *расширенной и ускоренной модернизации американского ядерного арсенала*, которая раньше сдерживалась необходимостью соблюдать количественные ограничения ДСНВ 2010 года, атрофией оборонного ядерного комплекса, отвлечением ресурсов Пентагона на глобальную войну с терроризмом и отсутствием серьёзных стратегических угроз.

Параллельно в военно-политическом мышлении произошёл доктринальный сдвиг в сторону допущения возможности ведения ограниченной ядерной войны и победы в ней. Это получает практическое выражение в *развёртывании новых ядерных вооружений меньшей мощности, предназначенных для решения задач регионального сдерживания и – при необходимости – применения на поле боя.* В рассматриваемый период будет завершён процесс замены американских тактических боеприпасов,

размещённых на территории европейских союзников, на модернизированную авиабомбу B61-12 (переменной мощности от 0,3 до 50 кт); сохранится осуществлённое в период первого срока правления Д. Трампа оснащение части БРПЛ «Трайдент II» боеголовками W76-2 (до 10 кт); полноценное финансирование получит проект по воссозданию крылатой ракеты морского базирования в ядерном оснащении. Как представляется, США продолжат двигаться в данном направлении, несмотря то, что подобные действия ведут к снижению порога применения ядерного оружия и ускорению многосторонней гонки ядерных вооружений.

При Д. Трампе, по-видимому, завершится процесс развала российско-американского контроля над вооружениями. Президент-республиканец, который в первый свой срок вышел из Договора о РСМД и Договора по открытому небу, либо дожждётся истечения срока Договора о СНВ в 2026 году, либо предпримет шаги по его досрочному расторжению. **Из риторики Белого дома, вероятно, исчезнут призывы к двусторонним переговорам по контролю над вооружениями, но и к идее «трёхстороннего формата», включающего КНР, Д. Трамп вряд ли вернётся.**

Продолжит раскручиваться запущенный при Б. Обаме маховик роста расходов на ядерную модернизацию (см. рис. 2, 3; табл. 21, 22). По официальным оценкам, **в рассматриваемый период затраты на ядерный арсенал США составят в среднем 75 млрд долл. в год, или 7,5% от общего оборонного бюджета**³¹. Среднегодовой прирост при этом достигнет почти 3 млрд при ожидаемом ежегодном перерасходе по сравнению с расчётными планами в 9,6 млрд долл.

Администрация Д. Трампа может принять решение о качественном или количественном наращивании ядерного арсенала сверх нынешних модернизационных программ, руководствуясь **стремлением сохранить превосходство над совокупными ядерными силами России и Китая** (по официальным прогнозам США к 2035 году на вооружении КНР будет 1500 развёрнутых боезарядов).

Однако в краткосрочной перспективе реализация таких планов может быть затруднена **объективными ограничениями производственных мощ-**

³¹ Учитываются суммарные расходы по линии министерств обороны и энергетики. Подсчитано по: Projected Costs of U.S. Nuclear Forces, 2023 to 2032. Congressional Budget Office, July 14, 2023. Available at: <http://www.cbo.gov/publication/59054>.

ностей оборонного ядерного комплекса, проблемами с цепочками поставок, нехваткой специализированных кадров, серьёзной задержкой сроков выполнения уже запущенных проектов. Для компенсации указанных недостатков **Вашингтон, вероятно, сделает упор на «промежуточных» мерах по наращиванию ядерного потенциала:** доснаряжение ракетных носителей на максимальную нагрузку; возвращение к выполнению ядерных миссий «переоборудованных» бомбардировщиков B-52 и «деактивированных» шахт на ПЛАРБ «Огайо»; создание технической возможности развёртывания перспективной МБР «Сентинел» с РГЧ ИН; расширение планируемых закупок новых бомбардировщиков B-21 «Рэйдер» и КРББ LRSO; возобновление практики постоянного дежурства на земле бомбардировщиков в ядерном оснащении; развёртывание нестратегических ядерных боеприпасов для передового базирования в АТР; и, не исключено, возвращение к практике ядерных испытаний.

Несмотря на объективную неспособность Вашингтона в рассматриваемый период существенно нарастить ядерный потенциал, вероятные «компенсационные» меры приведут к дальнейшей эрозии стратегического баланса сил, подстегнут эскалационную динамику в отношениях с нашей страной и КНР, вынудят оппонентов США искать ответные военно-технические решения.

4.6. РСМД, гиперзвуковые вооружения, противоракетная оборона

Арсенал ракет, в том числе гиперзвуковых, с дальностью 500–3000 км наземного и морского базирования (PrSM, Tomahawk, LRHW/CPS) будет наращиваться количественно. Компании ВПК, занятые в производстве указанных ракетных систем, предпринимают усилия, чтобы начавшуюся в 2022 году тенденцию к расширению производства нельзя было обратить вспять с изменением состава Конгресса, администрации или приоритетов военного строительства США. В частности, строятся новые заводы и расширяются существующие производственные линии. Такие же перспективы у производства ракет с дальностью 250–500 км морского, воздушного и наземного базирования (NMS, JASSM, LRASM, SM-6).

Развёртывание ракетных комплексов *Typhon* (с 2024 года) и *Dark Eagle* в западной части Тихого океана возможно, если не стационарно в одном или нескольких местах, то с постоянным перемещением их между несколькими точками: Филиппины, о-ва Палау, Марианские и, не исключено, Япония. Развёртывание этих же систем в Германии – около 2026 года.

Оперативная готовность первых гиперзвуковых систем к 2029 году: CPS – начальное развёртывание на эсминцах класса Zumwalt и на ПЛАРБ класса Ohio с 2025 года, на АПЛ класса Virginia с 2028 года. В свою очередь, LRHW в составе ракетных комплексов Dark Eagle достигнут полной готовности.

Противоракетная оборона. При второй администрации Д. Трампа, учитывая его частые повторения фразы «железный купол» применительно к защите США, с высокой вероятностью возможен рост финансирования ПРО по всем направлениям. Подобное происходило в 2017 году, но к концу 2019 года администрация быстро поняла, что надо акцентировать внимание только на нескольких перспективных разработках. Это означает, что интерес Д. Трампа к космическим средствам может обусловить развитие космического сегмента ПРО, предусматривающего: сенсоры на высоких, средних и низких орбитах для обнаружения пусков баллистических ракет, сопровождения и отличия боеголовок от ложных целей, наведения противоракет, оценки результатов перехвата. Это дешевле, эффективнее и более осуществимо, чем размещённые в космосе перехватчики или лазеры на орбите.

Национальная ПРО останется приоритетом, а именно: защита от МБР и, вероятно, от крылатых ракет большой дальности. Остальные сегменты ПРО будут развиваться по остаточному принципу, в том числе ПВО/ПРО о. Гуам. Количественное и качественное наращивание ПРО продолжится, но ровно в тех лимитах, в каких позволит динамика ассигнований.

Движение в направлении интеграции оборонительных и наступательных вооружений в рамках «Единой системы командования и контроля во всех средах» (Joint All-Domain Command and Control, JADC2). В рамках неё потоки больших данных со всех типов сенсоров (космического, наземного, морского, воздушного базирования) после обработки с помощью искусственного интеллекта можно будет распределять на нужные системы ПРО и наступательные ракеты в рамках концепции «уничтожения ракет» (missile defeat), в том числе для упреждающих ударов (left-of-launch). Использование интегрированных систем боевого управ-

ления, а также интеграция средств союзников США в единую систему несёт риски повышения уязвимости всей архитектуры для киберугроз и средств радиоэлектронной борьбы (РЭБ) противостоящей стороны. При этом сфера РЭБ и киберсфера в последние годы всё более переплетаются.

Ожидаемые до 2029 года развёртывания. В рамках НПРО не ранее 2028 года первые NGI придут на замену GBI. В рамках ПРО ТВД к 2029 году будет развёрнута эшелонированная ПВО/ПРО о. Гуам и получено подтверждение возможности использования SM-6 для перехвата гиперзвукового оружия. Два из четырёх спутников обнаружения пусков баллистических ракет системы OPIR на геостационарной орбите появятся не ранее 2028 года. Девять первых спутников на средних орбитах системы MW/MT-MEO будут выведены на орбиту не ранее 2027 года (Epoch 1) для обнаружения пусков и сопровождения баллистических и гиперзвуковых ракет, 18 спутников (Epoch 2) – около 2029–2030 годов. Три этапа развёртывания PWSA Tracking Layer завершатся не ранее 2029 года. Это будут сенсоры на низких орбитах (с 20–50 спутниками каждый этап) для сопровождения баллистических и гиперзвуковых ракет. Также будет достигнута полная оперативная готовность системы GMTI для отслеживания мобильных носителей ракет.

4.7. Региональное измерение военной политики США

Провозглашённое первой администрацией Д. Трампа обострение «соперничества между великими державами» будет сопровождаться нестабильностью и высокими рисками вооружённых конфликтов в регионах мира. В этой связи из всего массива потенциальных внешнеполитических мер США в данном подразделе собраны только те, которые, будучи ассоциированы с ключевыми регионами мира и с определёнными сегментами военной политики, направлены на облегчение условий для военных акций второй администрации Д. Трампа на случай, если она решит пойти на такие меры.

4.7.1. Азиатско-Тихоокеанский регион

Руководство США с 2012 года осуществляет по факту единую стратегию в отношении Азиатско-Тихоокеанского региона (меняются лишь некоторые элементы её формы). Основными её содержательными составляющими

является поддержание в регионе статус-кво, в котором Америка занимает доминирующее положение, и «победа» в геополитическом противостоянии с Китаем. КНР в представлении Вашингтона является государством-ревизионистом, которое стремится подорвать американские интересы национальной безопасности в регионе. На практике это выливается в целенаправленные усилия США по сдерживанию Китая.

Эта тенденция сохранится и на протяжении пребывания у власти администрации Д. Трампа в 2025–2029 годах. Главным очагом напряженности в военной сфере между США и Китаем будет оставаться ситуация в Тайваньском проливе. Беспокойство США будет усиливаться по мере наращивания потенциала КНР в сфере обычных и ядерных вооружений, с акцентом на преодоление американских систем ПРО. В связи с этим **США будут и дальше способствовать поддержанию и наращиванию возможностей Тайваня противостоять потенциальным агрессивным действиям со стороны Китая, развёртывать новые подразделения в западной части Тихого океана, проводить военные учения с союзниками и патрулирование с использованием ядерных бомбардировщиков. Кроме того, США будут наращивать в этом субрегионе вооружения, способные поразить китайские системы командования и управления, а также средства наблюдения и разведки, что чревато непреднамеренным возникновением вооруженного конфликта.**

Целенаправленной политикой США будет уменьшение экономической зависимости от Китая и через перестраивание цепочек поставок лишение Китая доступа к высоким технологиям, в особенности полупроводниковым микросхемам, которые могут быть использованы для производства современной военной техники. При администрации Д. Трампа эти меры могут стать еще более интенсивными. Это может оказать значительное негативное воздействие на способность Китая массово производить самые современные образцы вооружений.

Необходимостью противостояния с Китаем США будут оправдывать дальнейший рост военных расходов и наращивание производства вооружений и военной техники.

Важным направлением военной политики США в АТР будут меры по **сдерживанию ядерных возможностей КНДР, особенно в свете укрепления союзнических отношений между Пхеньяном и Москвой. В отличие от предыдущей администрации, в 2025–2029 годах более реалистичным**

становится сценарий достижения каких-либо договорённостей между КНДР и США.

Кроме того, **продолжится политика укрепления военных союзов и партнёрств с участием США**, несмотря на критическую риторику Д. Трампа относительно некоторых альянсов. Тем не менее особенностью политики будущей администрации станет **поощрение усилий союзников по укреплению собственного оборонного потенциала (например, Австралия, Япония, Южная Корея). Приоритетом здесь станет разработка и производство собственного высокоточного оружия.** В случае с Республикой Корея это может привести к усилению ядерных амбиций этой страны.

Больше всего рисков для безопасности России несет вероятное **размещение ракет средней и промежуточной дальности наземного базирования в западной части Тихого океана со стороны США, а также разработка и развёртывание подобных систем и противолодочного вооружения со стороны Японии и Южной Кореи.** Это представляет непосредственную угрозу для Тихоокеанского флота России. Улучшение взаимодействия подразделений США и их союзников и партнёров по таким объединениям, как Quad и AUKUS, включая обмен разведданными, также создают преимущество перед Россией в случае потенциального конфликта.

Кроме того, **технологическое противостояние между США и Китаем, подразумевающее ограничительные меры в отношении Пекина, может оказать негативное влияние на российский военно-промышленный комплекс.**

Также **США будут продолжать и усиливать попытки нарастить свое присутствие на рынке вооружений Индии, вытесняя оттуда Россию.**

4.7.2. Европа

Самым существенным отличием военной политики в отношении Европы во втором президентстве Д. Трампа в сравнении с первым будет то, что сейчас его администрации придется учитывать фактор Украины как один из очагов нестабильности в регионе независимо от того, удастся ли завершить либо заморозить нынешний конфликт или нет.

Администрация Д. Трампа не сможет строить свой курс лишь на отрицании того, что сделали предшественники. Сочетание преемственности

и новизны характерно для деятельности практически любого правительства в любой стране, даже если это правительство и его лидеры претендуют, как Д. Трамп, на какие-то «революционные» перемены. Администрация Байдена не строила свою политику на европейском направлении только на отрицании наследия первого срока Д. Трампа, а во многом развивала приоритеты последнего, хоть и в более завуалированной форме, в таких аспектах, как вовлечение европейских союзников в американскую стратегию «сдерживания» Китая.

Краткосрочный прогноз, рассчитанный на период, когда Д. Трамп будет осваиваться в Белом доме и консолидировать свою команду, состоит в том, что администрация попытается – в первую очередь ради снижения зависимости своей военно-политической стратегии от украинского конфликта – предпринять какие-то шаги по мирному урегулированию украинского кризиса. В экспертном сообществе во время избирательной кампании нередко высказывались преувеличенные мнения о готовности Трампа и его команды отказаться от поддержки Киева или радикально сократить её. С высокой вероятностью республиканская администрация попытается перестроить линию Дж. Байдена на ведение прокси-войны с РФ с помощью Украины, нанесение России «поражения» и максимально возможное её истощение. **Одним из главных аспектов этой перестройки будет попытка максимально переложить на Европу реализацию задачи военной помощи Киеву и минимизировать опасность вовлечения США в гипотетическое военное столкновение с Россией.** Это повлечет за собой оживление нарративов об «устаревании» НАТО, о вкладе европейских союзников в военный потенциал альянса, хотя и в иной форме, нежели в первый срок Д. Трампа, по возможности без мелочных споров о необходимой доле военных расходов европейских стран в ВВП. Ввиду возросшей необходимости отпора «российскому ревизионизму» Вашингтон даже при Трампе вряд ли захочет превращать этот вопрос в предмет конфронтации с союзниками, тем более что последние в вопросе о военных расходах сделали значительный прогресс.

В долгосрочном плане **европейские приоритеты администрации Д. Трампа будут увязываться с задачей парирования «китайского вызова» и защиты традиционных союзников Вашингтона в регионах за пределами Европы.** Судя по академическим дискуссиям в США в 2024 году, задача переноса центра тяжести в военной поддержке Украины с США на европейских союзников будет перерастать в задачу более широкого

плана – разработку перспектив **«постамериканской Европы»**. Этот термин, который начал входить в исследовательский дискурс еще при администрации Б. Обамы и её объявленной «перебалансировки» на Азию и Тихий океан, предполагает, конечно, не роспуск НАТО, не выход США из её рядов, не полный отказ США от гарантий безопасности Европе, а достаточно радикальное перераспределение бремени между обоими берегами Атлантики. **За американской стороной останутся ядерные гарантии, обеспечение военно-морской составляющей, разведывательный потенциал, а в остальных аспектах Европа сама должна будет взять на себя основной груз заботы о своей безопасности. В частности, численность американских подразделений в Европе может быть радикально сокращена с тем, чтобы стимулировать рост численности европейских армий НАТО. Европейский ВПК должен будет взять на себя обеспечение этих европейских армий всё в большей степени.** И с учётом того, что американский ВПК может быть занят пополнением арсеналов США для подготовки к вероятному конфликту в западной части Тихого океана. Сторонники подобной перестройки, выступающие также за то, чтобы закончить процесс перманентного расширения НАТО, обосновывают её необходимостью избежать вовлечения США в столкновение с Россией ради «периферийных» территорий типа Украины. Судя по тому, что некоторые члены команды Д. Трампа (например, вице-президент Дж. Д. Вэнс) открыто выступали с подобных позиций в период избирательной кампании, Вашингтон уже в предстоящее четырёхлетие может на разных уровнях начать ставить вопрос перед союзниками о реформе самих основ американо-европейского альянса.

4.7.3. Арктика

Трамп продолжит и активизирует программу постройки новых тяжелых и средних ледоколов, начатую во время его первого президентства. Первые ледоколы уже заказаны, однако сроки реализации программы регулярно отодвигаются, прежде всего из-за технологической заторможенности гражданского судостроения США. В 2024 году они заключили с Канадой и Финляндией соглашение о совместной постройке ледоколов – «Ледяной пакт» (Icebreaker Collaboration Effort, ICE Pact), однако пока о практической его реализации говорить преждевременно. **Даже если Трамп не аннулирует пакт, строить указанные выше ледоколы США будут сами, но значительно**

ускорить постройку не удастся даже при условии стабильного бюджетного финансирования.

Если говорить о военной активности в Арктике, то можно ожидать **сохранения или повышения темпов и масштабов боевой подготовки войск на Аляске и возможного усиления военного присутствия в этом штате, особенно с учётом постройки здесь глубоководного морского порта в Номе, который планируется полностью завершить в 2030 году.** Он будет использоваться военными и гражданскими кораблями и судами. При этом участие США в военных учениях в европейском секторе Арктики может быть сокращено, если Трамп возьмет курс на нормализацию отношений с Россией.

Возможна ли будет инициатива США по восстановлению работы Арктического совета с участием России? Представляется, что **Трампу будет проще вовсе игнорировать Арктический совет как излишний для США международный орган.** Следует упомянуть также Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года, в том числе определяющую, как устанавливаются границы расширенного континентального шельфа (РКШ) государств-участников, что для Арктики особенно актуально. США свои претензии на РКШ объявили официально, но участником Конвенции не являются, а возможность присоединения к ней при Трампе, тем более при республиканском Сенате, равна нулю. Впрочем, вполне допустимо, что в целом правящий класс США больше не усматривает необходимости в Конвенции.

Сотрудничество США с Канадой в военной сфере будет продолжаться, прежде всего, по линии Североамериканского командования ПВО (НОРАД). США нуждаются в территориях Канады как в буферной зоне обеспечения своей безопасности с севера. Быстрота **модернизации линии радаров на северном побережье Северной Америки** будет зависеть от объёма ассигнований на это. Кроме того, вероятно развитие Вашингтоном военного партнёрства по линии НАТО с Данией, Исландией, Норвегией, Швецией и Финляндией.

4.7.4. Ближний Восток

Ближний Восток остаётся в фокусе оборонного планирования США, фундаментальный сдвиг в региональной военной политике в ближайшие годы представляется невообразимым. **Америка будет стремиться сохранить**

своё военное присутствие здесь для реагирования в кратчайшие сроки на меняющиеся угрозы своим национальным интересам. По данным на октябрь 2024 года, на Ближнем Востоке размещалось около 40 тыс. военнослужащих на 19 объектах в 11 странах региона.

Военную политику США во многом будет определять конкуренция с Россией и Китаем. Военные амбиции Пекина в регионе не будут заметно расти и не представляют большой угрозы для США. Если представить себе изменение позиции России, то это, скорее всего, будет связано с изменениями в самом регионе, а не с разрывом Москвой своих связей с ближневосточными странами. США и их союзникам будет трудно сдержать растущее российско-иранское военное сотрудничество.

В противостоянии Израиля с Палестиной США, скорее всего, не отойдут от безоговорочной военной поддержки еврейского государства, Д. Трамп, как и в свой первый срок, будет сильно склоняться к этой израильской стратегии. Он не исходит из того, что решение израильско-палестинского конфликта на основе двух государств является краеугольным камнем региональной безопасности, и вряд ли будет давить на нежелающий Израиль принять такой результат. **Израильские предложения о повторной оккупации Сектора Газы могут найти поддержку в Овальном кабинете.**

Одним из его приоритетов будет расширение «Соглашений Авраама» с целью включения в них нормализации отношений между Израилем и Саудовской Аравией без прогресса в урегулировании проблемы Палестины, для чего США могут пойти на подписание с Эр-Риядом отдельного двустороннего оборонного соглашения. Не исключено, что Саудовская Аравия будет добиваться его заключения в стиле НАТО, которое обяжет Соединённые Штаты защищать её от иностранных угроз.

Д. Трамп был и остаётся ястребом в отношении Ирана. Он наверняка откажется пересматривать СВПД и вместо этого будет проводить политику «максимального давления», как он делал в 2017–2021 годах. Если Вашингтон предоставит Иерусалиму больше самостоятельности на Ближнем Востоке, это может открыть путь к полномасштабной войне между Израилем и Ираном.

Скорее всего, Тегеран ответит активизацией своей ядерной программы. Иранское руководство рассматривает альтернативы своей стратегии для противодействия Израилю. Разработка ядерного оружия является одним из вариантов восстановления сдерживания. Это может спровоциро-

вать региональное распространение. Саудовская Аравия также продвигается вперед с программой ядерной энергетики, которая рассматривается как прикрытия для начала программы создания ядерного оружия. ***Не исключено, что администрация Д. Трампа, реагируя на решение Тегерана создать или приобрести ядерное оружие, может одобрить военные удары Израиля по иранским ядерным объектам.***

Еще один инструмент военной политики, который США будут использовать в регионе – это продажа оружия. ***Д. Трамп будет добиваться отмены ограничений на продажу наступательного оружия государствам Персидского залива, чтобы повысить возможности союзников в противодействии Ирану и его доверенным лицам.*** Наиболее заметными являются планы по продаже ОАЭ истребителей F-35 вместе с БПЛА MQ-9 Sea Guardian и ракет ATACMS. Для Саудовской Аравии – различные боеприпасы в рамках сделки стоимостью более 1 млрд долларов.

Выводы по разделу

Стратегическими приоритетами в военно-политической сфере будут соперничество с КНР, стремление защитить «порядок, основанный на правилах», акцент на развитие возможностей США, а возможностей их союзников – лишь в той степени, в какой это укрепляет лидерство США, упор на двусторонние договорённости. В связи с этим продолжится рост военного бюджета США, не исключено, что до 1 трлн долл. к 2029 году, который будет обосновываться необходимостью победы в «соперничестве между великими державами». Это соперничество будет давать мощный стимул для развития ВПК США вне зависимости от успеха или провала попыток завершения опосредованной войны РФ и НАТО на Украине. Системную проблему отсутствия кадровых резервов для ВПК США попытаются решить стремлением к полной автоматизации производства вооружений. В отношении космоса это будет означать всё большее переплетение военного и гражданского сегмента политики США. Стремление США сохранить лидерство в космосе может привести к количественной гонке в этой сфере между США и КНР, что, в свою очередь, до предела обострит проблему организации трафика на низких орбитах и угрозу каскадного эффекта в случае аварий.

Помимо продолжения плановой модернизации всех компонентов ядерной триады США создание более применимых в случае конфликта ядерных вооружений малой мощности вероятно в случае возобновления производства ядерного оружия в США. Будет происходить переплетение систем командования, контроля и боевого управления ПВО/ПРО и наступательных неядерных ракетных комплексов. Следует ожидать качественного развития и количественного наращивания американских систем ПРО и РСМД, включая гиперзвуковое оружие (ГЗО), при сохранении Россией возможности нанести агрессору неприемлемый ущерб массированным ракетно-ядерным ударом.

Ключевыми регионами в рассматриваемый период представляются АТР, Европа, Арктика и Ближний Восток. В АТР предстоит качественная и количественная гонка вооружений различных типов между США и их союзниками, с одной стороны, и действующими без согласования Китаем и КНДР с другой. При этом попытки договорённости ограничении этой гонки вооружений между Вашингтона отдельно с Пекином и Пхеньяном в рассматриваемый период не исключены.

В Европе ожидаем переход финансовой и материально-технической поддержки вооружённых сил Украины к европейским странам НАТО с сокращением американского военного присутствия в регионе при сохранении США гарантий расширенного ядерного сдерживания и членства в альянсе.

В Арктике в рассматриваемый период США будут медленно наращивать свои военные возможности и снижать до минимума активность в Арктическом совете.

На Ближнем Востоке вероятнее всего сохранение нынешнего уровня военного присутствия США, поддержка любой политики Израиля в регионе, а также стремление расширить «Соглашения Авраама» в контексте политики «максимального давления» на Тегеран.

5. КАНАДСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

5.1. США и Канада в международной повестке дня: контурь взаимодействия

Место Соединённых Штатов и Канады в иерархии государств всегда было различным. США имеют статус «великой» державы». Канада же является классическим государством «среднего ранга». В основе взаимодействия двух стран лежит близость или совпадение интересов по главным проблемам мирового развития. Но есть и спорные вопросы. В их числе – требование США и НАТО об увеличении оборонных расходов союзников сначала до 2%, а затем до 5% ВВП. Это обязательство Канада не выполняет. Другая проблема – торговые войны Д. Трампа, от которых ощутимо пострадала Канада.

В условиях строительства новой политической модели мира и меняющегося формата международных институтов в XXI веке роль Канады в глобальной политике заметно снизилась. Об этом свидетельствовали: проигрыш Канады на выборах непостоянных членов СБ ООН в 2010 и 2020 годах; резкое сокращение участия Канады в миротворческих миссиях и в финансировании официальной помощи развитию. Вряд ли можно ожидать увеличения вклада Оттавы в указанные сферы международной деятельности – на это у неё нет ни политической воли, ни материальных ресурсов.

Фактор Д. Трампа будет решающим в определении степени интенсивности политики Канады на мировой арене. Так случилось в годы первого президентства Д. Трампа, когда планы Дж. Трюдо сделать Канаду важным игроком на международном поле потерпели неудачу. Перезагрузка внешней политики не получилась из-за мировоззренческих и концептуальных разногласий Трампа и Трюдо (протекционизм и сворачивание участия США в многосторонних соглашениях/организациях Д. Трампа против либерального интернационализма Дж. Трюдо). Добавим к этому несовпадение подходов к решению некоторых глобальных проблем, а также жёсткие переговоры по ЮСМКА, которые сосредоточили на себе основные человеческие и материальные ресурсы руководства Канады. Опыт диалога Трамп–Трюдо

подтверждает гипотезу о том, что участие Канады в разработке и проведении международной политики будет и дальше снижаться. Тем самым продолжится её превращение из классической державы среднего ранга в региональное североамериканское государство, в основном ориентированное на США.

Введение Д. Трампом разрушительных для Канады пошлин привело к возрождению канадского национализма, небывалому для последних десятилетий подъему протестного движения против политики администрации США, всплеску антиамериканских настроений. Эти социальные сдвиги совпали с политическим кризисом в Канаде: уходом в отставку премьер-министра Дж. Трюдо, избранием нового лидера Либеральной партии Марка Карни на пост премьер-министра и объявлением досрочных выборов, закончившихся его победой.

Учитывая социальный запрос канадцев, М. Карни обещает диверсифицировать канадскую внешнюю торговлю, заявляя, что прежние, особые отношения Канады с Соединёнными Штатами, основанные на углублении интеграции, закончились. В планах Либеральной партии – укрепление военно-политических связей с Францией и Великобританией, переговоры о новом торговом соглашении с Европейским Союзом. Стоит ожидать, что Канада активизирует свою деятельность в международном экономическом пространстве. Однако это не изменит долгосрочной тенденции снижения её роли и места в мире.

Известно, что Канада ранее согласовывала свою внешнеполитическую линию с Вашингтоном, а США «перекладывали» на неё выполнение некоторых задач международного плана, которые Белый дом не мог или не хотел брать на себя. Так происходило, например, и при проведении политики в связи с конфликтом на Украине. Канада была и остаётся одной из наиболее активных участниц политики коллективного Запада в отношении Украины.

Основные усилия Оттавы сконцентрированы на экономической и гуманитарной помощи, а также на дипломатии внутри НАТО. Для официальных лиц Канады характерна очень резкая антироссийская риторика, рассчитанная на собственную многочисленную (третью в мире по численности) украинскую диаспору, агрессивно настроенную против нашей страны и имеющую прочные связи в высших эшелонах власти. Эти особенности канадского подхода устраивают Вашингтон. В Белом доме оценили так называемые «гуманитарные инициативы» канадского правительства (в частности, итоги

конференции по человеческому измерению украинской формулы мира, прошедшей в ноябре 2024 в Монреале).

Канада, скорее всего, активизирует деятельность по разработке новых предложений в контексте украинского конфликта. Для этого будут использоваться различные площадки, особенно формат «Большой семёрки» (G7), где страна будет председательствовать в 2025 году. Так, М. Карни пригласил В. Зеленского на саммит G7 в июне 2025 года в Кананаскисе (провинция Альберта).

Асимметричное партнёрство с США предполагает и определённую самостоятельность для Канады в проведении международной политики. Приведем примеры американо-канадских расхождений и даже «несговорчивости» Оттавы. Несмотря на выход США из Парижского соглашения об изменении климата при президенте Д. Трампе в 2020 году, Канада подписала и ратифицировала его³². После прекращения участия США в Транстихоокеанском партнёрстве в 2017 году Канада и другие страны сумели сохранить его под другим названием («Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве»). В 2023 году Оттава отказалась от предложения Дж. Байдена возглавить многонациональную интервенцию на Гаити. Вероятно, самостоятельность в продвижении экологической и правозащитной повестки у Канады сохранится, однако возможность для «свободных действий» будет сокращаться.

Кризис в российско-канадских отношениях будет иметь долгосрочный характер. В его основе лежит принципиальное различие в подходах России и Запада, в том числе и Канады, действующей как его командный игрок, к главным проблемам современного мироустройства.

5.2. Динамика американо-канадских экономических связей

Канада прочно связана с США и экономически, и политически и многие годы является их надёжным сателлитом и важнейшим партнёром. Отношения двух стран выражены огромными объёмами двусторонней торговли, региональным проектом экономической интеграции – Соглашением между США,

³² Президент Дж. Байден возобновил участие США в этом соглашении в феврале 2021 года.

Мексикой и Канадой (ЮСМКА), общими производственными и логистическими цепочками, совместным проведением НИОКР, колоссальными потоками прямых и портфельных инвестиций, переплетением капиталов, личной унией на уровне транснациональных корпораций и банков.

На сегодняшний день Канада остаётся для США крупнейшим зарубежным рынком. В 2024 году на неё приходилось 16,8% американского экспорта (см. табл. 23). За последние годы этот показатель снизился и, согласно базовому прогнозу (продолжение существующей тенденции, отсутствие шоков), продолжит показывать умеренную отрицательную динамику. К 2029 году доля Канады в экспорте США может составить 16,4%, Мексики – 15,9%, Китая – 7,2%. Таким образом, **Канада имеет шансы сохранить свои позиции в качестве важнейшего покупателя американских товаров, но её преимущество перед Мексикой в этом отношении будет сокращаться.**

Среди стран – экспортёров товаров на американский рынок Канада по итогам 2024 года занимала 2-е место. Доля Канады в американском импорте с 2013 по 2024 год сократилась с 14,7% до 13,1% (см. табл. 24). К 2023–2024 годам импорт США из Канады и Китая практически сравнялся, а на первом месте уверенно утвердилась Мексика. Согласно базовому прогнозу, в 2025–2029 годах канадская доля в импорте США будет находиться в пределах 12,7–13,2%. **Среди стран – экспортёров на американский рынок Канада будет соперничать за 2-е место с Китаем и имеет шансы к 2029 году окончательно оттеснить его на 3-е место.**

Канада, Мексика и Китай борются и за первые три места среди стран – торговых партнёров США в целом. Канада лидировала по внешнеторговому обороту с Соединёнными Штатами в 2013–2014 и 2021–2022 годах, а в 2019–2020 годах откатывалась на 3-е место. В последние два года, как и в 2015–2018 годах, она занимала по этому показателю 2-е место. **При сохранении текущих тенденций в ближайшие пять лет Канада прочно утвердится на 2-м месте среди торговых контрагентов США**, а её доля в американской внешней торговле будет сохраняться на уровне 14,4–14,5% (см. табл. 25). При этом отставание от занимающей первое место по этому показателю Мексики будет увеличиваться достаточно быстрыми темпами.

Все последние годы США имеют дефицит торгового баланса с Канадой, причём он имеет тенденцию к увеличению. В 2013 году Америка импортировала канадских товаров на 36 млрд долл. больше, чем экспортировала в Канаду (см. табл. 26). Дефицит тогда оценивался в 5,7% совокупного

товарооборота двух стран. В 2024 году эти цифры составили 70 млрд долл. и 9,1% соответственно. **Согласно базовому прогнозу, отрицательное сальдо американо-канадской торговли в 2025–2029 годах продолжит увеличиваться** и к концу этого периода может достигнуть 116 млрд долл., или 12,6% внешнеторгового оборота между двумя этими странами.

Правда, рассматривая перспективы американо-канадской торговли, следует подчеркнуть, что развитие событий в 2025–2029 годах может сильно отличаться от приведенных выше прогнозов. ***Внешнеторговая политика вернувшегося с Белый дом президента Д. Трампа способна привести к существенным изменениям характерных для последнего десятилетия тенденций.***

Так, к началу апреля 2025 года в отношении Канады администрация Трампа ввела импортные тарифы в размере 25%. Исключение составляют энергетические и некоторые другие сырьевые товары, для которых ставка равняется 10%. Существенное влияние на показатели американо-канадской торговли также окажут новые американские пошлины размером в 25% на автомобили, сталь и алюминий и ответные тарифы размером в 25%, введенные Канадой на ряд товаров из США. В перспективе ключевую роль будут играть:

- возможная дальнейшая корректировка протекционистских мер США, включая так называемые «зеркальные» пошлины, в отношении товаров из Канады, Мексики, Китая, Европейского союза, других стран, а также ответные действия последних;
- пересмотр Соглашения между США, Мексикой и Канадой, запланированный на 2026 год;
- потенциальное расширение Соединёнными Штатами и КНР взаимных экспортных ограничений;
- темпы и особенности развития канадской инфраструктуры для экспорта углеводородов.

Агрессивная протекционистская политика Д. Трампа, давление Белого дома на торговых партнёров Соединённых Штатов могут принести определённый успех и в кратко- и среднесрочной перспективе привести к сокращению отрицательного сальдо американской внешней торговли, в том числе и с Канадой.

При этом влияние новой американской администрации на американо-канадские обмены прямыми инвестициями, скорее всего, будет иметь ограниченный характер.

В течение последних 10 лет Канада, наряду с Великобританией, Нидерландами, Люксембургом и Ирландией, входит в число 4–5 крупнейших стран – импортёров американских прямых инвестиций. При этом канадская доля в накопленных исходящих прямых инвестициях США в 2013–2020 годах сократилась с 8,1% до 6,1%. С 2021 года она вышла на положительную траекторию, увеличившись к 2023 году до 6,8%, что составило 452 млрд долларов (см. табл. 27). При этом следует иметь в виду, что Люксембург и Ирландия являются преимущественно транзитными юрисдикциями, а Нидерланды и Великобритания – отчасти транзитными. Таким образом, ***реальное значение Канады в качестве страны – реципиента американского капитала выше, чем это формально следует из официальной статистики.*** В 2025–2029 годах можно ожидать умеренный рост накопленных прямых инвестиций США в Канаде при сохранении канадской доли в их совокупном объёме около 6,5%. Следует отметить, что заметной тенденцией последних лет стала продажа американскими ТНК своих канадских нефтегазовых активов, что во многом обуславливает слабую динамику накопленных прямых инвестиций Соединённых Штатов в Канаде.

Что касается канадских прямых инвестиций в США, то здесь имеет место ярко выраженная положительная динамика. За последние 10 лет накопленные прямые инвестиции Канады в Соединённые Штаты выросли в 3,0 раза, достигнув 672 млрд долларов (см. табл. 28). Их доля в совокупных накопленных США прямых иностранных инвестициях за этот период увеличилась с 8,2% до 12,5%. Если в 2013 году Канада занимала 5-е место среди стран – экспортёров прямых инвестиций в США, уступая Великобритании, Японии, Нидерландам и Люксембургу, то в 2023 году – уже 3-е, пропустив вперед только Нидерланды и Японию. При этом с 2017 года Канада является нетто-экспортёром накопленных прямых инвестиций в США. К 2023 году канадский капитал вложил в Соединённых Штатах на 220 млрд долл. больше, чем американский – в Канаде, хотя в целом по миру США экспортировали больше прямых инвестиций, чем импортировали.

В последние годы канадские ТНК и ТНБ были особенно активны в таких отраслях американской экономики, как финансовые услуги, операции с недвижимостью, коммунальное хозяйство и инфраструктурное строительство.

Однако определённые трудности, с которыми ведущие коммерческие банки Канады в настоящее время сталкиваются на рынке США, в ближайшей перспективе могут привести к некоторому замедлению экспансии канадского капитала в южном направлении. Согласно базовому прогнозу, в 2025–2029 годах накопленные прямые канадские инвестиции в Соединённых Штатах будут расти темпами, сопоставимыми с темпами роста совокупных привлеченных США прямых иностранных инвестиций в целом.

5.3. ЮСМКА под прицелом Трампа

В североамериканской интеграции, олицетворением которой считается ЮСМКА (полное название – Соглашение между США, Мексикой и Канадой), участвуют три страны, которые по объёму ВВП входят в число 15 ведущих экономик мира. На эти страны приходится треть мирового ВВП и в них проживает свыше 500 млн чел.

Вступление ЮСМКА в силу 1 июля 2020 года придало процессам региональной экономической интеграции определённый импульс. С 2020 года по 2024 год доля Канады и Мексики в импорте США увеличилась на 2,4 процентных пункта, до 27,9%, в товарообороте – на 1,6 п.п., до 29,8%, доля в экспорте осталась на прежнем уровне в 32,8%. В результате Мексика и Канада, и раньше входившие в первую тройку внешнеторговых партнёров США, после 2020 года смогли закрепиться на первом и втором местах, оттеснив Китай на третью строчку.

Доля ЮСМКА в прямых иностранных инвестициях в экономику США (накопленные объёмы) возросла в период 2020–2023 годов с 11,0% до 13,2%, в американских прямых инвестициях за рубежом – с 7,9% до 8,9%.

По настоянию США в ЮСМКА было включено не имеющее аналогов положение о том, что страны-участницы должны 1 июля 2026 года провести «совместную ревизию» первых 6 лет его действия (Статья 34.7) и по её итогам подтвердить в письменной форме желание продлить соглашение на следующий период. Если же какая-либо страна откажется это сделать, то такие совместные рассмотрения будут происходить ежегодно до тех пор, пока ЮСМКА либо не истечет в 2036 году, либо стороны не договорятся о его продлении. В понимании большинства совместная ревизия означает три вещи: анализ результатов функционирования ЮСМКА, рассмотрение

взаимных претензий и внесение в текст соглашения дополнений и изменений.

Принятое в США имплементирующее законодательство подробно описывает те действия, которые должно предпринять Управление Представителя США на торговых переговорах в преддверии 1 июля 2026 года:

- за 270 дней до этой даты (т.е. не позднее октября 2025 года) опубликовать в правительственном издании «Федерал реджистер» извещение о предстоящем событии и провести публичные слушания;
- за 180 дней (т.е. не позднее января 2026 года) направить в профильные комитеты Конгресса США доклад с оценкой результатов функционирования ЮСМКА, обзором предлагаемых изменений и изложением позиции в отношении продления соглашения;
- не позднее чем через 20 дней после 1 июля 2026 года проинформировать профильные комитеты Конгресса о позициях трех стран и о тех действиях, о которых удалось договориться.

Оценивая подход администрации 47-го Президента США к пересмотру ЮСМКА, следует исходить из двух моментов. Во-первых, из того, что ЮСМКА – это детище самого Д. Трампа, которое в 2018 году он назвал «самым современным и сбалансированным торговым соглашением в истории США, с самыми передовыми мерами защиты прав работников».

И во-вторых, из тех заявлений, которые сделал Д. Трамп относительно своих намерений. В выступлении в детройтском Экономическом клубе 10 октября 2024 года Д. Трамп сказал, что «после вступления в должность он официально уведомит Мексику и Канаду о своем намерении воспользоваться предусмотренным в ЮСМКА положением, которое он инициировал, о пересмотре соглашения через 6 лет действия».

А 13 октября, отвечая на вопрос ведущего «Фокс Ньюз» о его планах, Трамп заявил, что он не подорвет сделку, которую заключил. «Я хочу сделать её гораздо лучше, сейчас я хочу получить выгоду от автомобилестроения».

Однако список претензий Вашингтона к партнёрам по ЮСМКА, как ожидается, автомобилестроением не ограничится. США уже высказали недовольство введением Канадой в 2024 году налога размером в 3% на цифровые услуги, оказываемые крупными иностранными стриминговыми компаниями; практикой произвольного изменения Оттавой квот на импорт 14 наименований молочной продукции, ущемляющей интересы американских фермеров;

растущим дефицитом американского баланса торговли товарами. Судя по всему, в контексте переговоров будет обсуждаться и вопрос о недостаточном финансировании Канадой оборонных усилий в рамках НАТО, а также другие темы по выбору администрации Трампа.

В одном из первых исполнительных указов (*America First Trade Policy*), датированном 20 января 2025 года, Трамп поручил Управлению Представителя США на торговых переговорах начать процесс публичных консультаций и провести оценку воздействия ЮСМКА на американскую экономику, а также дать рекомендацию относительно целесообразности продолжения участия США в этом соглашении.

Основываясь на вышеизложенном и учитывая опыт переговоров по замене НАФТА на ЮСМКА, проходивших в 2017–2018 годах, можно представить два основных сценария развития событий:

- (1) запланированная на 1 июля 2026 года «совместная ревизия» завершится удовлетворительно и ЮСМКА будет продлено на следующий период;
- (2) договориться не удастся.

Позиции США на предстоящих переговорах, которые, судя по всему, начнутся раньше, чем это формально предусмотрено, выглядят сильнее, чем это было в 2017–2018 годах. Трамп знает, чего он хочет от Канады и Мексики, он уже сформировал свою экономическую команду и назначил нового посла США в Канаде.

Трамп считает себя непревзойдённым переговорщиком и «специалистом по тарифам» (*a tariff man*). Для того, чтобы сделать Канаду и Мексику максимально сговорчивыми, он использует такой проверенный рычаг давления, как введение высоких универсальных и секторных пошлин. Болезненные сами по себе, эти импортные пошлины особенно разрушительны для Мексики и Канады, поскольку первая направляет в США $\frac{4}{5}$ всего своего экспорта, а вторая $\frac{3}{4}$.

В случае с пересмотром ЮСМКА, так же как это было с перезаключением НАФТА, Д. Трамп будет стремиться достичь быстрого результата, чтобы затем сосредоточиться на затяжном противостоянии с Китаем. Успех в Северной Америке остро нужен ему и для предъявления своих достижений избирателям на промежуточных выборах в американский Конгресс в 2026 году.

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что подготовка и переговоры по модернизации ЮСМКА станут важным, если не самым важным направлением канадско-американских отношений в первые 1,5 года нахождения у власти второй администрации Д. Трампа.

5.4. Взаимодействие Канады и США в рамках НАТО и военные расходы Канады

Претензии США к Канаде по поводу недостаточности канадских военных расходов начались еще в конце 1990-х годов, но более регулярный и серьезный характер подобная критика приобрела, когда на уровне НАТО было принято решение, что все его члены должны тратить на оборону не менее 2% ВВП (2006 год, подтверждено в 2014 году). В предстоящие пять лет Канаде будет намного труднее противостоять давлению США в этом вопросе, чем раньше.

Прежде всего, с начала 2022 года обострилась конфронтация между Россией и Западом на фоне украинского конфликта. В этих условиях вопрос о военной готовности, как собственной, так и союзников по НАТО, резко возрос по значимости для Соединённых Штатов, и давление на Канаду становится всё более жестким.

Во-вторых, еще до прихода к власти второй администрации Д. Трампа, правительство Дж. Трюдо пошло на серьёзные уступки в вопросе об уровне канадских военных расходов. Так, в апреле 2024 года оно представило новую оборонную стратегию, в которой запланировано довести военные расходы Канады до 1,76% ВВП в 2029–2030 финансовом году. Более того, в июле 2024 года на саммите НАТО в Вашингтоне Трюдо публично объявил, что его страна доведёт военные расходы до 2% ВВП к 2032–2033 финансовому году.

В-третьих, уровень военных расходов в 2% ВВП все чаще рассматривается как пройденный этап. Тот же Трамп во время своей предвыборной кампании в 2024 году выступал за то, чтобы страны-члены НАТО тратили 3% ВВП на оборону. Подобные призывы можно услышать и в самой Канаде.

Можно ожидать, что для противодействия давлению США правительство М. Карни будет использовать следующие контрприемы:

Во-первых, как и раньше, указывать, что военный вклад члена НАТО в обеспечение безопасности альянса нельзя измерять только с точки зрения

доли военных расходов в ВВП. В частности, канадские власти, видимо, вновь будут ссылаться на активную роль в обеспечении безопасности Европы (через нахождение сотен своих военных в Латвии) и Северной Америки (через участие в модернизации НОРАД).

Во-вторых, за счет манипуляции с цифрами. Выяснилось, например, что обещания правительства Дж. Трюдо в 2024 году по увеличению военных расходов Канады строятся на заниженном уровне роста её ВВП в предстоящие пять лет. В результате 57,8 млрд долл., которые планируется потратить на оборону в 2029–2030 финансовом году, будут составлять не 1,76% ВВП, а лишь 1,58% ВВП (см. табл. 29).

Резкое ухудшение канадско-американских отношений в начале 2025 года серьёзно изменило характер дискуссии о военных расходах: если раньше это рассматривалось как сугубо финансовый вопрос (нужно ли повышать до 2% ВВП и где взять на это деньги), то в настоящее время воспринимается прежде всего как средство укрепить суверенитет и добиться более уважительного отношения от США. Ставший в марте 2025 года лидером Либеральной партии и премьер-министром, М. Карни обещает увеличить военные расходы до 2% ВВП к 2030 году, но закупать как можно больше вооружений, произведенных в Канаде, а не в США. Знаменательной вехой в дискуссии о размере военных расходов стало то, что увеличение их до 2% ВВП поддержали основные политические партии перед парламентскими выборами 28 апреля 2025 года. Даже считающаяся пацифистской Новая демократическая партия (НДП) обещала выполнить это к 2032 году. Представляется, что в 2025–2029 годах будет происходить серьёзный рост канадских военных расходов как в абсолютных цифрах, так и по доле этих расходов в ВВП Канады.

5.5. Командование воздушно-космической обороны Северной Америки (НОРАД)

Первостепенная совместная с США задача в соответствии с Оборонной стратегией 2024 года – защита Северной Америки от аэрокосмических угроз, в том числе с помощью совместной канадско-американской системы НОРАД. Ранее в 2022 году министерство обороны Канады объявило о выделении 38,6 млрд долл. в течение следующих 20 лет на её модернизацию –

это самая дорогостоящая инвестиция в модернизацию системы НОРАД со стороны Канады за последние 40 лет.

Вероятную позицию Д. Трампа по вопросу о сотрудничестве с Канадой по модернизации НОРАД в феврале 2024 года прокомментировал бывший советник по национальной безопасности США Дж. Болтон (2018–2019), отметив, что при несоблюдении финансовых обязательств со стороны партнёра Д. Трамп может объявить о выходе США из НОРАД, аналогично его заявлениям относительно членства в НАТО.

Как представляется, бесперебойное функционирование системы НОРАД отвечает интересам как Канады, так и США по защите безопасности Североамериканского континента. Состояние канадско-американских отношений в данной области будет во многом зависеть от своевременного выполнения Канадой всех договорённостей, включая финансовые, по модернизации и обеспечению функционирования данной системы. К настоящему моменту Канада «опаздывает» с выполнением намеченного плана действий.

5.6. Канадско-американские отношения в Арктике в 2025–2029 годах

С 2023 года в Канаде набрала обороты общественная и экспертная дискуссия о роли Канады в мире, канадские эксперты обозначили Арктику и Север как потенциальный приоритет для двусторонних канадско-американских отношений и внешней политики Канады в целом, напомнив, что Канада – арктическая нация.

Для Канады в Арктике сконцентрированы задачи по обеспечению безопасности на трех уровнях. На национальном уровне – защита суверенитета в Арктике; на континентальном – защита Североамериканского континента в партнёрстве с США с помощью системы НОРАД; на международном – защита безопасности от новых угроз посредством взаимодействия с союзниками по НАТО.

В 2024 году в Канаде приняты два ключевых документа на государственном уровне, закрепляющих стратегию и планы страны на арктическом направлении. В апреле 2024 года Министерство обороны Канады приняло обновлённую оборонную стратегию «Наш Север сильный и свободный». В декабре 2024 года Министерство иностранных дел Канады опубликовало Концепцию

внешней политики в Арктике. В обоих документах отражена заинтересованность в углублении отношений с США в Арктике. В соответствии с Концепцией внешней политики в Арктике Канада готовится открыть консульства в Анкоридже (Аляска) и Нууке (Гренландия), а также назначить посла по вопросам Арктики. Путем открытия консульства на Аляске Канада стремится укрепить линию дипломатической коммуникации с США по арктическим вопросам. В концепции по внешней политике Канады в Арктике введен в оборот новый для канадского политического лексикона термин «Североамериканская Арктика» (North American Arctic), что также отражает интерес Канады к сближению с США в регионе.

В оборонной стратегии Канады и концепции по внешней политике в Арктике 2024 года утверждены планы Канады по укреплению сотрудничества с государствами Арктического совета – членами НАТО. В оборонной стратегии вклад Канады в обеспечение безопасности в Арктическом регионе расценивается в качестве важной составляющей обороны западного и северного флангов НАТО. Внимание НАТО к Арктическому региону растёт, хотя у Альянса нет документально закреплённой арктической стратегии. НАТО называет Канаду ключевым актором для укрепления обороноспособности НАТО в Арктике и на Севере. Особо подчеркивалась роль Канады в укреплении безопасности в условиях изменения климата. При этом расходы Канады на оборону не дотягивают до 2% ВВП. Канада планирует достичь данного показателя к 2032 году.

США выражают заинтересованность в расширении и укреплении своего присутствия в Арктике на всех направлениях: военном, дипломатическом, экономическом. Вероятно, новая администрация Д. Трампа будет рационально подходить к вопросу использования военных ресурсов и полагаться в основном на силы союзников в сдерживании «амбиций» России и Китая в Арктике. Тем более, что Д. Трамп уже выразил претензии к союзникам, которые, по его мнению, тратят на военные нужды значительно меньше Вашингтона. На саммите НАТО 2018 года Д. Трамп уже выражал намерение вывести США из Альянса, если другие страны-члены не нарастят расходы.

С высокой степенью вероятности Канада столкнется с усиленным давлением со стороны США по вопросу увеличения канадского вклада на нужды обороны в более короткие сроки, нежели чем к 2032 году. Канада находится в самом начале пути по модернизации оборонной сферы,

для имплементации заявленных целей может потребоваться более длительный период, сроки могут не совпадать с ожиданиями новой президентской администрации США.

5.6.1. Соглашение США, Канады, Финляндии о сотрудничестве в производстве ледоколов

В июле 2024 года Канада, США, Финляндия заключили трёхстороннее соглашение о сотрудничестве по производству ледоколов (Ice-Breaker Collaboration Effort, ICE Pact). Оно включает в себя три компонента: более интенсивный обмен информацией между тремя странами, сотрудничество в сфере подготовки специалистов и инициативы по продаже ледоколов союзникам и партнёрам.

Канада рассматривает ICE Pact как путь к защите своего арктического суверенитета; как способ обновления военно-морского флота и обеспечения ледоколами канадской Службы береговой охраны; как возможность повышения занятости канадцев в судостроительной отрасли. Участие Канады в «ледяном пакте» соответствует целям обновленной оборонной стратегии 2024 года по укреплению сотрудничества с США и союзниками.

В 2020 году Д. Трамп отдал распоряжение администрации до 2029 года обеспечить США ледоколами, которые с целью защиты американских интересов смогут обеспечить постоянное присутствие США в Арктике и Антарктике. Был инициирован Меморандум о защите национальных интересов США в Арктике и Антарктике.

С учётом совпадающих у США и Канады оценок вызовов и угроз в Арктике, исходящих со стороны России и Китая, в том числе в вопросе наращивания ледокольного флота «противниками», и совпадающих интересов по модернизации и наращиванию ледокольного флота своей страны, было бы логичным продолжить сотрудничество между Канадой и США в рамках ледяного пакта в 2025–2029 годах. Однако позиция Д. Трампа в отношении Пакта к настоящему моменту не вполне ясна. Очевидно, что Д. Трамп не откажется от инициативы по строительству ледоколов, но будут ли США решать эту задачу в одностороннем порядке или же в партнёрстве с союзниками, пока остаётся неясным.

5.6.2. Экология, изменение климата, разработка природных ресурсов

Канада уделяет особое внимание сохранению хрупкой экосистемы Арктики и охране жизнедеятельности коренных народов Севера с учётом их интересов. В концепции по внешней политике в Арктике напоминает, что Канада сохраняет бессрочный мораторий на разработку морских месторождений нефти и газа в своих арктических водах. Канада также поддерживает мораторий на коммерческую добычу ресурсов морского дна в районах за пределами национальной юрисдикции, в том числе в центральной части Северного Ледовитого океана.

С приходом в Белый дом в начале 2025 года Т. Трамп принял решение о выходе из Парижского соглашения по климату 2015 года. Д. Трамп также «отменил» все действия администрации Байдена, выступавшей за развитие альтернативных источников энергии и снижение углеродного следа. Также новый американский президент повторно разрешил бурение нефтяных скважин в Арктическом национальном заповеднике дикой природы на Аляске. В целом планируется сокращение площади охраняемых природных территорий, что позволит увеличить масштабы добычи нефти.

Позиция Д. Трампа и позиция либерального правительства Канады по вопросу экологии, изменения климата, добычи полезных ископаемых в арктической зоне кардинально различается. Данные вопросы в 2025–2029 годах, вероятнее всего, будут характеризоваться конфликтами интересов.

5.6.3. Территориальные споры Канады и США

У США и Канады не совпадают оценки статуса Северо-Западного прохода, который Канада считает внутренними водами, а США международными. В конце декабря 2023 года возник еще один спорный момент в Арктике: Государственный департамент США принял решение о новой границе континентального шельфа США в Арктике и в Беринговом море, который в своих новых границах частично пересекается с зонами расширенного континентального шельфа Канады. В Концепции внешней политики в Арктике упоминается, что данная ситуация открывает для Канады возможность возобновить переговоры с США по вопросам пересекающихся границ континентальных шельфов.

Другой спор между США и Канадой проистекает из различающихся правовых позиций сторон по вопросу прохождения линии разграничения в море Бофорта. Новый виток обсуждений данного спорного вопроса связан с усилением интереса как США, так и Канады к запасам углеводородов в регионе моря Бофорта. В целях предотвращения эскалации противоречий, в сентябре 2024 года власти Канады и США договорились о создании совместной рабочей группы по проведению двусторонних консультаций об уточнении своих границ арктического морского дна в море Бофорта.

До настоящего времени территориальные споры не оказывали негативного влияния на развитие отношений США и Канады в Арктике и за её пределами. Тем не менее риски обострения таких споров нельзя исключать, с учётом, что в период прошлой республиканской администрации государственный секретарь США М. Помпео уже делал попытки обвинить Канаду в «незаконных притязаниях» на Северо-Западный проход.

Выводы по разделу

Учитывая предыдущий опыт канадско-американских отношений в период прошлой президентской администрации Д. Трампа и первых наметившихся тенденций после выборов в США в ноябре 2024 года, можно предположить, что фактор Д. Трампа будет играть решающую роль в выборе между глобалистским и континенталистским векторами во внешней политике Канады.

Среди ключевых тем для Канады в отношениях с США можно выделить следующие. Во-первых, вопрос пересмотра соглашения ЮСМКА. Вероятнее всего, именно он будет занимать первое место в шкале внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов для Оттавы.

Во-вторых, торговая политика Д. Трампа, способная привести к значительным изменениям тех тенденций, которые были характерны для предыдущих десяти лет.

В-третьих, вопрос расходов на оборону. В период 2025–2029 годов можно ожидать роста оборонных расходов Канады под давлением США, которые будут пытаться диктовать сроки и масштабы их увеличения.

На арктическом направлении будет происходить смена фокуса с социально-экономических вопросов к вопросам обеспечения обороны и безопас-

ности, Канада будет проявлять интерес к развитию оборонного сотрудничества с США, в то же время будет искать альтернативных партнёров в сфере безопасности с учётом усложняющихся канадско-американских отношениях при Д. Трампе.

Позиция Канады по украинскому конфликту в ближайшие годы во многом будет зависеть от политики, проводимой новой президентской администрацией США. При этом представители канадской политической элиты заявляли о готовности страны участвовать в миротворческой миссии на Украине и об укреплении сотрудничества с европейскими союзниками

Кризис в российско-канадских отношениях, вероятнее всего, будет носить долгосрочный характер, так как в его основе лежит кардинальное различие в подходах к решению международных проблем и различающееся видение современного мироустройства со стороны России и стран западного мира, к которым принадлежит и Канада.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторая администрация Д. Трампа, её ключевые действующие лица и выстроенные политические приоритеты являются отражением накопившихся проблем в американском обществе и одновременно попыткой адаптации модели развития США к вызовам современного мира. Со своей стороны, Д. Трамп бросает вызов не только устоявшимся принципам американской политической культуры и институтам государства, но и традиционным формам и методам международной дипломатии.

Его успех на президентских выборах 2024 года был бы маловероятен в условиях роста благосостояния рядовых американцев. Несмотря на достаточно оптимистичные цифры ключевых макроэкономических показателей, как показано в экономическом разделе данного прогноза, США сталкиваются с тяжелейшими вызовами в лице инфляции, сокращения роста производительности труда, сохраняющимся торговым и бюджетным дефицитом, износом инфраструктуры. Всё это сохраняет не только среднесрочные риски рецессии американской экономики, но и перманентные политические риски для федеральных властей вне зависимости от их партийной принадлежности. Истеблишмент же продолжает предлагать решения, ориентированные на сиюминутный (порой популистский) эффект, а не оздоровление экономики США в долгосрочной перспективе. Её обрабатывающие отрасли продолжают сталкиваться с дефицитом кадров в силу сохраняющихся проблем с доступностью к образованию и непрестижностью многих рабочих профессий в Соединённых Штатах.

Однако наличие и сохранение данных тенденций в среднесрочной перспективе не означает исчерпанности американской модели экономического развития. Она поддерживает все свои традиционные преимущества, такие как экспортоориентированность, лидерство в производстве товаров XXI века, относительно высокий уровень производительности труда, обеспеченный лидерством в сфере инноваций. Дедолларизация мировой экономики не приобрела глобальных масштабов, оставляя за американской валютой роль одной из самых надёжных в сфере сбережений и торговых операций. Сами Соединённые Штаты продолжают привлекать самые

высококвалифицированные кадры со всего мира, укрепляя свои передовые отрасли, одновременно ослабляя конкурентов. Все это позволит США сохранить за собой статус экономической державы к началу 2030-х годов.

Ему, во многом, создает риски внутривнутриполитическая турбулентность в самих США. Продолжающаяся политическая поляризация, снижение доверия к традиционным институтам американской государственности подрывают доверие к США как к традиционно надёжному контрагенту в большей степени, чем усилия китайских или европейских конкурентов. Данная тенденция к общественному размежеванию, размыванию культуры компромисса в американском обществе в целом и политическом истеблишменте в частности обусловлена неразрешёнными проблемами имущественного, гендерного и расового неравенства в современных США. Они усугубляются низкой социальной мобильностью, все более разнородным этническим составом и отрицательными демографическими показателями, что наглядно продемонстрировано в первом разделе. В этих условиях функциональность политической системы США будет регулярно сталкиваться с испытаниями на прочность. Во многом это обусловлено высоким уровнем радикализации американского общества, где политическая борьба и урегулирование противоречий всё чаще выходят за рамки закона.

Эти проблемы усугубляются кризисом лидерства в американском истеблишменте и идейным кризисом ключевых американских партий. Последние с трудом адаптируются к рассмотренным в первом разделе демографическим тенденциям и теряют поддержку со стороны групп американского общества, традиционно поддерживавших их в электоральном соперничестве, что наглядно продемонстрировано в разделе, посвящённом внутренней политике в США. Кризис традиционных консервативных ценностей, равно как и леволиберальной идеологии, накладывается на нехватку ярких харизматичных лидеров среди американской элиты. Именно поэтому Д. Трамп смог завоевать популярность среди столь разнообразных групп американского общества и стал олицетворением четвёртой волны американского консерватизма, которая будет определять облик Республиканской партии США и после ухода 47-го президента США со своего поста. Его администрация частично ответила на геронтократические тенденции в американской элите, включив в состав Дж. Вэнса и М. Рубио. Аналогичные процессы в Демократической партии пока не наблюдаются. Её лидеры либо не пользуются популярностью среди

среднестатистического избирателя, либо выдвигают идеи, не отвечающие широкому общественному запросу.

Тем не менее говорить о неизбежном погружении Соединённых Штатов в полноценную гражданскую войну не приходится. Их силовые структуры остаются в целом деполитизированными, система сдержек и противовесов выдерживает новые и новые тесты на прочность, развитые горизонтальные связи и новые гражданские медиа продолжают функционировать. В целом американская политическая система остаётся открытой. С одной стороны, это делает её восприимчивой для самых разнообразных форм внешнего вмешательства. С другой стороны, это дает возможность преодолевать существующий накал в американском обществе.

При этом данные тенденции внутри США традиционно отразятся на их внешней политике. Её приоритеты и формы реализации останутся зависимыми от динамики межфракционной борьбы в американском истеблишменте и от общественного запроса среди избирателей. Отсюда вытекает ситуативность решений и высокая степень инерционности политики США, в том числе в отношениях с Россией. Несмотря на декларируемую ориентацию администрации Д. Трампа исключительно на национальные интересы и готовность выстраивать отношения на прагматичной основе, она не способна в короткий срок преодолеть накопленные за десятилетия международные противоречия. Выдвигаемые ею внешнеполитические «концепции» имеют популистскую первооснову и не могут рассчитывать на двухпартийный консенсус. Это усугубляется традиционной для Соединённых Штатов опорой на жёсткую силу, инструментальное отношение к союзникам США, игнорирование наднациональных институтов и международного права. Таким образом, в среднесрочной перспективе можно ожидать скорее усугубления текущих международных кризисов в результате действий США, чем их урегулирования, о чем сказано во внешнеполитическом разделе.

Ещё одной существенно важной характеристикой политики США ближайших лет, напрямую затрагивающей интересы России, является устранение всех формальных преград на пути роста и применения американской военной силы. В данном аспекте вторая администрация Д. Трампа найдет понимание со стороны многих других фракций американского истеблишмента. Для них поддержание мирового доминирования США является обязательным условием обеспечения национальной безопасности. Формальным ограничением на его пути, ключевым пунктом российско-американского диалога долгие

годы оставался режим контроля над вооружениями. Конечным пунктом его постепенной деградации станет прекращение действия договора о стратегических наступательных вооружениях в феврале 2026 года. Поэтому есть все основания утверждать о постепенном переходе мира к неограниченной гонке вооружений, которая распространится как на Европу, так и на Азию.

Помимо регионального, данный вызов международной безопасности имеет космическое измерение, а также включает в себя новые виды вооружений (такие как гиперзвуковые ракетные системы), что дополнительно усложняет переговорный процесс между Россией и США. Единственным ограничителем дальнейшего наращивания военной мощи Соединённых Штатов остаются объективные трудности американского ВПК, такие как нехватка квалифицированных кадров, сбои в цепочках поставок и сложности с реализацией ранее запущенных проектов, о чём подробно изложено в разделе о ближайших перспективах военной политики США.

Таким образом, в ближайшие четыре года Соединённые Штаты Америки продолжают процесс адаптации к реалиям многополярного миропорядка. Революционные преобразования самой модели развития затруднены в силу продолжающейся в США общественной поляризации. Она снижает договороспособность Соединённых Штатов, наносит репутационный ущерб и снижает конкурентный потенциал США. Тем не менее, в среднесрочной перспективе они останутся одним из центров силы при любых тенденциях в мировой политике. Их финансово-экономический, военно-стратегический и политико-дипломатический потенциал не исчерпан. Большинство стран мира по-прежнему ориентированы на выстраивание конструктивных, взаимовыгодных отношений с Соединёнными Штатами.

Успешность конкуренции с ними будет определяться способностью той или иной страны предложить привлекательную модель политического и экономического развития, выдвинуть собственный технологический стандарт, основанный на полном производственном цикле, готовностью выступать гарантом поддержания миропорядка в том или ином регионе мира при наличии способности проецировать силу в глобальном масштабе.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Валовой внутренний продукт США, 2014–2034 гг., млрд долл.

Годы	ВВП в текущих ценах	Прирост в годовом исчислении, %	ВВП в ценах 2017 г.	Прирост в годовом исчислении, %
2014	17 608	4,3	18 262	2,5
2015	18 295	3,9	18 800	2,9
2016	18 805	2,8	19 142	1,8
2017	19 612	4,3	19 612	2,5
2018	20 657	5,3	20 194	3,0
2019	21 521	4,2	20 692	2,5
2020	21 323	-0,9	20 234	-2,2
2021	23 594	10,7	21 408	5,8
2022	25 744	9,1	21 822	1,9
2023	27 361	6,3	22 377	2,5
2024	28 792	5,2	22 957	2,6
2025	30 009	4,2	23 429	2,1
2026	31 132	3,7	23 859	1,8
2027	32 252	3,6	24 275	1,7
2028	33 414	3,6	24 695	1,7
2029	34 667	3,8	25 143	1,8
2030	35 990	3,8	25 607	1,8
2031	37 367	3,8	26 075	1,8
2032	38 792	3,8	26 546	1,8
2033	40 262	3,8	27 017	1,8
2034	41 783	3,8	27 489	1,7

Источник: Отчет Бюджетного управления Конгресса США «Обновленный прогноз бюджетных и экономических показателей: с 2024 по 2034 год», 18 июня 2024 г. / An Update to the Budget and Economic Outlook: 2024 to 2034. The Congressional Budget Office. June 18, 2024. Available at: <https://www.cbo.gov/publication/60039>

Данные представлены по состоянию на 2 мая 2024 г.
Прогнозные показатели подсвечены серым цветом.

Таблица 2

Уровень безработицы, рабочая сила, занятость и производительность труда в США, 2021–2034 гг.

Показатель	Единица измерения	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030	2031	2032	2033	2034
Уровень безработицы населения, 16 лет и старше	%	5,4	3,6	3,6	3,9	4,0	4,2	4,3	4,4	4,5	4,5	4,5	4,5	4,5	4,4
Рабочая сила, 16 лет и старше	млн. Прирост, %	161 0,3	164 1,9	167 1,7	168 0,7	170 1,3	172 1,0	173 0,6	174 0,4	175 0,4	176 0,4	176 0,4	177 0,3	177 0,3	178 0,3
Уровень участия трудоспособного населения в рабочей силе, 16 лет и старше	%	61,7	62,2	62,6	62,5	62,3	62,1	61,9	61,8	61,7	61,6	61,4	61,3	61,2	61,1
Занятость, 16 лет и старше (в расчете на домохозяйства)	млн. Прирост, %	153 3,2	158 3,7	161 1,7	162 0,4	164 1,2	165 0,9	166 0,5	166 0,3	167 0,4	168 0,4	168 0,4	169 0,4	169 0,4	170 0,3
Занятость (на предприятиях несельскохозяйственного сектора)	млн. Прирост, %	146 2,9	153 4,3	156 2,3	159 1,7	160 1,1	162 0,8	162 0,5	163 0,4	164 0,4	164 0,4	165 0,4	166 0,4	166 0,4	167 0,4
Производительность труда (на предприятиях несельскохозяйственного сектора)	2017=100 Прирост, %	110,8 1,6	108,7 -1,9	110,3 1,5	112,7 2,2	114,7 1,8	116,6 1,6	118,4 1,6	120,2 1,5	122,0 1,5	123,9 1,6	125,9 1,6	128,0 1,6	130,1 1,7	132,2 1,7
Отработанные часы (на предприятиях несельскохозяйственного сектора)	2017=100 Прирост, %	100,2 5,4	104,2 4,0	105,4 1,1	106,0 0,6	106,6 0,6	107,1 0,4	107,5 0,4	108,0 0,5	108,6 0,6	109,2 0,6	109,8 0,5	110,3 0,5	110,8 0,4	111,3 0,4

Источник: Отчет Бюджетного управления Конгресса США «Обновленный прогноз бюджетных и экономических показателей: с 2024 по 2034 год», 18 июня 2024 г. / An Update to the Budget and Economic Outlook: 2024 to 2034. The Congressional Budget Office. June 18, 2024. Available at: <https://www.cbo.gov/publication/60039>

Данные представлены по состоянию на 2 мая 2024 г.
Прогнозные показатели подведены серым цветом.

Таблица 3

Валовые расходы на НИОКР по странам, 2014–2029 гг., млрд долл.

Год	США	Китай	Япония	Германия	Южная Корея
2014	477	346,3	169,6	109,6	73,1
2015	507,4	366,1	168,5	114,1	76,9
2016	533,5	393	160,3	122,5	80,8
2017	565,7	420,8	166,6	133,7	90,3
2018	618,1	465,3	172	142,3	100,3
2019	677,9	526,2	172,3	151,1	104
2020	730,3	583,8	172	147	111,1
2021	806	667,6	177,4	153,7	119,6
2022	879,4	746,5	178,9	160,4	125,6
2023	954,3	827,7	179,3	167	132,3
2024	1 029,00	909	183,8	173,3	140,9
2025	1 103,70	990,2	182,2	179,4	145,1
2026	1 177,70	1 071,50	185,7	185,1	153
2027	1 251,80	1 152,30	187,7	188,3	159,8
2028	1 323,40	1 230,10	189,6	194,4	166,5
2029	1 396,70	1 310,00	191,5	199,8	173,6
R2	0,789	0,988	0,552	0,746	0,986

Источник: The State of U.S. Science and Engineering 2024. National Science Foundation.
Available at: <https://ncses.nsf.gov/pubs/nsb20243/discovery-u-s-and-global-r-d> (accessed 10.12.2024).

* Данные за 2022–2029 годы (подсвечены серым цветом) – прогноз по методу линейной аппроксимации.

Таблица 4

Численность населения 16 лет и старше, количество домохозяйств в США, 2021–2034 гг., млн.

Годы	Численность населения, 16 лет и старше	Прирост населения 16 лет и старше в годовом исчислении, %	Количество домохозяйств
2021	261	0,4	127
2022	264	1,0	129
2023	267	1,1	130
2024	269	0,9	132
2025	274	1,6	133
2026	277	1,3	134
2027	280	0,9	135
2028	282	0,6	137
2029	283	0,6	138
2030	285	0,6	139
2031	287	0,6	140
2032	288	0,6	141
2033	290	0,5	142
2034	291	0,5	143

Источник: Отчет Бюджетного управления Конгресса США «Обновленный прогноз бюджетных и экономических показателей: с 2024 по 2034 год», 18 июня 2024 г. / An Update to the Budget and Economic Outlook: 2024 to 2034. The Congressional Budget Office. June 18, 2024. Available at: <https://www.cbo.gov/publication/60039>

Данные представлены по состоянию на 2 мая 2024 г.
Прогнозные показатели подсвечены серым цветом.

Таблица 5
Базовый прогноз структуры федерального бюджета США, 2023–2034 гг., млрд долл.

	2023, фактические данные	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030	2031	2032	2033	2034
Доходы												
Индивидуальные подоход- ные налоги	2 176	2 447	2 550	2 841	3 122	3 224	3 327	3 455	3 583	3 710	3 859	4 021
Налоги на заработную плату	1 614	1 678	1 737	1 814	1 886	1 960	2 038	2 118	2 200	2 283	2 368	2 455
Налоги на прибыль корпо- раций	420	525	490	470	459	462	461	463	466	471	495	507
Прочие	230	239	260	268	289	298	307	318	412	435	454	476
Всего	4 441	4 890	5 038	5 394	5 756	5 944	6 133	6 354	6 661	6 899	7 176	7 459
Бюджетные	3 247	3 652	3 751	4 053	4 365	4 501	4 635	4 799	5 048	5 227	5 442	5 662
Внебюджетные	1 194	1 238	1 287	1 341	1 391	1 443	1 498	1 555	1 613	1 673	1 734	1 796
Расходы												
Обязательные	3 758	4 121	4 127	4 285	4 484	4 758	4 858	5 195	5 455	5 742	6 189	6 351
Дискреционные	1 719	1 791	1 832	1 898	1 944	1 992	2 026	2 074	2 116	2 161	2 215	2 259
Чистые проценты	658	892	1 016	1 061	1 084	1 136	1 199	1 278	1 373	1 484	1 594	1 710
Всего	6 135	6 805	6 975	7 244	7 512	7 886	8 082	8 547	8 944	9 387	9 998	10 320
Бюджетные	4 914	5 490	5 563	5 742	5 920	6 201	6 298	6 660	6 949	7 276	7 784	8 000
Внебюджетные	1 221	1 315	1 413	1 503	1 592	1 685	1 784	1 887	1 995	2 111	2 214	2 320
Общий дефицит (-)	-1 694	-1 915	-1 938	-1 851	-1 756	-1 942	-1 949	-2 193	-2 283	-2 487	-2 822	-2 862
Бюджетный	-1 666	-1 838	-1 812	-1 689	-1 555	-1 701	-1 663	-1 860	-1 901	-2 049	-2 341	-2 338
Внебюджетный	-27	-77	-126	-162	-201	-242	-286	-333	-382	-438	-481	-524
Первичный дефицит (-)	-1 035	-1 023	-922	-790	-672	-807	-750	-915	-910	-1 004	-1 228	-1 151
Государственный долг	26 236	28 178	30 188	32 118	33 949	35 960	37 965	40 198	42 508	45 014	47 819	50 664

Источник: Отчет Бюджетного управления Конгресса США «Обновленный прогноз бюджетных и экономических показателей: с 2024 по 2034 год», 18 июня 2024 г. / An Update to the Budget and Economic Outlook: 2024 to 2034. The Congressional Budget Office. June 18, 2024. Available at: <https://www.cbo.gov/publication/60039>

Таблица 6

Базовый прогноз структуры федерального бюджета США, 2023–2034 гг., в % от ВВП

	2023, фактические данные	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030	2031	2032	2033	2034
ВВП	26 974	28 467	29 711	30 856	31 972	33 115	34 346	35 654	37 018	38 432	39 890	41 398
Доходы												
Индивидуальные подоход- ные налоги	8,1	8,6	8,6	9,2	9,8	9,7	9,7	9,7	9,7	9,7	9,7	9,7
Налоги на заработную плату	6,0	5,9	5,8	5,9	5,9	5,9	5,9	5,9	5,9	5,9	5,9	5,9
Налоги на прибыль корпо- раций	1,6	1,8	1,6	1,5	1,4	1,4	1,3	1,3	1,3	1,2	1,2	1,2
Прочие	0,9	0,8	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9	1,1	1,1	1,1	1,2
Всего	16,5	17,2	17,0	17,5	18,0	18,0	17,9	17,8	18,0	18,0	18,0	18,0
Бюджетные	12,0	12,8	12,6	13,1	13,7	13,6	13,5	13,5	13,6	13,6	13,6	13,7
Внебюджетные	4,4	4,4	4,3	4,3	4,4	4,4	4,4	4,4	4,4	4,4	4,3	4,3
Расходы												
Обязательные	13,9	14,5	13,9	13,9	14,0	14,4	14,1	14,6	14,7	14,9	15,5	15,3
Дискреционные	6,4	6,3	6,2	6,2	6,1	6,0	5,9	5,8	5,7	5,6	5,6	5,5
Чистые проценты	2,4	3,1	3,4	3,4	3,4	3,4	3,5	3,6	3,7	3,9	4,0	4,1
Всего	22,7	23,9	23,5	23,5	23,5	23,8	23,5	24,0	24,2	24,4	25,1	24,9
Бюджетные	18,2	19,3	18,7	18,6	18,5	18,7	18,3	18,7	18,8	18,9	19,5	19,3
Внебюджетные	4,5	4,6	4,8	4,9	5,0	5,1	5,2	5,3	5,4	5,5	5,6	5,6
Общий дефицит (-)	-6,3	-6,7	-6,5	-6,0	-5,5	-5,9	-5,7	-6,2	-6,2	-6,5	-7,1	-6,9
Бюджетный	-6,2	-6,5	-6,1	-5,5	-4,9	-5,1	-4,8	-5,2	-5,1	-5,3	-5,9	-5,6
Внебюджетный	-0,1	-0,3	-0,4	-0,5	-0,6	-0,7	-0,8	-0,9	-1,0	-1,1	-1,2	-1,3
Первичный дефицит (-)	-3,8	-3,6	-3,1	-2,6	-2,1	-2,4	-2,2	-2,6	-2,5	-2,6	-3,1	-2,8
Государственный долг	97,3	99,0	101,6	104,1	106,2	108,6	110,5	112,7	114,8	117,1	119,9	122,4

Источник: Отчет Бюджетного управления Конгресса США «Обновленный прогноз бюджетных и экономических показателей: с 2024 по 2034 год», 18 июня 2024 г. / An Update to the Budget and Economic Outlook: 2024 to 2034. The Congressional Budget Office. June 18, 2024. Available at: <https://www.cbo.gov/publication/60039>

Таблица 7

Индексы цен в США, 2021–2034 гг.

Индексы цен	Единица измерения	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030	2031	2032	2033	2034
Индекс потребительских цен	2017=100 Прирост, %	109,0 4,2	116,0 6,5	120,4 3,7	123,6 2,7	126,3 2,2	128,8 2,0	131,3 1,9	133,8 1,9	136,4 1,9	139,1 2,0	141,8 2,0	144,6 2,0	147,4 2,0	150,3 2,0
Индекс потребительских цен без учета продуктов питания и энергии	2017=100 Прирост, %	108,7 3,6	114,4 5,2	119,1 4,1	122,5 2,9	125,5 2,4	128,2 2,1	130,8 2,0	133,4 2,0	136,1 2,0	138,7 2,0	141,5 2,0	144,2 2,0	147,1 2,0	149,9 2,0
Индекс потребительских цен для всех городских потребителей	1982–84=100 Прирост, %	271,0 4,7	292,6 8,0	304,7 4,1	314,4 3,2	322,1 2,4	329,3 2,2	336,4 2,2	343,7 2,2	351,2 2,2	359,1 2,2	367,1 2,2	375,3 2,2	383,7 2,2	392,4 2,2
Индекс потребительских цен для всех городских потребителей без учета продуктов питания и энергии	1982–84=100 Прирост, %	277,2 3,6	294,3 6,2	308,4 4,8	319,4 3,6	328,1 2,7	336,0 2,4	343,7 2,3	351,4 2,3	359,4 2,3	367,5 2,3	375,7 2,2	384,2 2,2	392,8 2,2	401,6 2,2
Дефлятор ВВП	2017=100 Прирост, %	110,2 4,6	118,0 7,1	122,3 3,6	125,4 2,6	128,1 2,1	130,5 1,9	132,9 1,8	135,3 1,8	137,9 1,9	140,5 1,9	143,3 2,0	146,1 2,0	149,0 2,0	152,0 2,0

Источники: Отчет Бюджетного управления Конгресса США «Обновленный прогноз бюджетных и экономических показателей: с 2024 по 2034 год», 18 июня 2024 г. / An Update to the Budget and Economic Outlook: 2024 to 2034. The Congressional Budget Office. June 18, 2024. Available at: <https://www.cbo.gov/publication/60039>

Данные представлены по состоянию на 2 мая 2024 г.
Прогнозные показатели подсвечены серым цветом.

Таблица 8

Накопленные исходящие ПИИ, весь мир и США*

	2013	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029
Весь мир, трлн долл.	25,2	44,4	46,7	49,2	51,7	54,0	56,0	58,5
США, трлн долл.	6,3	9,4	9,5	9,9	10,3	10,7	11,0	11,6
Доля США, %	24,9	21,3	20,3	20,1	20,0	19,8	19,7	19,8

* Данные за 2024–2029 годы (подсвечены серым цветом) – прогноз по методу линейной аппроксимации.

Рассчитано по: UN Trade and Development. World Investment Report 2024. Annex table 4. FDI outstock, by region and economy, 1990–2023. Available at: <https://unctad.org/topic/investment/world-investment-report> (accessed 17.12.2024)

Таблица 9

Накопленные входящие ПИИ, весь мир и США*

	2013	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029
Весь мир, трлн долл.	24,9	49,1	51,1	54,3	57,6	60,5	63,3	66,4
США, трлн долл.	4,9	12,8	13,3	14,2	15,2	16,1	16,9	17,9
Доля США, %	19,8	26,1	26,0	26,2	26,4	26,5	26,7	26,9

* Данные за 2024–2029 годы (подсвечены серым цветом) – прогноз по методу линейной аппроксимации.

Рассчитано по: UN Trade and Development. World Investment Report 2024. Annex table 4. Annex table 3. FDI instock, by region and economy, 1990–2023. Available at: <https://unctad.org/topic/investment/world-investment-report> (accessed 17.12.2024)

Таблица 10

Совокупный экспорт, весь мир и США*

	2013	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029
Весь мир, трлн. долл.	18,8	24,9	24,1	25,4	26,9	28,1	29,1	30,1
США, трлн долл.	1,5	2,0	1,9	2,0	2,1	2,2	2,3	2,3
Доля США, %	8,1	8,1	7,9	7,8	7,8	7,8	7,7	7,7

* Данные за 2024–2029 годы (подсвечены серым цветом) – прогноз по методу линейной аппроксимации.

Рассчитано по: IMF Data Portal. Exports and Imports by Area and Countries.
Available at: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=61013712> (accessed 17.12.2024)

Таблица 11

Совокупный мировой импорт и импорт США*

	2013	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029
Весь мир, трлн долл.	18,7	23,5	23,2	24,4	25,8	26,8	27,7	28,6
США, трлн долл.	2,2	3,1	3,1	3,3	3,4	3,6	3,7	3,9
Доля США, %	11,5	13,2	13,4	13,4	13,4	13,4	13,5	13,5

* Данные за 2024–2029 годы (подсвечены серым цветом) – прогноз по методу линейной аппроксимации.

Рассчитано по: IMF Data Portal. Exports and Imports by Area and Countries. Available at: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=61013712> (accessed 17.12.2024).

Таблица 12
Базовый прогноз обязательных расходов федерального бюджета США, 2023–2034 гг., млрд долл.

	2023, фактические данные	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030	2031	2032	2033	2034
Социальное обеспечение	1 348	1 452	1 549	1 647	1 741	1 838	1 938	2 041	2 147	2 255	2 364	2 478
Основные программы по здравоохранению	1 740	1 794	1 900	1 967	2 087	2 295	2 277	2 506	2 668	2 840	3 162	3 245
Программы гарантированного дохода	448	374	401	381	378	392	388	400	407	418	432	433
Пенсионное обеспечение граж- данского и военного населения	197	199	215	223	230	242	235	249	256	264	280	281
Программы для ветеранов	170	186	224	251	264	301	273	310	325	342	383	379
Другие программы												
Высшее образование	-183	175	24	26	26	26	27	27	28	29	29	30
Сельское хозяйство	26	31	25	22	23	24	24	22	22	22	22	22
Страхование депозитов	91	45	-19	-28	-27	-95	-11	-12	-12	-13	-22	-14
Фонд медицинского обслужива- ния пенсионеров, имеющих право на получение медицинской помо- щи по программе Medicare	12	12	12	13	14	14	15	16	16	17	18	18
Fannie Mae и Freddie Mac	0	0	0	2	4	5	5	5	6	6	9	9
Корпорация гарантированных пенсионных выплат	40	12	-3	1	-3	-4	-4	-4	-4	-5	-5	-5
Стабилизационный фонд для сферы образования	45	45	16	5	0	0	0	0	0	0	0	0
Прочие	168	154	165	173	172	167	159	140	132	120	105	97
Всего	199	474	222	214	207	137	215	195	187	176	157	158
Обязательные расходы, без взаимозачета поступлений	4 102	4 479	4 509	4 683	4 906	5 205	5 327	5 699	5 990	6 295	6 778	6 974
Обязательные расходы, с взаимозачетом поступлений	3 758	4 121	4 127	4 285	4 484	4 758	4 858	5 195	5 455	5 742	6 189	6 351

Источник: Отчет Бюджетного управления Конгресса США «Обновленный прогноз бюджетных и экономических показателей: с 2024 по 2034 год», 18 июня 2024 г. / An Update to the Budget and Economic Outlook: 2024 to 2034. The Congressional Budget Office. June 18, 2024. Available at: <https://www.cbo.gov/publication/60039>

Таблица 13

Место США в мировом экспорте сельскохозяйственной продукции

Сельскохозяйственная продукция	2000	2010	2020	2022	2023	2024
Пшеница	1	2	3	5	5	5
Кукуруза	1	1	1	2	1	1
Соевые бобы	1	2	2	2	2	2
Соевый шрот	3	3	3	3	3	3
Мясо птицы	1	2	2	2	2	2

Источник: USDA. Foreign Agricultural Service / Production, Supply & Distribution Online – Custom Query.

Available at: <http://apps.fas.usda.gov/psdonline/psdQuery.aspx> (дата обращения 07.11.2024)

Таблица 14
Основные показатели, характеризующие аграрный сектор США, 2021–2023 гг. (факт),
2024 г. (оценка), 2025–2029 гг. (прогноз по методу линейной аппроксимации)

Показатель/отрасль/продукция	Факт			Оценка	Прогноз				
	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029 ДП *)
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ, млрд долл.									
Валовой доход в ферм. хозяйстве	518	618	608	597	562	574	586	598	610
Чистый доход	146	182	146	140	128	131	134	137	140
ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ, млрд долл.									
Аграрный экспорт	172	196	178	174	180	184	189	193	198
Аграрный импорт	163	194	195	206	189	195	200	205	210
Сальдо	9	2	-17	-32	-10	-10	-11	-11	-12
РАСТЕНИЕВОДСТВО									
Кукуруза									
уборочная площадь, млн га	34,5	32,7	35,0	33,5	35,4	35,6	35,9	36,1	36,4
производство, млн т	383	353	390	385	401	407	413	419	425
урожайность, ц/га	111	108	111	115	115	117	118	119	120
цена, долл/т	236	257	179	161	205	208	212	216	220
Соевые бобы									
уборочная площадь, млн га	34,9	35,0	34,9	33,3	35,9	36,2	36,5	36,9	37,2
производство, млн т	122	117	116	113	122	124	126	128	130
урожайность, ц/га	34,8	33,5	33,3	34,0	34,8	35,1	35,5	35,8	36,2
цена, долл/т	489	514	456	397	460	469	477	485	494
Пшеница									
уборочная площадь, млн га	15,0	14,4	15,0	15,6	14,0	13,7	13,3	13,0	12,7
производство, млн т	44,8	44,9	49,1	53,7	49,2	48,7	48,3	47,8	47,3

Таблица 14 (окончание)

Показатель/отрасль/продукция	Факт			Оценка		Прогноз					ДП *)
	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029		
урожайность, ц/га	29,8	31,3	32,7	34,4	33,7	33,9	34,2	34,5	34,7	C	
цена, долл/т	280	338	256	206	255	259	264	268	272	C	
ЖИВОТНОВОДСТВО											
Молочное скотоводство											
Производство, млн т	103	103	103	103	106	107	108	110	111	B	
Надой на 1 корову, кг/год	10 863	10 926	10 940	10 984	11 424	11 556	11 688	11 819	11 951	B	
Поголовье коров, млн	9,45	9,41	9,39	9,33	9,22	9,22	9,21	9,20	9,20	H	
Цена закупочная, долл/т	377	484	375	420	—	—	—	—	—	—	
Мясное животноводство											
Поголовье КРС, млн гол.	97,7	98,6	—	—	91,9	91,6	91,4	91,2	91,0	H	
Поголовье свиней, млн гол.	77,4	75,8	—	—	76,2	76,9	77,5	78,2	78,8	B	
Производство красного мяса	25,3	25,2	24,7	25,0	25,4	25,6	25,8	26,0	26,2	B	
в том числе:											
говядина (вкл. телятину), млн т	12,7	12,9	12,3	12,3	12,4	12,5	12,5	12,5	12,6	B	
свинина, млн т	12,6	12,2	12,4	12,6	12,9	13,1	13,3	13,4	13,6	B	
баранина, млн т	0,06	0,06	0,06	0,06	0,06	0,06	0,06	0,06	0,06		
Птицеводство											
Производство яиц, млрд шт	113	108	108	107	115	116	117	119	120	B	
Производство мяса птицы, млн т	22,9	23,3	23,5	23,7	24,6	25,0	25,4	25,7	26,1	B	
Производство мяса, всего, млн т	48,2	48,5	48,2	48,7	50,0	50,6	51,1	51,7	52,3	B	

*) ДП – достоверность прогноза. Определяется по величине достоверности линейной аппроксимации (R^2): >0,85 – высокая; 0,5–0,85 – средняя; <0,5 – низкая.

Источники: Agricultural Statistics. NASS/USDA, 2023; U.S. farm sector financial indicators, 2014-2024. ERS/USDA, November 2024; Outlook for U.S. Agricultural Trade. ERS/USDA, November 2024; Livestock, Dairy, and Poultry Outlook. ERS/USDA, November 2024; Oil Crops Outlook. ERS/USDA, November 2024; Wheat Outlook. ERS/USDA, November 2024; Feed Outlook. ERS/USDA, November 2024

Таблица 15

**Соотношение экономических потенциалов США и ЕС:
динамика изменения ВВП, трлн долл.**

Годы	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
ВВП США	19,2	20,7	21,7	21,5	23,7	25,5	26,9
ВВП ЕС	14,2	15,5	16,1	15,4	17	17,9	18,1

Источник: GDP (current US\$) – European Union, United States, China. Available at:
https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=EU-US-CN&most_recent_year_desc=true

Таблица 16

Дефицит США в торговле с ЕС, 2016–2023 гг., млрд долл.

2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
146,7	151,6	168,4	177,7	182,6	218,1	202,8	208,7

Источник: Exports, Imports, and Trade Balance of Goods by Country and Area: 2025. Available at:
<https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c0003.html#2025>

Таблица 17

**Динамика экспорта углеводородного сырья из США в ЕС
в 2016–2023 гг., млрд долл.**

Год	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Объем закупок	115	155	223	288	239	347	819	792

Источник: U.S. international trade in goods and services, February 2025. Available at:
https://www.census.gov/foreign-trade/Press-Release/current_press_release/ft900.pdf

Таблица 18

**Бюджетные расходы США на нужды национальной обороны,
2017–2024 гг., млрд долл., %**

	Д. Трамп					Дж. Байден			
	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Бюджет	593,4	602,7	643,3	686,0	724,5	753,9	779,7	820,3	907,7
Прирост (млрд долл.)		9,3	44,6	42,7	38,5	29,4	25,8	40,6	87,4
Прирост (%)		1,6	7,5	6,6	5,6	4,1	3,4	5,2	10,7

Источники: National Defense Budget Estimates for FY 2018. Office of the Under Secretary of Defense (Comptroller). August 2017. https://comptroller.defense.gov/portals/45/documents/defbudget/fy2018/fy18_green_book.pdf; National Defense Budget Estimates for FY 2019. Office of the Under Secretary of Defense (Comptroller). April 2018. https://comptroller.defense.gov/portals/45/documents/defbudget/fy2019/fy19_green_book.pdf; National Defense Budget Estimates for FY 2021. Office of the Under Secretary of Defense (Comptroller). April 2020. https://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/fy2021/FY21_Green_Book.pdf; National Defense Budget Estimates for FY 2023. Office of the Under Secretary of Defense (Comptroller). July 2022. https://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/FY2023/FY23_Green_Book.pdf; National Defense Budget Estimates for FY 2025. Office of the Under Secretary of Defense (Comptroller). April 2024. https://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/FY2025/fy25_Green_Book.pdf

Таблица 19

**Прогноз бюджетных расходов США на нужды национальной обороны,
2025–2029 гг., млрд долл., %**

Агентство	Фин.г.				
	2025	2026	2027	2028	2029
Минобороны	872,1	899,8	918,1	937,0	956,6
Минэнерго	48,9	51,0	52,2	53,4	54,6
Всего	921,0	950,8	970,3	990,4	1011,2
Всего в % от ВВП	3,0	3,0	3,0	3,0	2,9

Источник: National Defense Budget Estimates for FY 2025. Office of the Under Secretary of Defense (Comptroller). April 2024. https://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/FY2025/fy25_Green_Book.pdf; An Update to the Budget and Economic Outlook: 2024 to 2034. The Congressional Budget Office. June 2024. Available at: <https://www.cbo.gov/publication/60039>

Таблица 20

**Прогноз бюджетных расходов США на нужды национальной обороны,
2025–2029 гг.: по категориям расходов, млрд долл.**

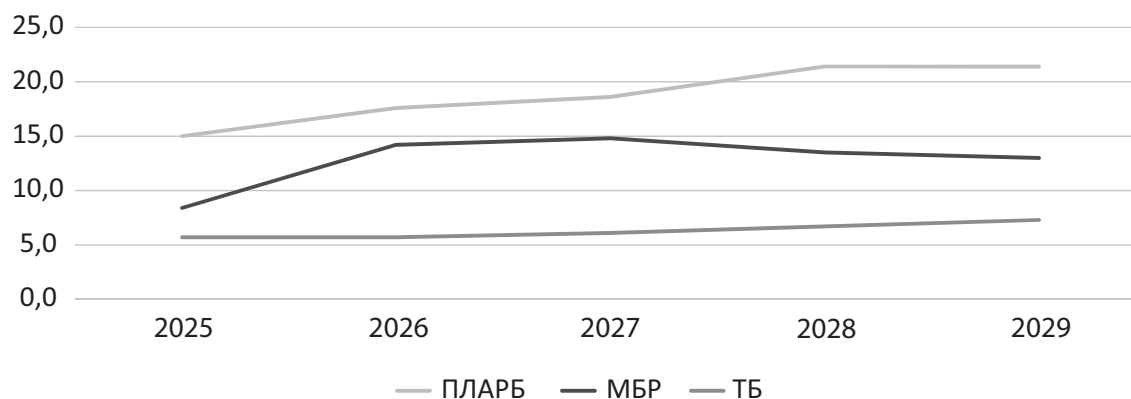
	Фин.г.				
	2025	2026	2027	2028	2029
Минобороны					
Личный состав	193,3	199,6	205,1	211,8	218,7
Эксплуатация и содержание объектов	338,7	347,0	346,9	362,0	369,2
Закупки	167,7	178,2	196,5	196,2	198,9
НИОКР	143,9	141,1	139,4	137,1	138,5
Военное строительство	15,6	20,0	16,2	14,6	15,2
Жилой фонд	2,0	2,0	1,7	2,0	2,0
Итого	861,2	887,9	905,8	923,7	942,5
Минэнерго					
Военные программы	36,9	38,3	40,0	40,3	41,1
Прочее					
	22,9	24,6	24,5	26,4	27,6
Всего	921,0	950,8	970,3	990,4	1011,2

Источник: National Defense Budget Estimates for FY 2025. Office of the Under Secretary of Defense (Comptroller). April 2024. Available at: https://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/FY2025/fy25_Green_Book.pdf

Рисунок 2. Прогнозируемые расходы на ядерный арсенал США по категориям финансирования, 2025–2029 гг.

Источник: Projected Costs of U.S. Nuclear Forces, 2023 to 2032. Congressional Budget Office, July 14, 2023. Available at: <http://www.cbo.gov/publication/59054>.

	ПЛАРБ	МБР	ТБ
2025	15,0	8,4	5,7
2026	17,6	14,2	5,7
2027	18,6	14,8	6,1
2028	21,4	13,5	6,7
2029	21,4	13,0	7,3

Рисунок 3. Прогнозируемые расходы на ядерную «триаду» США по категориям вооружений, 2025–2029 гг., млрд долл.

Источник: Projected Costs of U.S. Nuclear Forces, 2023 to 2032. Congressional Budget Office, July 14, 2023. Available at: <http://www.cbo.gov/publication/59054>.

Таблица 21

**Прогнозируемые расходы на ядерный арсенал США по линии
министерства обороны, 2025–2029 гг., млрд долл.**

	Всего					
	2025	2026	2027	2028	2029	Всего
Носители ядерного оружия						
Стратегические системы доставки						
ПЛАРБ	13,6	16,2	17,1	19,8	19,7	86,4
МБР	7,3	13,0	13,4	12,1	11,3	57,1
Тяжелые бомбардировщики	4,3	4,5	5,1	5,7	6,5	26,1
Прочее	1,8	1,9	1,9	2,0	2,0	9,6
Итого	27,0	35,6	37,5	39,6	39,5	179,2
Тактические системы доставки						
	0,5	0,5	0,4	0,4	0,4	2,2
Всего	27,5	36,1	37,9	40,0	39,9	181,4
Системы оперативного управления и коммуникации						
Системы оперативного управления	2,5	2,7	2,2	2,3	2,6	12,3
Системы связи	3,5	3,5	3,7	2,8	2,8	16,3
СПРН	6,1	5,1	5,2	5,6	5,5	27,5
Итого	12,1	11,3	11,1	10,7	10,9	56,1
Всего по линии минобороны*	39,7	47,4	49,1	50,7	50,8	237,5

* В таблице не учитывается ежегодный перерасход бюджетных средств, объем которого за десять лет (2023–2032 гг.) составит, по прогнозам, 56 млрд долл.

Источник: Projected Costs of U.S. Nuclear Forces, 2023 to 2032. Congressional Budget Office, July 14, 2023.
Available at: <http://www.cbo.gov/publication/59054>.

Таблица 22

Прогнозируемые расходы на ядерный арсенал США по линии министерства энергетики, 2025–2029 гг., млрд долл.

	Финансовый год					Всего
	2025	2026	2027	2028	2029	
Носители ядерного оружия						
Стратегические системы доставки						
ПЛАРБ	1,4	1,4	1,6	1,6	1,6	7,6
МБР	1,2	1,2	1,4	1,4	1,7	6,9
Тяжелые бомбардировщики	1,4	1,2	1,0	1,0	0,9	5,5
Итого	4,0	3,8	4,0	4,0	4,2	20,0
Тактические системы доставки	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,6
Всего	4,2	3,9	4,1	4,1	4,3	20,6
Инфраструктура и нацлаборатории						
Обслуживание запасов ядерного оружия	1,2	1,2	1,2	1,2	1,3	6,1
Объекты и инфраструктура	8,1	7,9	7,6	7,8	8,0	39,4
Прочее	5,3	5,4	5,6	5,7	5,9	27,9
Итого	14,6	14,5	14,4	14,7	15,2	73,4
Всего по линии министерства энергетики*	18,8	18,4	18,5	18,8	19,5	94,0

* В таблице не учитывается ежегодный перерасход бюджетных средств, объем которого за десять лет (2023-2032 гг.) составит, по прогнозам, 40 млрд долл.

Источник: Projected Costs of U.S. Nuclear Forces, 2023 to 2032. Congressional Budget Office, July 14, 2023. Available at: <http://www.cbo.gov/publication/59054>.

Таблица 23

Крупнейшие страны-импортеры товаров из США, 2013–2019 гг.*

		2013	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029
Канада	млрд долл.	302	355	350	348	365	378	389	401
	% к итогу	19,0	17,4	16,8	16,8	16,8	16,6	16,5	16,4
Мексика	млрд долл.	226	323	334	328	344	359	373	388
	% к итогу	14,2	15,8	16,0	15,9	15,8	15,8	15,9	15,9
Китай	млрд долл.	123	149	145	153	159	164	169	176
	% к итогу	7,7	7,3	7,0	7,4	7,3	7,2	7,2	7,2
Итого	млрд долл.	1594	2045	2083	2071	2179	2273	2352	2440
	% к итогу	100,0	100,0	350,0	348,0	365,0	378,0	389,0	401,0

* Данные за 2025–2029 годы (подсвечены серым цветом) – прогноз.

Рассчитано по: U.S. Bureau of Economic Analysis. Table 2.3. U.S. International Trade in Goods by Area and Country, Not Seasonally Adjusted Detail. Available at: <https://www.bea.gov/itable/international-transactions-services-and-investment-position> (accessed 03.04.2025).

Таблица 24

Крупнейшие страны-экспортеры товаров в США, 2013–2019 гг.*

		2013	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029
Канада	млрд долл.	338	427	421	420	424	453	476	495
	% к итогу	14,7	13,7	13,1	12,7	12,8	13,0	13,1	13,2
Мексика	млрд долл.	287	485	513	516	505	535	566	595
	% к итогу	12,5	15,6	16,0	15,7	15,3	15,4	15,6	15,8
Китай	млрд долл.	442	428	419	440	464	457	451	439
	% к итогу	19,3	13,8	13,0	13,3	14,1	13,2	12,4	11,7
Итого	млрд долл.	2294	3109	3212	3296	3298	3470	3629	3765
	% к итогу	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Данные за 2025–2029 годы (подсвечены серым цветом) – прогноз.

Рассчитано по: U.S. Bureau of Economic Analysis. Table 2.3. U.S. International Trade in Goods by Area and Country, Not Seasonally Adjusted Detail. Available at: <https://www.bea.gov/itable/international-transactions-services-and-investment-position> (accessed 03.04.2025).

Таблица 25

Крупнейшие страны – торговые партнеры США, 2013–2019 гг.*

		2013	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029
Канада	млрд долл.	640	782	770	772	818	855	884	917
	% к итогу	16,5	15,2	14,3	14,4	14,5	14,5	14,5	14,4
Мексика	млрд долл.	513	808	850	833	879	925	968	1012
	% к итогу	13,2	15,7	15,8	15,5	15,6	15,7	15,8	15,9
Китай	млрд долл.	565	577	585	617	616	615	608	610
	% к итогу	14,5	11,2	10,9	11,5	40,9	10,4	9,9	9,6
Итого	млрд долл.	3888	5154	5379	5369	5649	5902	6118	6348
	% к итогу	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Данные за 2025–2029 годы (подсвечены серым цветом) – прогноз.

Рассчитано по: U.S. Bureau of Economic Analysis. Table 2.3. U.S. International Trade in Goods by Area and Country, Not Seasonally Adjusted Detail. Available at: <https://www.bea.gov/itable/international-transactions-services-and-investment-position> (accessed 03.04.2025).

Таблица 26

Дефицит торгового баланса США с Канадой, 2013–2029 гг.*

	2013	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029
млрд долл.	36	72	70	75	88	98	107	116
% к итогу	5,7	9,2	9,1	9,8	10,7	11,4	12,1	12,6

* Данные за 2025–2029 годы (подсвечены серым цветом) – прогноз.

Рассчитано по: U.S. Bureau of Economic Analysis. Table 2.3. U.S. International Trade in Goods by Area and Country, Not Seasonally Adjusted Detail. Available at: <https://www.bea.gov/itable/international-transactions-services-and-investment-position> (accessed 04.04.2025).

Таблица 27

Накопленные прямые инвестиции США в Канаде, 2013–2029 гг.*

	2013	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029
млрд долл.	370	452	426	438	452	465	477	491
% к итогу	8,1	6,8	6,3	6,4	6,4	6,5	6,5	6,5

* Данные за 2024–2029 годы (подсвечены серым цветом) – прогноз.

Рассчитано по: U.S. Bureau of Economic Analysis. Direct Investment & Multinational Enterprises.

Available at: <https://www.bea.gov/itable/direct-investment-multinational-enterprises> (accessed 13.12.2024).

Таблица 28

Накопленные прямые инвестиции Канады в США, 2013–2029 гг.*

	2013	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029
млрд долл.	223	672	680	718	758	799	836	881
% к итогу	8,2	12,5	11,8	11,9	12,1	12,2	12,3	12,5

* Данные за 2024–2029 годы (подсвечены серым цветом) – прогноз.

Рассчитано по: U.S. Bureau of Economic Analysis. Direct Investment & Multinational Enterprises. Available at: <https://www.bea.gov/itable/direct-investment-multinational-enterprises> (accessed 13.12.2024).

Таблица 29

Прогноз роста военных расходов Канады в 2024–2029 фин. гг.

Финансовый год	2024–2025	2025–2026	2026–2027	2027–2028	2028–2029	2029–2030
Запланированные военные расходы Канады (в млрд долл.)	41	52,3	53,2	53,5	54,9	57,8
Прогноз роста ВВП, согласно оборонной стратегии 2024 г. (в млрд . долл.)	2958	3071	3124	3176	3231	3285
Прогноз роста номинального ВВП, согласно оборонной стратегии 2024 г.		3,80%	1,70%	1,70%	1,70%	1,70%
Прогноз доли военных расходов в ВВП, согласно оборонной стратегии 2024 г.	1,39%	1,70%	1,70%	1,68%	1,70%	1,76%
Прогноз Бюджетного управления парламента о росте ВВП (в млрд долл.)	3034	3139	3253	3382	3514	3656
Прогноз Бюджетного управления парламента о росте номинального ВВП		3,50%	3,60%	3,90%	3,90%	4,00%
Прогноз Бюджетного управления парламента о доле военных расходов в ВВП	1,35%	1,67%	1,63%	1,58%	1,56%	1,58%

С 93 США при второй администрации Д. Трампа: анализ основных тенденций развития / ИСКРАН. Москва: Издательство «Весь Мир». 136 с.

ISBN 978-5-7777-0978-3

Исследование посвящено анализу ключевых тенденций и вызовов, с которыми столкнутся США во второй половине 2020-х гг. Его задача – предоставить читателю общее понимание тех процессов, которые будут оказывать влияние на динамику развития Северной Америки в период работы второй администрации Дональда Трампа. Для этого в работе были выделены такие направления исследований как экономика и общество США, американская внешняя и военная политика, перспективы американо-канадских отношений. Анализ данных проблем позволяет лучше оценивать перспективы мирового развития в целом, а также те вызовы и риски, которые стоят перед национальной безопасностью и социально-экономическим развитием Российской Федерации. Работа предназначена для специалистов, занятых в сферах экономики, политологии и международной безопасности, преподавателей, студентов и аспирантов ВУЗов, а также всех интересующихся проблемами Северной Америки и международных отношений.

**УДК 32(73)
ББК 66.2 (7Coe)6**

США ПРИ ВТОРОЙ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА: анализ основных тенденций развития

Институт Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук

Научное издание

Редактор: *О.А. Зимарин*
Корректор: *Е.В. Феоктистова*
Верстка *Н.А. Кузнецовой*
Художественное оформление выполнено ИСКРАН

Подписано в печать 25.08.2025
Формат 84 × 108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 14,28. Тираж 300 экз.
Зак. № 4596

ООО Издательство «Весь Мир»
109544, г. Москва, ул. Б. Андроньевская, д. 5, стр. 1
Тел.: +7 (495) 632-47-04
<http://www.vesmirbooks.ru>
E-mail: info@vesmirbooks.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
<http://http://www.chpd.ru>
E-mail: sales@chpd.ru

Телеграм-канал
ИСКРАН

Официальный
сайт ИСКРАН

Телеграм-канал
Совета молодых
учёных ИСКРАН

WWW.ISKRAN.RU

www.vesmirbooks.ru